

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

52 2023
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (499) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максумович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Святослав Николаевич Фёдоров* (1927–2000), советский и российский офтальмолог, глазной микрохирург, один из участников внедрения радиальной кератотомии, Герой Социалистического Труда, заслуженный изобретатель СССР.

Святослав Николаевич родился 8 августа 1927 года в г. Прокурове (ныне Хмельницкий, Украина) в семье командира дивизии Красной Армии. Его отец был репрессирован в 1938 году и приговорен к 17 годам лагерей.

После окончания школы в 1943 году Святослав поступил в Ереванское подготовительное артиллерийское училище. В 1944 году был переведен в 11-е подготовительное училище ВВС, однако не смог его закончить, так как в 1945 году в результате несчастного случая потерял ступню. В 1952 году окончил в г. Ростове-на-Дону медицинский институт.

В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1967 году — докторскую. Работал врачом в станице Вешенская Ростовской области и в г. Лысьве Свердловской области. С 1958 года заведовал клиническим отделением в Чебоксарском филиале Государственного института глазных болезней имени Гельмгольца.

В 1960 году Фёдоров создал искусственный хрусталик и провел экспериментальную операцию по его имплантации. Но в результате конфликта с директором филиала Святослав Николаевич был уволен, а его исследования были объявлены ненаучными. Однако после публикации в «Известиях» статьи Анатолия Аграновского о результатах по вживлению искусственного хрусталика Фёдоров был восстановлен на работе. Эта публикация помогла еще и созданию научной лаборатории. С 1961 по 1967 год Святослав Фёдоров работал в Архангельске заведующим кафедрой глазных болезней мединститута, затем был переведен в Москву и возглавил кафедру глазных болезней и проблемную лабораторию по имплантации искусственного хрусталика в 3-м Московском медицинском институте. В 1969 году ученый занялся имплантацией искусственной роговицы. В 1973 году впервые в мире провел операции по лечению глаукомы на ранних стадиях: разработал метод глубокой склерэктомии, впоследствии получивший международное признание.

В 1974 году возглавляемая Святославом Фёдоровым лаборатория отделилась от института и получила название Московской научно-исследовательской лаборатории экспериментальной и клинической хирургии глаза Министерства здравоохранения РСФСР. В том же году Святослав Фёдоров начал проводить операции по лечению и коррекции близорукости нанесением передних дозированных надрезов на роговицу по разработанной им методике. Эта методика впоследствии широко применялась в клинике Фёдорова и ее филиалах, а также за рубежом.

В 1979 году на базе лаборатории был создан Институт микрохирургии глаза, директором которого стал Святослав Фёдоров.

В период перестройки клиника С. Фёдорова продолжала развиваться. В апреле 1986 года на базе института был создан Межотраслевой научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза».

Святослав Фёдоров вел активное строительство филиалов МНТК по всей стране (всего открыто 11 филиалов) и за рубежом (в Италии, Польше, Германии, Испании, Йемене, ОАЭ), оборудовал морское судно — офтальмологическую клинику «Петр Первый», плавающее по Средиземному морю и Индийскому океану.

В апреле 1995 года Святослав Николаевич Фёдоров был избран действительным членом Российской академии медицинских наук (РАМН). Являлся членом-корреспондентом Российской академии наук (РАН), действительным членом Российской Академии естественных наук (РАЕН), ряда зарубежных академий.

Под руководством академика Святослава Фёдорова подготовлено и защищено несколько десятков докторских и кандидатских диссертаций. Он автор более 180 изобретений.

В 1989–1991 годах Святослав Николаевич был народным депутатом СССР. Активно занимался политической агитацией. Являлся членом редакционной коллегии журнала «Огонёк». В январе 1995 года создал и возглавил Партию самоуправления трудящихся (ПСТ), стоявшую на социал-демократических позициях.

В 1996 году выдвигал свою кандидатуру на выборах Президента России, где набрал 0,92 % голосов, заняв шестое место.

Второго июня 2000 года Святослав Фёдоров погиб в авиакатастрофе: принадлежавший клинике вертолёт «Еврокоптер Газель», на котором Фёдоров возвращался с конференции из Тамбова, рухнул на пустырь в районе Братцева, близ МКАД. На борту находились четыре человека: сам Фёдоров и его пилот Анатолий Лобов, штурман Анвер Хусаинов и инженер МНТК «Микрохирургия глаза» Александр Спиридонов. Все четверо погибли. По заключению МАК, причиной авиакатастрофы стала техническая неисправность вертолёта.

Выдающийся офтальмолог похоронен на сельском кладбище деревни Рождественно Мытищинского района. На месте гибели Фёдорова построена часовня.

Имя Святослава Фёдорова носят МНТК «Микрохирургия глаза», многопрофильный медицинский центр в Москве, а также парк имени Святослава Фёдорова в Москве и Фёдоровский сквер в Санкт-Петербурге. В его честь названы улицы в Калуге, в Москве, Пыть-Яхе, Чебоксарах и Ростове-на-Дону. В 1993 году в честь Фёдорова был назван астероид (4371) Фёдоров, открытый 10 апреля 1983 года советским астрономом Л. И. Черных.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Красова Е. А.**
Проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии 269
- Кузнецова О. О.**
Защита прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних при отмене усыновления 271
- Курицына А. В.**
Административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности 273
- Левченко В. Д.**
Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность 277
- Лиликова О. С., Сукач А. Н.**
Конституционные основы социального обеспечения населения в РФ 279
- Липатов В. В.**
Историко-правовая характеристика хищения по уголовному законодательству России 281
- Липатов В. В.**
Определение хищения и его признаки по уголовному закону России 282
- Лотырев М. Д., Миронов Д. А.**
Современные проблемы ипотечного кредитования в России 285
- Макаров И. С., Портнова А. В.**
Правовая аксиома «один свидетель — не свидетель» в правоприменительной практике России 288
- Москова А. Р.**
Наказание в современном уголовном праве Российской Федерации: признаки, социальная сущность, цели 290
- Мурзич Ю. И.**
Особенности разграничения ничтожных и оспоримых сделок 293
- Нейман Э. А., Савидова М. С.**
Утечка и незаконное распространение биометрических персональных данных в банковской сфере: общая характеристика и пути преодоления проблем 296
- Овчинникова О. Н.**
Проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации 297
- Очирова А. А.**
Становление и развитие российского федерализма 300
- Очирова А. А.**
Понятие и правовая сущность федерализма 302
- Панин Н. Ю.**
Государственная регистрация прав на недвижимое имущество как одно из условий действительности сделок с недвижимостью 305
- Сариев Г. С.**
Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: теория и практика 307
- Сариев Г. С.**
Цифровой рубль как новая форма национальной валюты Российской Федерации 308
- Свешников А. С.**
Субъективные признаки состава убийства 310
- Свешников А. С.**
Виды убийства в уголовном праве и их отграничение от простого состава убийства 312

Свиридов А. Е. К вопросу о возрасте уголовной ответственности..... 313	Теплоухова В. В. Некоторые вопросы принудительного взыскания задолженности при прекращении производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в отношении должника- физического лица в связи с невозможностью утверждения кандидатуры финансового управляющего 322
Сокольникова А. В. Элементы правового статуса эксперта в российском уголовном судопроизводстве ... 316	Фомин А. Г. Конституционализация административного законодательства как путь к построению гражданского государства..... 325
Ступельман Л. А. Противодействие антиобщественному поведению в современном российском обществе: административно-правовой аспект..... 318	Фомин А. Г. Проблемы института обращений граждан в административном праве..... 327
Сыманович Е. В. Актуальные проблемы антикоррупционной политики в органах местного самоуправления 320	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии

Красова Елизавета Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк)

Статья рассматривает проблемы и тонкости, связанные с квалификацией преступлений, совершенных в соучастии. Анализируются различные формы и степени соучастия, а также правовые последствия и сложности, возникающие из-за совместного участия в преступлениях. Подробно обсуждаются различия между основными исполнителями и пособниками, ответственность каждого участника и проблемы, с которыми сталкиваются юристы при попытках обеспечить надлежащее выполнение закона.

Ключевые слова: соучастие, квалификация преступлений, совместное участие, правовые последствия, основные исполнители, пособники, ответственность, юридические проблемы.

Problems of classification of crimes committed in complicity

This article delves into the challenges and nuances associated with the qualification of crimes committed in complicity. Various forms and degrees of complicity are analyzed, as well as the legal implications and complexities arising from joint participation in crimes. The differentiation between principal perpetrators and accomplices, the accountability of each participant, and the challenges faced by legal practitioners in ensuring justice is appropriately served are discussed in detail.

Keywords: complicity, crime qualification, joint participation, legal implications, principal perpetrators, accomplices, accountability, legal challenges.

Институт соучастия в преступлении впервые был закреплён в Уголовном уложении 1903 года. В уголовном законе СССР 1960 года эта концепция была определена в статье 17 как «Умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Современный Уголовный кодекс РФ 1996 года выделяет целую главу (глава 7) на эту тему, включающую пять статей о различных аспектах соучастия [2].

При применении закона возникают сложности в определении квалификации преступлений, осуществлённых различными группами лиц, так как необходимо учитывать действия и намерения всех участников [1].

В современной юриспруденции существует множество спорных вопросов в отношении соучастия. Некоторые из них включают: проблемы с определением неосторожного сопричи-

нения преступления, трудности с правильной квалификацией преступлений, отсутствие четких критериев для определения различных групп преступников и вопросы, связанные с посредничеством в преступлении, когда исполнителем является лицо, не являющееся субъектом преступления.

Согласно части 2 статьи 33 УК РФ, если кто-либо привлекает к совершению преступления лицо, которое либо не достигло возраста уголовной ответственности, либо невменяемо, то первое лицо будет считаться исполнителем преступления. Эта позиция также подтверждается пунктом 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 [3].

Тем не менее, некоторые эксперты считают, что в случае, когда преступление совершается под руководством вменяемого лица с участием лиц, не подлежащих уголовной ответствен-

ности, нельзя говорить о соучастии. Поскольку лицо, которое не достигло возраста уголовной ответственности или невменяемо, не может быть признано участником преступления [4]. Это подразумевает, что только один участник действительно является исполнителем.

Статья 32 УК РФ определяет соучастие как деяние, в котором участвуют минимум два лица, которые вменяемы и достигли возраста уголовной ответственности. Поэтому, когда присутствует только один такой участник, его сложно рассматривать как соисполнителя.

Затруднительно понимать, почему действия, описанные в части 2 статьи 33 УК РФ, рассматриваются как форма соучастия, учитывая, что «другие лица» в этом контексте (включая невменяемых) не могут нести уголовную ответственность и, следовательно, не могут быть соучастниками. Это подтверждает мнение о том, что в таких обстоятельствах нет реального соучастия.

Вопрос неосторожного сопричинения до сих пор вызывает много споров. По уголовному кодексу РФ, неосторожность в рамках соучастия не признается. Согласно статье 32 УК РФ, под соучастием понимается исключительно умышленное преступное действие. Однако есть эксперты, считающие возможным неосторожное соучастие.

Так, Н. Д. Сергеевский утверждал, что неосторожное соучастие проявляется тогда, когда участники не прогнозируют исход, но могли бы и должны были это сделать. Он приводил пример: рабочие на крыше по приказу начальника, не предупредившего о возможных рисках, сбрасывают бревно, при этом один из рабочих привлекает к себе еще одного рабочего для помощи, и в результате бревно падает на прохожего, убивая его. В данной ситуации начальник действует как подстрекатель в рамках неосторожного соучастия, первый рабочий — как исполнитель, а второй — либо как помощник, либо как соисполнитель, в зависимости от его роли в процессе [5].

И. Я. Хейфец поддерживал мнение Н. Д. Сергеевского, уделяя в своей работе особое внимание вопросу неосторожного подстрекательства [6]. С другой стороны, Ф. Лифт был уверен, что неосторожность в соучастии невозможна. Он аргументировал, что и подстрекатель, и пособник всегда осознают свои действия и возможные последствия [7].

Что касается других упомянутых вопросов, для их рассмотрения лучше обратиться к конкретным примерам из судебной практики.

Рассмотрим примеры ошибочной классификации. Так, Я. и К. были приговорены Истринским муниципальным судом Московской области за участие в деловом обмане, что привело к грубому нарушению государственных интересов, зафиксированных в законе, в качестве подстрекательства и помощи в преступлении. Однако, апелляционная инстанция Московского областного суда высказала несогласие с этой классификацией, указав, что М. предоставил неправдивые данные в протоколе с целью улучшить результаты своей деятельности. При этом первоначальный суд не учел основания, изложенные в статье 32 УК РФ и пункте 4 статьи 33 УК РФ, нарушив таким образом стандарты уголовного и процессуального законодательства.

В ходе рассмотрения дела судом нижестоящей инстанции были приняты на веру неверные показания свидетелей, в то время как достоверные были отклонены. Более того, апелляционный суд выявил серьезные недостатки в выводах и обоснованиях приговора, где были приведены необоснованные показания свидетеля М. Позже выяснилось, что М. на самом деле не делал таких заявлений, которые были учтены в документе. Исходя из выявленных нарушений, апелляционная инстанция Московского областного суда изменила квалификацию действий Я. и К. в рамках их участия в преступлении [8].

В судебной системе иногда возникают сложности в определении разницы между терминами «организованная группа» и «группа лиц, действующих по предварительной договоренности». В Ставропольском регионе верховный суд отклонил решения нижестоящих инстанций по делу двух обвиняемых, выявив ошибку в интерпретации уголовного законодательства, что привело к неверной квалификации деяния.

Кассационный суд Ставрополя пришел к выводу, что в действиях Ф. и Н. отсутствуют характерные черты организованной группы, такие как:

- высокая профессиональная подготовка;
- стойкая связь между членами с определенными способами подготовки к преступлениям; • четко определенное разделение обязанностей;
- тщательная подготовка и координация действий организатором;
- использование специализированного оборудования и средств связи;
- основательный отбор и вербовка участников;
- строгие условия для вступления в группу;
- постоянство и солидарность ее членов;
- специализация каждого участника и подчинение общим правилам дисциплины.

Исходя из вышеуказанных фактов, было определено, что Ф. и Н. действовали на основе предварительной договоренности, но без признаков организованной группы. Таким образом, их деяния были квалифицированы как совершенные «группой лиц по предварительному сговору». В результате такой квалификации уровень ответственности был уменьшен [10].

Изучая вопросы и сложности, связанные с институтом соучастия, а также анализируя судебные решения по этому вопросу, становится очевидно, что судебные органы продолжают допускать значительные ошибки при квалификации преступлений. Постановления Пленума Верховного Суда РФ также не приносят необходимой ясности в этот вопрос.

Многие осуждены на основании ошибочной квалификации, что приводит к более строгому наказанию, чем это было бы справедливо. Эти проблемы могут возникать из-за различных факторов. Один из них — стремление правоохранительных органов показать лучшую раскрываемость преступлений. Это может касаться групповых преступлений, преступных объединений и т.д. При этом не учитывается отсутствие признаков, например, организованной группы.

Ложные показания свидетелей также могут ввести суд в заблуждение, и при отсутствии полного анализа ситуации суд может основывать свое решение на неверной информации. От-

существование четких критериев в законе для различия между разными видами групп преступников также может сбивать суд с толку.

Для улучшения ситуации важно внести изменения в уголовное законодательство. Учитывая важность и сложность вопроса соучастия, где участвует несколько лиц, увеличивая общественную опасность, необходимы новые меры. Ключевой шаг — разработка четких критериев для определения разных групп преступников. Важно также повысить качество след-

ственной работы и наказывать правоохранительных служащих за игнорирование явных доказательств.

При рассмотрении дел о соучастии судам следует руководствоваться не только уголовным кодексом, но и действующими постановлениями, уточняющими положение в этой области. Если уголовное законодательство будет эффективно решать вопросы, связанные с соучастиями, это улучшит раскрываемость преступлений и снизит количество ошибок при квалификации и назначении наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N25, ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу с 01.01.1997) // Ведомости ВС РСФСР, 1960, N40, ст. 591.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N4, апрель, 2011.
4. Назаренко Г. В. Квалификация особых случаев соучастия: соучастие и невменяемость // Правоведение. 2008. № 3. С. 95.
5. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1887. С. 371–372.
6. Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1912. С. 377–378, 396.
7. Лифт Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 245–251.
8. Дело № 22–3496/2016 // Архив Московского областного суда г. Красногорск (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-105296217/> (Дата обращения: 22.09.2023).
9. Дело № 22–13/2017 (22–1810/2016) // Архив Новгородского областного суда г. Великий Новгород (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-novgorodskij-oblastnoj-sud-novgorodskaya-oblast-s/act-548798637/> (Дата обращения: 22.09.2023).
10. Дело № 4У-1633/2016 [44У-325/2016] // Архив Ставропольского краевого суда (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-stavropolskij-kraevoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-540267653/> (Дата обращения: 22.09.2023).

Защита прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних при отмене усыновления

Кузнецова Ольга Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кудяева Анна Владимировна, старший преподаватель

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье автор исследует основания отмены усыновления и формы защиты прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних при отмене усыновления. Отмечается, что перечень оснований отмены усыновления не является закрытым. В частности, суды принимают во внимание такое обстоятельство для отмены усыновления, как отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного. Предлагается изменение гражданского процессуального законодательства в части обязательного прохождения несовершеннолетним усыновленным судебной психологической экспертизы.

Ключевые слова: усыновление, отмена усыновления, заключение прокурора, интересы ребенка, мнение ребенка, судебная психологическая экспертиза.

Одной из приоритетных форм устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей, является усыновление, которое более всего приближено к возможности воспитания ребенка в общепринятых условиях. Усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Отношения по усыновлению регулируются семейным

и гражданским процессуальным законодательством, устанавливающим, в том числе, порядок осуществления и защиты семейных прав. Согласно положениям семейного законодательства ребенок передается в семью на воспитание и ему должны быть обеспечены полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие без риска для жизни и его здоровья.

Вместе с тем не всегда усыновление ребенка заканчивается для него счастливой семейной жизнью, поскольку по различным обстоятельствам усыновление может быть отменено. Как справедливо отмечают С. В. Медведев, А. С. Медведева: «Само усыновление как процедура воспринимается достаточно позитивно, поскольку несет надежду. Случаи его отмены формируют так называемое вторичное сиротство (вторичный отказ)» [1, с. 8]. Безусловно, следует избегать случаев отказа от усыновления, поскольку это сильнейший травмирующий психологический фактор для ребенка.

Поэтому законодатель предусмотрел обеспечение соблюдения гарантий прав и законных интересов ребенка при отмене усыновления. Как следует из части 1 статьи 141 Семейного кодекса Российской Федерации усыновление ребенка может быть отменено в случаях, если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией [2]. Кроме этого, перечень оснований для отмены усыновления не является закрытым, поскольку в соответствии с частью 2 этой же статьи суд вправе отменить усыновление ребенка и по другим основаниям исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Верховный Суд Российской Федерации раскрывает такие случаи, разъясняя судам, что они вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении [3].

Прокуратура, как орган надзора за законностью обязана осуществлять защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, как наиболее уязвимых субъектов правовых отношений. Гражданское процессуальное и семейное законодательство предусматривает, что отмена усыновления ребенка производится в судебном порядке, а дело об отмене усыновления ребенка рассматривается с участием прокурора.

Прокурор вправе обратиться в суд с иском заявлением к усыновителям ребенка, вступить в процесс для дачи соответствующего заключения, участвовать в деле, в апелляционной, кассационной инстанциях при обжаловании решения суда. Прокурор должен быть не просто сторонним независимым участником процесса. Задачи, стоящие перед ним, предполагают активное участие в исследовании материалов дела и представляемых доказательств. Так, в соответствии с Приказом Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном суде-

производстве» прокурорам, участвующим в рассмотрении дел судами, до начала судебного разбирательства предписано детально изучить материалы дела, анализировать законодательство и судебную практику по спорным правоотношениям. По всем возникающим при рассмотрении дела вопросам занимать аргументированную позицию, активно участвовать в исследовании доказательств, при необходимости инициировать их истребование, а также эффективно использовать иные права лица, участвующего в деле. При выявлении в ходе судебного разбирательства нарушений закона обращаться к суду с ходатайством о вынесении частного определения в адрес соответствующей организации или должностного лица, допустивших такие нарушения [4].

Заключение прокурора, участвующего в деле об отмене усыновления, должно содержать анализ доказательств, юридическую квалификацию обстоятельств дела, мотивированные ссылки на закон, подлежащий применению. Прокурор является представителем государства, и это обязывает его быть максимально объективным в оценке объяснений сторон, показаний свидетелей, заключения эксперта. Он не может воздержаться от дачи заключения по делу [5, с. 84]. Задача прокурора — не только защитить права и законные интересы несовершеннолетних детей, но и оказать помощь суду при вынесении решения. Согласно закону заключение прокурора по существу дела не обязательно для суда, суд может с ним не согласиться, мотивировав данное несогласие в решении. Вместе с тем, в большинстве случаев суды соглашаются с позицией прокурора.

Следует отметить, что большое значение при отмене усыновления имеет эмоциональное состояние усыновленных детей, которые повторно переживают отвержение усыновителей. В период рассмотрения дела об отмене усыновления ребенок пребывает в состоянии стресса, испытывает тревогу, страх перед будущим результатом. Пока длится судебное разбирательство, ребенок пребывает в семье усыновителей, чувствует их отторжение. В судопроизводстве основной процессуальной формой использования специальных психологических знаний является судебная психологическая экспертиза. Эксперт-психолог компетентен в особенностях семейных взаимоотношений усыновителей и усыновленного ребенка, способен понять психологическое состояние ребенка, спрогнозировать последствия отмены усыновления для него. Экспертное заключение такого рода помогло бы как прокурору, так и суду оценить все доказательства по делу в совокупности и объективно принять справедливое решение по делу, отвечающее интересам ребенка.

Однако, с точки зрения закона экспертиза по делам об отмене усыновления не обязательна. По нашему мнению, в целях наиболее полной защиты интересов детей, предупреждения и профилактики случаев отмены усыновления необходимо внести изменения в семейное и гражданское процессуальное законодательство в части обязательного проведения судебной психологической экспертизы психоэмоционального состояния ребенка и усыновителей, последствий отмены усыновления для детей и оказания психологической помощи «отказному» ребенку.

Литература:

1. Медведев, С. В. Отмена усыновления должна быть исключительной мерой, преследующей цель защиты прав и интересов ребенка / С. В. Медведев, А. С. Медведева. — Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 3. — С. 8–11.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: СК: текст с изменениями и дополнениями на 26.10.2023 года: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — с. ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей». — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 6.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»: текст в редакции от 19.10.2022 года. — Текст: непосредственный // Законность. — 2021 — № 2.
5. Абушенко, Д. Б. Гражданский процесс: учебник / Д. Б. Абушенко, отв. Ред. В. В. Ярков. — 6-е изд. — Москва: Волтерс Клувер, 2006. — 702 с. — Текст: непосредственный.

Административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности

Курицына Анастасия Викторовна, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В данной статье рассмотрены актуальные изменения в законодательстве Российской Федерации в области нарушения требований пожарной безопасности, предусматривающие административную ответственность. Дается понимание, что же такое административная ответственность. Кроме того, приведена сравнительная характеристика действующей и предыдущей редакции ст. 20.4 КоАП РФ. Обозначены проблемные вопросы в области привлечения к административной ответственности за рассматриваемые правонарушения. На основании вышеизложенного, а также рассмотренной судебной практики сформулированы юридически значимые факты, влияющие на определение объективной и субъективной стороны правонарушения в исследуемой области и позволяющие определить виновность того или иного лица в связке: руководитель организации — лицо, назначенное ответственным за пожарную безопасность.

Ключевые слова: административная ответственность, пожарная безопасность, требования пожарной безопасности, ответственный за пожарную безопасность, делегирование полномочий, состав правонарушения.

Административная ответственность играет очень большую роль в регулировании общественных отношений и в обеспечении общественного порядка. На сегодняшний день административная ответственность является одной из наиболее распространенным и востребованным видом юридической ответственности. Этот институт активно участвует в обеспечении стабильности общественной жизни и повышении гарантий защищенности прав граждан и тем самым приобретает значимость эффективного правового способа воздействия на общественные отношения. Вот как об этом говорят отдельные авторы: «Ведущее положение среди видов юридической ответственности занимает административная. Данная позиция определяется не только общим многомиллионным количеством фактов привлечения к ней, но и тем, что к ней привлекаются виновные большим количеством органов и должностных лиц административной юрисдикции» [10]. Её роль, прежде всего, определяется тем, что борьба с административными правонарушениями во-многом предупреждает совершение более вредных в социальном плане правонарушений, а именно преступлений.

Сперва стоит обозначить, что же собой представляет административная ответственность в целом.

Л. Л. Попов под административной ответственностью понимает «...реализацию административно-правовых санкций,

применение уполномоченным органом или должностным лицом административных взысканий к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение» [11].

Е. В. Додин дает аналогичное определение административной ответственности «...административная ответственность состоит в применении к правонарушителю административно-правовой санкции» [12].

По мнению А. Б. Агапова, административная ответственность есть мера принудительного воздействия, которая применяется к виновному в совершении административного правонарушения лицу. Сущность данного института выражается в некотором ограничении прав нарушителя или возложении на него дополнительных обязательств. [13].

Четкого понятия «административной ответственности» в нормативно-правовых актах не указано.

Исходя из теории административного права под административной ответственностью понимается применение государственными органами (должностными лицами) административных наказаний к лицам, совершившим административные правонарушения, на основе и в порядке, которые установлены законодательством. [14]

Исходя из определения «административного правонарушения», данного в статье 2.1 КоАП РФ [3], можно сказать, что административная ответственность — это вид юридической

ответственности, наступление которой связано с совершением нарушителем незаконных действий (бездействия), относящихся к сфере регулирования административного права, за которые данное лицо и (или) лица подвергаются мерам административного принуждения.

Административная ответственность представляет собой государственное принуждение в виде применения установленных законом административных наказаний. В ст. 3.1 КоАП РФ сказано, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности.

Данный вид юридической ответственности устанавливает государство, издавая различные законы и иные нормативно-правовые акты, которыми определяются основания возникновения административной ответственности, меры государственного принуждения, порядок их исполнения, рассмотрение дел о правонарушении.

Определение состава правонарушения по делам, связанным с нарушением требований пожарной безопасности, может представлять определенные трудности, когда в организации налажена система распределения полномочий в области пожарной безопасности. Если причиной пожара явилось нарушение требований в рассматриваемой сфере, например, неосторожное обращение с огнем, ответственность, несомненно, возлагается на лицо, чьи действия послужили причиной возникновения пожара. Одновременно с этим, если вследствие этого был причинен тяжкий вред здоровью или наступила смерть людей, требуется установить, не имеется ли признаков состава преступления в деятельности лиц, непосредственно связанных с обеспечением пожарной безопасности в организации.

Вопросы обеспечения пожарной безопасности остаются актуальными на современном этапе развития нашего государства. Статистические данные и официальные отчеты за 2022 год Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России) о количестве произошедших пожаров, пострадавших и погибших в очередной раз показывают, что количество пожаров ежегодно составляет более пятидесяти тысяч, ущерб исчисляется миллиардами рублей, а количество погибших и пострадавших в некоторых регионах России растет. По некоторым критериям можно проследить стабилизацию в показателях, даже относительно положительную динамику (например, по уменьшению общего числа пожаров по сравнению с предшествующими годами), однако вопросы защиты населения и территорий от пожаров по-прежнему чрезвычайно востребованы. За 12 месяцев 2022 г. произошло 352 509 пожаров (за аналогичный период прошлого года (АППГ) — 390 801, —9,8%), на которых погибло 7746 человек (АППГ — 8478, —8,6%), в том числе 306 несовершеннолетних (АППГ — 380, —19,5%), получили травмы 8 140 человек (АППГ — 8390, —3,0%). [17].

Пожарная безопасность является составной и неотъемлемой частью национальной безопасности и определяется как «состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров» [1].

Обеспечение безопасности от пожаров представляет собой одно из важнейших направлений государственной политики на

всех уровнях, ее перспективы на ближайшее будущее определены на самом высоком уровне, а именно в Основах государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года (далее — Основы) [2].

В Основах на нормативном уровне получили закрепление необходимые мероприятия по совершенствованию правового регулирования в области пожарной безопасности, актуализации требований пожарной безопасности на всех уровнях, а также ответственности за нарушение правил и требований пожарной безопасности в соответствии с актуальными потребностями.

Рассматривая диспозицию ст. 219 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], нетрудно заметить, что наступление указанных последствий не связывается напрямую с причиной возникновения пожара. Поэтому в случаях привлечения к уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности необходимо установление причинной связи между фактом нарушения конкретных требований пожарной безопасности и наступлением указанных последствий [4].

Например, загромождение эвакуационных путей или их несоответствие требованиям может послужить причиной наступления тяжких последствий, которые могут явиться основанием для привлечения ответственных лиц к ответственности даже тогда, когда известен виновник, чьи непосредственные действия и стали причиной пожара.

Ярким примером привлечения к ответственности лиц, связанных обеспечением пожарной безопасности, можно считать пожар в торговом центре «Зимняя вишня», который находился в городе Кемерово. Случилось данное событие в марте 2018 года именно из-за несоблюдения правил пожарной безопасности. Число погибших составляет более шестидесяти человек. При этом разбирательство длилось более 2,5 лет. В итоге были осуждены 8 человек. Среди них директор компании и директор самого торгового центра, которых обвинили в нарушении требований пожарной безопасности [16].

Говоря об ответственности за нарушения требований пожарной безопасности (в контексте данной научной статьи), необходимо в первую очередь учитывать положения ст. 38 Федерального закона № 69-ФЗ (далее — Закон № 69-ФЗ) [1], а именно: ответственность за нарушение требований пожарной безопасности в соответствии с действующим законодательством несут собственники имущества, лица, уполномоченные владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, в том числе руководители организаций, лица, в установленном порядке назначенные ответственными за обеспечение пожарной безопасности.

За нарушение требований пожарной безопасности может наступать как административная, так и уголовная ответственность совместно или раздельно с гражданско-правовой ответственностью.

Далее стоит остановиться на тех изменениях, которые связаны с усилением административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности. Федеральный закон от 28.05.2022 N141-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)» вступил в силу с 8 июня 2022 года и серьезно увеличил размеры штрафов за административные правонарушения, в том числе за нарушение требований по-

жарной безопасности [4]. Административная ответственность, в отличие от уголовной может быть возложена на различные категории субъектов: граждан, должностных лиц, предпринимателей без образования юридического лица (индивидуальным предпринимателям) и юридическим лицам.

Количество пожаров на территории нашей страны остается кризисно высоким. Только за 3 месяца 2023 г. уже произошло 53 688 пожаров. В большей степени пожары происходят вследствие деятельности человека, в том числе и по причине несоблюдения требований обращения с огнем. Колоссальный вред, наносимый пожарами, несомненно, негативно влияет как на состояние экономики страны в целом, так и на демографическую ситуацию, имущество граждан. В связи с этим, увеличение размера штрафов за указанные правонарушения призвано способствовать неукоснительному соблюдению противопожарных требований гражданами, а это должно способствовать снижению ущерба от огня. Однако в случае пожара очень часто ущерб носит невосполнимый характер, речь идет о человеческих жизнях. По этой причине, только одного увеличения штрафов недостаточно, нужно повышать уровень правосознательности среди населения всех возрастов и социальных групп, выходить на качественно новый уровень противопожарной пропаганды [9].

КоАП РФ — один из наиболее часто меняющихся законов федерального уровня, только за 2022 и начало 2023 года в него внесено более 40 поправок, что связано это с обновлением потерявших актуальность норм, а повышение штрафов обусловлено сопоставлением меры ответственности со степенью общественной опасности административных правонарушений, а также необходимостью реагирования на современные угрозы.

В силу бланкетности норм ст. 20.4. КоАП РФ, отсылающих непосредственно к самим требованиям пожарной безопасности, следует отметить, что в числе основных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства от пожаров можно отметить следующие:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 N69-ФЗ «О пожарной безопасности».
2. Федеральный закон от 22.07.2008 N123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
3. Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 N1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации».

В дополнение необходимо отметить, что в некоторых сферах хозяйственной деятельности применяются свои нормы и правила пожарной безопасности.

В основном нормативном правовом акте, регулирующем данные вопросы, а именно Федеральном законе от 21.12.1994 N69-ФЗ существует нормативное закрепление понятия «требование пожарной безопасности», так его статья 1 гласит, что «обязательные требования пожарной безопасности (далее — требования пожарной безопасности) — специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными документами по пожарной безопасности» [1].

Иными словами, назначение ответственного за пожарную безопасность не только не снимает ответственности с руководителя, но и требует соблюдения строгих процедур: оформления приказа, определения круга полномочий, прав и обязанностей. Формальный подход в данном случае не допускается, и ответственность, вопреки заблуждению руководителя, не делегируется.

Так, например, в приговоре по делу № 1–155/2014 Медвежьегорский районный суд [15] не посчитал необходимым привлекать к ответственности лицо, назначенное приказом руководителя организации ответственным за пожарную безопасность, поскольку не было доказательств того, что данный работник обладал соответствующими знаниями и навыками в области пожарной безопасности, а также имел необходимое образование или проходил необходимую учебу в области пожарной безопасности. Кроме того, не было предоставлено сведений и доказательств, что указанный работник в рамках возложенных на него обязанностей вел какую-либо работу, связанную с обеспечением пожарной безопасности.

Таким образом, суд посчитал формальным возложение на такого работника указанных выше обязанностей и дополнительно отметил, что факт назначения лица ответственным за пожарную безопасность ни в коей мере не может освобождать руководителя от ответственности, предусмотренной законом.

Одновременно с этим на основании вышеизложенного может также сложиться ложное представление, что назначение ответственным за пожарную безопасность не возлагает никакие обязанности на назначаемого работника, поскольку первоначально за пожарную безопасность отвечает руководитель. Это может сформировать неверное представление об обязанностях работника, что, в свою очередь, может подтолкнуть назначенное лицо к их формальному выполнению. Известны случаи, когда одно ответственное лицо назначается ответственным сразу на многих объектах и, хотя законом такое не запрещено, представляется сомнительной возможность одного лица добросовестно и качественно выполнять свои обязанности при таком подходе.

При соблюдении строгих процедур назначения, определения конкретного круга прав и обязанностей, необходимых для реализации предоставленных полномочий, а также наличия специального образования назначенное лицо будет нести предусмотренную законом ответственность.

Так, Кассационным определением № 22–4761/2011 Санкт-Петербургского городского суда [11] установлена вина лица, назначенного ответственным за пожарную безопасность. Судом указано, что данное лицо проходило обучение по правилам пожарной безопасности, что подтверждается наличием соответствующих документов, в надлежащем порядке было ознакомлено с приказом о назначении его ответственным за пожарную безопасность, а также с должностными инструкциями лиц, ответственных за пожарную безопасность. Суд также отметил, что для ответственных за пожарную безопасность лиц недостаточно одного лишь контроля за выполнением правил противопожарной защиты, включающих в себя не только обеспечение предупреждения пожаров, но и обеспечение безопасности людей в случае возникновения пожара, в первую очередь путем своевременной и беспрепятственной их эвакуации.

Особенностью поведения правонарушителей из числа должностных лиц и иных работников является то, что оно чаще всего «обуславливается» их служебной или производственной деятельностью, поэтому не всегда бывает заметным в ряду других поведенческих актов. Механизм подобных преступлений, совершаемых лицами, ответственными по своему служебному положению и профессиональным функциям за обеспечение безопасности соответствующих работ, процессов, при обращении с техникой и различными веществами, включает в себя преступное поведение правонарушителей и действие разрушительных и каких-либо вредных факторов, вызванных этим поведением [9].

Объективная сторона нарушения требований пожарной безопасности выражается в действии или бездействии, связанном с невыполнением или ненадлежащим выполнением требований пожарной безопасности (например, невыполнение предписания инспектора государственного пожарного надзора, отсутствие замены средств первичных средств пожаротушения и т.д.). При этом, очевидно, обязанность за недопущение нарушений требований пожарной безопасности может быть возложена на разные специальные субъекты в зависимости от конкретных обстоятельств. Таким образом, определяя субъект и рассматривая объективную сторону правонарушения, необходимо исследовать должностные или функциональные обязанности работников, наличие у них соответствующих знаний, а также правила оформления соответствующих документов и их содержание (например, приказ о назначении ответственным за пожарную безопасность).

Так, в первую очередь, необходимо установить следующие обстоятельства:

- в чем конкретно выразилось бездействие виновного лица — какие конкретные действия лицо должно было выполнить;
- обязано ли было лицо их выполнять, и в связи с чем возникла эта обязанность (профессиональная, трудовая и т.д.);
- имело ли лицо реальную возможность выполнить необходимые действия.

Только при наличии названных условий лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в форме бездействия — невыполнения правил пожарной безопасности. Это может быть бездействие, опосредованно приведшее к наступлению предусмотренных в законе последствий: захламление пожарных проходов, недооборудование помещений средствами пожарной сигнализации и пожаротушения, отсутствие инструктажа для персонала о путях эвакуации при пожаре.

В каждом случае, независимо от того действие это или бездействие, необходимо установить, какие именно правила были нарушены, и был ли субъект ознакомлен с этими правилами или имел возможность с ними ознакомиться [8].

Литература:

1. О пожарной безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 года №69-ФЗ ред. от 19 октября 2023 г. №506-ФЗ [принят Государственной Думой 18 ноября 1994 года]. М., 2022. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

Помимо этого, важным аспектом является и определение субъективной стороны — психическое отношение правонарушителя к совершенному деянию и наступившим последствиям, она характеризует правонарушение не только как противоправное, но прежде всего как виновное деяние [8].

Предпосылками к халатному или легкомысленному выполнению обязанностей можно в данном случае отнести отсутствие мотивации, незнание требований пожарной безопасности, ложное понимание сути распределения ответственности.

В таких условиях можно предположить, что с психической точки зрения данная категория правонарушений чаще всего сталкивается с тем, что ответственные лица пытаются переложить вину друг на друга: руководитель на назначенное лицо, будучи уверенным, что он делегировал ответственность, а назначенное лицо на руководителя, полагая, что только руководитель вправе осуществлять руководство системой пожарной безопасности. Наиболее ярко это выражено в случаях, когда назначение лица ответственным за пожарную безопасность носит исключительно формальный характер: не определены его полномочия, права и обязанности.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что определение признаков состава правонарушения в области пожарной безопасности, безусловно, является сложной задачей в контексте распределения полномочий. Анализ судебной практики показывает, что за совершения правонарушений в вышеназванной сфере привлекают к ответственности не только лицо, ставшее виновником пожара, но и тех лиц, на которых лежала обязанность по организации и соблюдению требований пожарной безопасности при наступлении определенных последствий.

На сегодняшний момент нет комплексных правовых исследований общего характера относительно проблем, возникающих в деятельности нашей страны и социума по разработке и поддержанию действенного государственно-правового механизма, направленного поддерживать приемлемый уровень пожарной безопасности на территории нашего государства. Данная ситуация подталкивает к постоянному поиску новых, усовершенствованных способов предотвращения и предупреждения пожаров, уменьшения стоимости ущерба, снижения жертв, в том числе и проведения исследований в области правового регулирования общественных отношений, складывающихся в рассматриваемой области.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что в то время как система российского права находится в стадии постоянного развития и модернизации, органам, уполномоченным на решение вопросов в области правового регулирования пожарной безопасности следует обратить внимание на выработку единой позиции по соотношению, разграничению и применению понятий в области правового регулирования данного вопроса, а также поддерживать высокий уровень профилактической работы среди всех слоев населения.

2. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 1 января 2018 г. N2. М., 2018. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023 [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Методические рекомендации по организации обучения руководителей и работников организаций. Противопожарный инструктаж и пожарно-технический минимум, утвержденные МЧС России. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах: постановление Правительства Российской Федерации от 07.10.2020 N1614. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 N1749 (ред. 24.10.2022). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Кононко П. П., Черныш Д. А., Куулар А. В. О некоторых вопросах, возникающих при привлечении к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в организации // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2023. № 2 (16). С. 51–57.
9. Юдина М. Н. Проблемы квалификации по объективным признакам составов преступлений в сфере пожарной безопасности (на примере ст. 219 УК РФ) // Аллея науки. 2022. Т. 2, № 5 (68). С. 436–442.
10. Кожевников О. А. К вопросу о понятии и признаках административной ответственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 16–18.
11. Россинский Б. В. Некоторые проблемы и перспективы развития административной ответственности // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 38–42.
12. Дугинец А. С. Некоторые концептуальные вопросы административной ответственности в российском праве // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. Ч. 2. М.: Юнити-Дана, 2017.
13. Агапов, А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов / А. Б. Агапов.— 10-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2023.— 495 с.
14. Телегин А. С. Административное право: учебник / под общ. ред. А. С. Телегина; Пермский государственный национальный исследовательский университет.— Пермь, 2020.— 340 с.
15. Приговор Медвежьего районного суда № 1–155/2014 1–18/2015 от 29 мая 2015 г. по делу № 1–155/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: <https://clck.ru/34JZJp> (дата обращения: 13.11.2023 г.).
16. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда № 224761/2011 от 9 августа 2011 г. [Электронный ресурс]. Доступ из интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: <https://clck.ru/34JZNi> (дата обращения: 03.05.2023 г.).
17. Департамент надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России. Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории Российской Федерации за 12 месяцев 2022 г.— М.:2023

Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Левченко Владислав Дмитриевич, студент
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Раскрыто понятие общественного порядка и общественной безопасности, описаны виды правонарушений, предусмотренные главой 20 КоАП РФ.

Ключевые слова: административное правонарушение, общественная безопасность, общественный порядок, виды правонарушений.

Институт административной ответственности предназначен для защиты общественных отношений, регулирующих различные сферы общественной жизни. Одной из охраняемых законом сфер общественной жизни является общественный по-

рядок и общественная безопасность. Необходимость выделения данного объекта обусловлена задачами обеспечения правопорядка в обществе, в том числе и в общественных местах.

В науке понятия общественной безопасности и общественного порядка являются дискуссионным. Этому способствует отсутствие легального определения данных понятий. Учеными высказаны разные предложения по данному поводу.

М. В. Костенников определяет общественную безопасность как «состояние, при котором сохраняются общественное спокойствие, неприкосновенность личности, целостность собственности, т.е. нормально функционируют все общественные институты» [1],

Я. А. Сексте определяет общественную безопасность как «систему общественных отношений, урегулированных нормами права в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения правил пользования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного технического и природного характера, а также других особых обстоятельств» [2].

Приведенные определения позволяют выделить признаки общественной безопасности, являющиеся необходимыми для квалификации административных правонарушений:

- направлены на поддержание спокойствия в традиционных сферах жизни общества;
- гарантируют безопасность жизни граждан в повседневной жизни за счет работы соответствующих институтов;
- направлены на предупреждение ущерба от источников и видов деятельности, представляющих повышенную опасность для окружающих (транспорт, производство, оружие, другие общеопасные предметы);
- важнейшей чертой является урегулированность действий конкретных лиц, выполняющих соответствующие операции с источниками повышенной опасности (транспорт, отходы и др.).

Парной категорией, неотделимой от общественной безопасности, является общественный порядок. Он тоже выступает в качестве объекта административных правонарушений, предусмотренных главой 20 КоАП РФ.

По мнению Т. М. Заниной и О. А. Федотовой, общественный порядок понимается как «общественные отношения, возникающие и развивающиеся в условиях отсутствия негативных факторов, которые могут внести нарушения в привычную жизнедеятельность граждан, их развитие» [3].

М. В. Глушко выделяет такие признаки общественного порядка, как «специфичность системы общественных отношений; устанавливается и санкционируется государством посредством применения социальных норм; направлен на обеспечение общественного спокойствия и нормального функционирования всех сфер жизнедеятельности; обусловлен общественным местом возникновения» [4].

И. Г. Нигматьянов, Ц. С. Дондоков, А. В. Четвергов под общественным порядком понимают «все общественное устройство, совокупность социальных связей и отношения, существующих

в обществе и складывающихся в процессе соблюдения и реализации действующих во всех сферах жизни общества социальных норм, принципов, идей». [5].

Приведенные определения позволяют выделить признаки общественного порядка как объекта административного правонарушения, раскрывающие их сущность:

- в основе регулирования общественного порядка лежат как нормы морали, так и нормы права;
- общественный порядок обеспечивает благоприятные условия для осуществления субъективных прав граждан;
- состоит в исполнении обязанности по поддержанию правопорядка как гражданами, так и должностными лицами;
- обеспечивает эффективную работу всех государственных и частных предприятий, учреждений, организаций, органов, служб и т.п., ответственных за поддержание общественного порядка;
- создает условия для организованности гражданского общества с одной стороны, режима индивидуальной свободы в пределах, предусмотренных правовыми и моральными нормами, — с другой;
- обеспечивается государственными мерами убеждения и принуждения, включая административную ответственность [6].

Правонарушения, покушающиеся на общественный порядок и общественную безопасность, сосредоточены в главе 20 КоАП РФ. Анализ содержания данной главы позволяет выделить разноплановые отношения, которые нуждаются в систематизации. Представляет возможным выделить следующие группы правоотношений:

- деяния, нарушающие обстановку общественного спокойствия в местах пребывания граждан Яркими примерами таких деяний являются правонарушения, предусмотренные ст. ст. 20.1, 20.2, 20.13, 20.20, 20.21, 20.25, 20.26 КоАП РФ и др. Например, П., находясь в общественном месте — на первом этаже здания Управления Пенсионного фонда России в г. Кандалакша Мурманской области, будучи недовольным режимом работы данного учреждения, громко выражался грубой нецензурной бранью в адрес охранника в присутствии иных лиц, чем выражал явное неуважение к обществу, нарушая общественный порядок. На требования работников учреждения, пресекающих нарушение общественного порядка, не реагировал [7] В данном деянии очевидно покушение на основы общественного порядка, выразившиеся в недостойном поведении граждан в общественном месте и нарушающем спокойствие граждан;
- деяния, нарушающие правила взаимоотношений между людьми, обусловленные требованиями моральных норм и человеческого общежития. Например, К., находясь в общественном месте, грубо выражалась нецензурной бранью, на законные требования прибывших сотрудников полиции не реагировала, при задержании отталкивала от себя сотрудников полиции, то есть совершила неповиновение законному требованию представителя власти, исполняющего обязанности по охране общественного порядка, пресекающего нарушение общественного порядка. Суд в ее действиях усмотрел административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ [8];
- деяния, нарушающие общественный порядок и общественную безопасность в чрезвычайных ситуациях. Эта группа

правонарушений предполагает совершение действий, нарушающих устоявшиеся правила человеческого общежития в зоне повышенного риска для жизни граждан. (ст.ст. 20.5, 20.6, 20.7, 20.27). Например, с. в нарушение требований Постановления Правительства РФ от 02 апреля 2020 года № 417 «находился без средств индивидуальной защиты (без медицинской маски) в общественном месте. Тем самым он совершил правонарушение, предусмотренное ст. 20.6.1 ч. 1 КоАП РФ [9].

— деяния, нарушающие правила осуществления государственных мер борьбы с огнем (ст. 20.4 КоАП РФ). Примером данного правонарушения является деяние, совершенное П. Он допустил нарушение требований пожарной безопасности, а именно: допустил обустройство кладовых и подсобных помещений в межэтажных карманах. Это деяние нарушило порядок противопожарной безопасности, угрожающий основам безопасности в общественном месте [10];

— правонарушения, посягающие на законный оборот и сертификацию огнестрельного, пневматического оружия и боеприпасов к нему (ст. ст. 20.8–20.12, 20.14 ст. 20.15 КоАП РФ). Примером нарушения установленного порядка оборота оружия является следующее деяние: продавец магазина «Русская охота» допустило нарушение правил продажи оружия, выразившееся в продаже спортивного огнестрельного оружия с нарезным (сменным, вкладным) стволом лицу, имевшему просроченную лицензию. За свое деяние виновные лица были привлечены к ответственности по ст. 20.8 КоАП РФ [11].

Таким образом, нарушением общественного порядка и общественной безопасности в рамках привлечения к административной ответственности признаются действия, выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающееся нарушением правил, установленных в обществе, создающих опасность для граждан, находящихся в общественных местах.

Литература:

1. Костенников М. В. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов // под ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина. М.: Юрайт, 2022. С. 120.
2. Сексте Я. А. Понятие «общественная безопасность» в системе национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сборник научных трудов. СПб, 2018. С. 62.
3. Занина Т. М. Охрана общественного порядка и обеспечения общественной безопасности как основные направления деятельности полиции: проблемы правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1(44). С. 154–160.
4. Глушко М. В. Общественная безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Сборник научных трудов по итогам XIII Всероссийской конференции «Правопорядок в России: проблемы совершенствования». 2019. С. 208..
5. Нигматьянов И. Г. Содержание охраны общественного порядка и общественной безопасности в современном российском праве // Парламентаризм и развитие гражданского общества: региональные аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 25 мая 2018 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 113
6. Калустов Р. Г. Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 95–99.
7. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2021 N16–1933/2021// Консультант плюс
8. Решение Московского городского суда от 18.05.2023 по делу N7–13544/2023// Консультант плюс
9. Постановление Чухломского районного суда Костромской области № 5–74/2022 от 17 марта 2022 г. по делу № 5–74/2022// Консультант плюс
10. Решение Ярославского областного суда № 30–2–97/2023 от 22 марта 2023 г. по делу № 30–2–97/2023// Консультант плюс
11. Решение Ярославского областного суда № 30–1–129/2022 от 24 марта 2022 г. по делу № 30–1–129/2022// Консультант плюс

Конституционные основы социального обеспечения населения в РФ

Лиликова Оксана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;

Сукач Ангелина Николаевна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье автор исследует закрепленные в Конституции РФ положения о социальной защите населения, а также рассматривает ключевые направления государственной социальной политики.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы человека, элементы социальной защиты, институт социальной защиты населения, конституционные основы, социальное равенство, гражданин.

В статье 7 действующей редакции Конституции Российской Федерации содержится прямое указание на то, что Россия

является государством социальным. Это значит, что в качестве ключевой цели всей государственной политики выступает со-

здание условий, способствующих реализации принципов социального равенства, взаимной ответственности и всеобщей солидарности.

Такое государство провозглашает своей идеей первоочередную помощь слабым, стремление влиять на распределение экономических благ в пользу каждого гражданина.

Так, например, несмотря на то, что в Российской Федерации установлено равное право на труд (статья 37 Конституции РФ), на практике часто возникают ситуации, когда такое право гражданином не может быть реализовано по определенным причинам. В связи с этим, например, государством обеспечивается с помощью различных инструментов защита от безработицы и т.д.

Также следует указать, что личная ответственность каждого лица за свое благосостояние непосредственно связано с семьей и семейными ценностями.

Институт брака в данном случае выступает ключевой формой оформления отношений «индивид-государство». Это позволяет закрепить за властными структурами обязанность по обеспечению социальной защиты семьи.

Как уже было указано, государство стремится всеми силами обеспечить социальное равенство своих граждан. Если правовое государство выполняет указанную функцию через равный доступ всех и каждого к закону, то государство социального толка стремится к ликвидации социального неравенства.

Так, в частности, одной из форм проявления социального неравенства является утрата возможности к получению средств к существованию в результате заболевания, старости и т.д.; включая дополнительную финансовую нагрузку, возникающую непосредственно в рамках социальной среды (например, похороны умершего родственника, утрата имущества в результате стихийных бедствий и т.д.).

Ключевым инструментом ликвидации социального неравенства является социальное обеспечение.

В качестве главной цели всей социальной политики нашей страны специалисты выделяют достижение определенного уровня благосостояния человека индивидуально и общества в целом, реализация равенства для реализации потенциала каждого [1, с.84–90].

К ключевым направлениям в рамках государственной социальной политики сегодняшней России принято относить:

а) охрана труда и здоровья граждан.

Рассмотрение настоящего пункта следует начать с того, что труд в России является добровольным, в законодательстве не предусмотрено инструментов фактического понуждения к выполнению тех либо иных трудовых функций.

Так, социальную активность населения, связанную с обеспечением реализации своих потребностей посредством выполнения социально-полезных функций различного толка, приносящим заработок и/или иные доходы, называется занятостью.

Современное государство стремится к искоренению т.н. трудовой дискриминации по половым, национальным, возрастным признакам, к обеспечению равного доступа всех и каждого к работе, защите прав и законных интересов в сфере труда.

К таким мерам можно отнести, например, осуществление на безвозмездной основе подготовки или переподготовки профессиональных кадров, стоящих на учете в службе занятости.

Также государство фактически обеспечивает финансовую поддержку при отсутствии занятости, при высвобождении кадров с предприятий и так далее.

Охрана здоровья же реализуется через организацию систем муниципального и государственного, а также частного здравоохранения, в т.ч. посредством развития спорта как меры профилактики заболеваний населения.

б) законодательное закрепление МРОТ.

Данное направление реализуется преимущественно в ситуации отсутствия объективной возможности у того либо иного лица на получение стабильной заработной платы и/или иного вида дохода.

Отдельно выделим, что некоторые ученые прямо связывают формат и характер реализации такой меры с экономическими возможностями общества, что прямо указывает на комплексный характер мер социальной поддержки [2, с.17–24].

в) защита семьи как социального института, поддержка материнства, отцовства и детства (включая лиц с ограниченными возможностями здоровья и пожилых граждан).

Вступление в брак является сугубо добровольным соглашением каждого из супругов, совершенного в условиях их полного равенства.

Следует отметить, что семья является своеобразным индикатором социального здоровья населения, может сигнализировать о проблемах различного характера в обществе в целом, требующих незамедлительного решения. Именно с этим и связано такое пристальное внимание к данному институту.

Также на институте семьи фактически сконцентрирована функция образовательно-педагогического характера в отношении детей, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Поскольку семья основывается на взаимных обязанностях ее членов, трудоспособные дети должны заботиться о своих нетрудоспособных родителях.

Государство и общество обеспечивают также содержание, воспитание и образование детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения.

Государство проявляет заботу также об инвалидах и пожилых гражданах.

г) разработка и реализация системы социальных льгот для населения.

Малоимущим гражданам, нуждающимся в жилье, государство предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными нормами. Российская Федерация гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях [3, с.523–534]

д) установление пенсий, пособий и иных льгот и гарантий для населения.

Развитие государственной системы социального обеспечения определяется ростом расходов государства на пенси-

онное обеспечение, обусловленным увеличением численности и доли людей, имеющих право на получение пенсий и пособий, а также инфляционными явлениями:

- уменьшение зависимости размеров пенсии от уровня оплаты труда работников;

- распространение пенсионного обеспечения на новые категории населения и повышение размеров пенсий;

- уменьшение дифференциации размеров пенсий в зависимости от времени ухода на отдых, а также в зависимости от разных форм собственности.

Литература:

1. Орлова Е. Е. Механизм финансирования реализации конституционных прав граждан на социальное обеспечение в сфере занятости населения // М.: Вопросы современной науки и практики, 2019. — № 49. — С. 84–90.
2. Васильева Ю. В. Цели кодификации российского законодательства о социальном обеспечении // М.: Государство и право, 2023. — № 11. — С. 17–24.
3. Федорова М. Ю. Ограничение прав граждан в системе социального обеспечения // М.: Российский ежегодник трудового права, 2022. — № 7. — С. 523–534.

Историко-правовая характеристика хищения по уголовному законодательству России

Липатов Владислав Владимирович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Право собственности — это одно из важнейших, основополагающих и значимых прав для каждого человека. Данное право охраняется различными отраслями российского законодательства, в том числе и уголовным. Преступления против собственности являются наиболее распространенными в общей структуре преступности по стране. Причем в данной группе самыми «популярными» выступают именно хищения.

Бурное развитие рыночных отношений, сопряженное с еще более стремительным развитием информационных технологий, способствует возникновению новых способов хищения чужого имущества, а также общей трансформации преступлений против собственности. Динамика данных преступлений сильно зависит от экономической ситуации в стране. Так, кризисные явления в экономике в 1998 г., и в 2008 давали сильный толчок социальной напряженности и влияли на кривую уровня преступности. Так в 1998 году преступления против собственности составляли 60% от общего числа преступлений, в 2017 г. уже 42%. Актуальность темы выражается, в том числе в большом количестве конкретных проблем и сложностей, возникающих при квалификации различных форм хищения следственными и судебными органами, отграничения смежных деяний друг от друга. В результате чего возможны случаи назначения наказаний, которые не в полной мере соответствуют принципам законности и справедливости.

Ключевые слова: хищение, историко-правовая характеристика.

Понятие хищения, его признаки, особенности квалификации различных форм и видов неверно рассматривать без анализа исторического аспекта развития данных институтов. Уголовное законодательство о преступлениях против собственности вместе с преступлениями против жизни составляли уголовные законы всех государств, начиная с самых древнейших цивилизаций. Надо сказать, что, безусловно, законы русского государства не являлись исключением, развиваясь со времен Древнерусского государства.

Непосредственное законодательное закрепление понятия хищения произошло только в начале XX века. До этого использовались иные термины, например, «похищение», а в Древнерусском законе присутствовало понятие схожее по смыслу с хищением чужого имущества — «татьба». Институт ответственности за преступления против собственности постоянно развивается, чему способствуют изменяющиеся социально-экономические, политические и культурные факторы. Например, еще в советском уголовном законодательстве предусматривалась дифференцированная ответственность за

кражу различных форм собственности (предпочтение отдавалось собственности государственных и общественных объединений).

Такой важнейший источник Древнерусского права как Русская правда устанавливала ответственность за преступления против собственности, отдельно не определяя наказание за незначительные хищения. За кражу предусматривался штраф и возвращение незаконно приобретенного имущества. Имелось множество квалифицированных признаков кражи, например, похищение пчел, хлеба и др., ввиду их особой значимости для экономических отношений того времени. Следовательно, первоочередным признаком была натуральное свойство вещи, а не её цена.

Фетисов А. М. отмечает: «Смысл норм часто сводился к применению принципов справедливости, широкого использования примирения сторон без наказания виновных» [2, с. 41]. Следующие источники Древнерусского права Судные грамоты (Псковская и Новгородская) придерживались таких же правил. Сурово наказывались кражи коней, кражи со

взломом, церковного имущества, остальные же правонарушения рассматривались самостоятельно в общинах. В Судебниках XV и XVI веков имелись сходные по содержанию нормы. Дифференциацию ответственности в зависимости от суммы похищенного имущества, можно увидеть в Петровском Воинском артикуле 1715 г., который отличался суровостью карательных мер. Так за кражу более 20 рублей предусматривалась смертная казнь, когда за меньший размер похищенного предусматривались телесные наказания. Однако также указывается на привилегированные хищения «из голодной нужды». Екатерина II своим указом «О суде и наказании за воровство разных родов и заведении рабочих домов» различала несколько видов воровства: кража, мошенничество и грабеж. В изданном позднее Своде законов к этому списку добавлялось присвоение вверенного имущества и нахождение. В Уложении о наказаниях 1845 г. вводится иное понятие — «похищение — смотря по видам сего преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, воровством-кражей или воровством-мошенничеством».

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 №4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973, 1974 (утратил силу)
2. Фетисов, А. М. Уголовно-правовая характеристика хищения дисс... канд юрид. наук А. М. Фетисов. — Ростов-на-Дону, — 2005. — 320 с.
3. Лаптев, Л. Е. История отечественного государства и права: учебник / Л. Е. Лаптева // — Москва: Юрайт, 2013. — 682 с.
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР, 1960, №40, ст. 591. (утратил силу)

Уголовное Уложение 1903 года несколько упростило систему преступлений против собственности, указав на три вида хищений: «разбой», «воровство», «вымогательство».

Надо отметить, что законы Советской России имели ориентацию на защиту в первую очередь государственной собственности. Лаптев Л. Е. отмечает: «именно хищения социальной собственности относились к наиболее тяжким преступлениям, в сталинский период санкции за хищения общественной или государственной собственности были сравнимы с санкциями за тяжкие преступления против жизни и здоровья граждан» [3, с. 381]. Надо отметить, что даже в Уголовном Кодексе 1960 г. четко не раскрывалось данного понятия. Впоследствии признаки хищения были описаны Верховным Судом СССР в 1972 г., однако потребность в научных исследованиях данного понятия не убавлялась. И постепенно определение «хищения» начали использовать как в теории, так и в следственно-судебной практике. В Уголовный кодекс 1960 г. также было включено данное понятие хищение, но только в 1994 году.

Таким образом, хищение и его виды имеют достаточно богатую историю в уголовном праве России.

Определение хищения и его признаки по уголовному закону России

Липатов Владислав Владимирович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что хищение чужого имущества нарушает не только возможность физических и юридических лиц пользоваться, распоряжаться и владеть своей собственностью, но и сам порядок производства и распределения материальных благ. Похищенные материальные блага поступают в незаконное владение виновного или других лиц.

Ключевые слова: хищение, признаки, характеристика составов преступлений.

Уголовный Кодекс РФ определяет хищение в ч. 1 ст. 158 УК РФ как «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу имущества». Данное определение выражает состав хищения, используемый в качестве родового для всех форм хищения (мошенничеству и его видам ст. 159–159.6. УК РФ, присвоению и растрате ст. 160 УК РФ, грабежу ст. 161 УК РФ, и разбою ст. 162 УК РФ).

Понятие хищения распространяется не только в отношении рассматриваемой главы преступлений против собственности,

но ко всему Уголовному закону. Иногамова-Хегай Л. В. отмечает, «позиция законодателя не является верной, т.к. определение хищения, предлагаемое для использования в главе 21 Уголовного Кодекса РФ, может не подходить для составов преступлений, взятых из иных глав уголовного закона. Например, хищение наркотических средств, оружия, радиоактивных элементов (ст. 229, ст. 226, ст. 221 УК РФ) практически никогда не имеет под собой корыстного мотива». При этом уголовным законом предусмотрено, если деяние квалифицируется как хищение, вышеуказанная цель должна быть. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 25 апреля 1995 г. говорится, что

в данных случаях, корыстный мотив не является обязательным и тут хищение выступает только «изъятием». Безусловно, данное положение недопустимо, Верховный Суд может толковать уголовный закон, но не заниматься правотворчеством, из чего исходит необходимость во внесении изменений в УК РФ в соответствующей части.

Законодательное определение указывает на обязательные признаки каждого хищения:

- 1) предмет каждого хищения чужое имущество, на завладение которым направлены действия виновного лица
- 2) является изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу другого лица (в том числе самого виновного)
- 3) является противоправным деянием
- 4) изъятие имеет безвозмездный характер
- 5) наносит ущерб собственнику или иному законному владельцу вещи
- 6) обязательное наличие корыстной цели, что говорит об умышленном характере любого хищения

Данные признаки можно назвать существенными или конструктивными, т.е. такими без которых хищение невозможно, а также являющихся достаточными для отграничения хищений от других деяний. Объектом хищения признается собственность, что объясняется их расположением в главе 21 Уголовного Кодекса РФ. К предмету хищения относят имущество, принадлежащее другому человеку. Миронова Г. Н. отмечает следующие три признака, в соответствии с которыми какое-либо имущество признают предметом данных деяний:

1. вещный признак (физический);
2. совокупность экономических признаков;
3. совокупность юридических признаков. [10, с. 20]

Гражданское право включает в понятие имущества достаточно большой круг вещей, в том числе деньги и ценные бумаги, а также различные имущественные права.

Уголовное же право стоит на позициях того, что вещь как предмет любого хищения — это исключительно такое имущество, которое имеет определенную материальную и натуральную форму. Причем деньги как универсальный вид имущества могут быть наличными, так и безналичными, а ценные бумаги бывают ордерами, на предъявителя или именными.

Также необходимо подчеркнуть, что к предмету хищения не может относиться информация (заклученная в любые источники даже в цифровые) и любая энергия (электроэнергия, тепло энергия), ввиду отсутствия у них вещественных свойств. При этом уголовная ответственность за неправомерное использование, например, электроэнергии присутствует в виде ст. 165 УК РФ.

Капинус О. С. отмечает, что «интеллектуальная собственность также не может включаться в предмет какого-либо хищения. Под ней имеется ввиду какой-либо результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (например, товарный знак)» [9, с. 556]. При этом данная собственность также защищается как такой же объект гражданских прав, в том числе и уголовным правом (ст. 146, ст. 147, ст. 272 УК РФ)

К предмету хищения относятся все вещи, созданные человеком, то есть при помощи человеческого труда, и являю-

щиеся ценным имуществом (в том числе представлять нематериальную культурную ценность), соответственно деньги и ценные бумаги также относятся к этой категории, т.к. являются универсальным эквивалентом иного имущества.

В этом смысле надо отметить, что предметом мошенничества (одной из форм хищения) иногда выступает не сами вещи, а имущественные права. Сундунов Ф. Р. указывает: «к предмету хищения не относятся различные документы, удостоверяющие право на имущество в конкретный момент, например, транспортные накладные, талоны, квитанции и др. Изъятие такого рода документов без законных оснований должно рассматриваться следственными органами как приготовление к хищению чужого имущества. К тому же данные действия могут образовывать самостоятельный состав преступления (ст. 325 УК РФ)» [11, с. 218].

Примечательно, что предметом хищения не способно выступать даже имущество, имеющее вполне конкретную ценность, но, при этом не созданное при помощи человеческого труда. Например, естественные ресурсы недр являются предметом иных экономических преступлений либо экологических преступлений (ст. 254 УК РФ — «Порча земли»).

Надо также ответить особый статус животных, т.к. гражданское право непосредственно не называет их вещами, но отмечает, что по отношению к ним устанавливаются те же правила, что и по отношению к имуществу. В науке уголовного права животных подразделяют на домашних и диких. Домашние отличаются тем что они выращены человеком, и, как правило, находятся вне их естественного ареала обитания. Только на диких животных распространяется ФЗ от 24 апреля 1995 года «О животном мире». В соответствии с этим Верховный Суд в своем Постановлении «О практике применения законодательства об ответственности за экологические правонарушения» указал, что ловля «чужой» рыбы, то есть либо специально выращиваемой коммерческими организациями или частными лицами, или выловленной ими же, является хищением.

Помимо этого, вещи подразделяются на оборотоспособные, ограниченные в обороте и изъятые из него. Полного исчерпывающего перечня вещей, изъятых из оборота или ограниченных в нем не существует. Как правило, запреты, которым необходимо подчиняться находятся в федеральном законодательстве. Для уголовного закона это означает невозможность квалифицировать неправомерное завладение изъятой из оборота вещи как хищение (например, ядерные вещества, оружие, наркотики, отдельные виды документации). В случае неправомерного изъятия соответствующих вещей, как правило, присутствуют признаки иных специальных составов, к примеру, ст. 226 УК РФ «Хищение оружие или взрывчатых устройств».

Вещи также различаются на две группы: движимые и недвижимые. ГК РФ предоставляет перечень недвижимости, и указывает, что вещь, не относящаяся к недвижимому имуществу включается в категорию движимого имущества. Для уголовного права это может иметь значение при отграничении одной формы хищения от другой. Так, при мошенничестве (ст. 159 УК РФ) или присвоении чужого имущества (ст. 160 УК РФ) предметом преступления может быть и недвижимое имущество.

Юридическая составляющая предмета хищения заключается в том, что похищенное имущество является чужим. Практика судов по этому вопросу стоит на том, что вещь чужая, если отсутствуют основания для владения вещью виновным. Причем отсутствуют, как и юридические, так и фактические основания на имущество (предполагаемые права в том числе). При этом, имущество, находящееся в собственности нескольких лиц может являться как долевой, так и совместной собственности. Если перед нами долевая собственность, значит, деяния, направленные против одной доли наносят вред также деянию других владельцев доли, в случае, если конкретные доли собственников не выделены. Соответственно для совместного собственника эта вещь не может попадать под эту категорию, так как он её законный владелец.

Необходимо отметить, что не всякая «чужая» вещь должна рассматриваться людьми как имеющая принадлежность к какому-либо лицу. Гражданское законодательство также содержит в себе понятие бесхозных вещей, владелец которых отказался от них, либо владелец отсутствует или вовсе неизвестен (бесхозные покрывки).

Объективная сторона хищения определена законом в Примечании 1 к ст. 158 УК РФ, сконструирован как материальный состав. Данное определение обладает влиянием на квалификацию деяния как какой-либо формы хищения, однако не имеет универсального характера, т.к. ст. 162 УК РФ («Разбой») не полностью соотносится с ним.

Законодательная формулировка (союзы «и», «или») говорит о том, что акт похищения происходит в два этапа: «изъятие и обращение». Причем хищение может включать в себя только «обращение».

Некоторые исследователи также считают, что возможно совершить хищение путем изъятия чужого имущества без обращения его в пользу виновного.

В науке уголовного права изъятием признается извлечение похищенного предмета из владения собственника, а также перевод вещи из властного контроля собственника в ведение виновного.

Обращением изъятых у собственника имущества считается установление виновным своей власти над вещью, в результате чего виновный получает полный контроль над вещью, возможность распоряжаться ей по своему усмотрению и пользоваться как собственной. В результате этого этапа заканчивается переход вещи от её законного владельца к пользованию виновного.

Есть мнение, что первый этап — «изъятие вещи» во всех случаях совпадает со вторым этапом — «обращением» виновным имущества в свою пользу. Однако такую позицию нельзя признать верной, т.к. данный вывод напрямую не вытекает из закона и на практике объективная сторона может выражаться иначе. Например, такое «популярное» преступление как кража зачастую происходит как удержание вещи без обращения во владение виновного (тайное удержание мобильного телефона). Однако, как поясняет ППВС от 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «если в ходе кражи виновный осознает что его заметили и он продолжает выполнять объективную сторону преступления (удержание и изъятие), то

деяние квалифицируется как грабеж, а если его действия сопряжены с соответствующим насилием, как разбой».

При этом законодательное определение хищения допускает, что в некоторых случаях оно может быть выражено только в обращении вещи в распоряжение виновного или другого лица. Лицо может уже владеть имуществом, даже быть управомоченным на это (в данном случае это классический пример «присвоения или растраты» ст. 160 УК РФ).

Следующий признак — это противоправность деяния. Он отражает не только запрещение совершения конкретной объективной стороны преступления Особенной Части УК РФ, но и указывает на отсутствие какого-либо правового основания на изъятие имущества у собственника. Также противоправность выражается в том, что законный владелец имущества отдает имущество вопреки своей воли. В результате совершения преступления, виновный не становится собственником похищенной вещи, она лишь неправомерно отходит «в его пользу».

В литературе высказывалось мнение о необоснованном включении данного признака в понятие хищения, так он является лишним и итак очевидным. Однако с этим утверждением нельзя согласиться, так как его наличие помогает следственным и судебным органам отграничивать хищения от других деяний (самоуправство ст. 330 УК РФ).

Безвозмездность изъятия собственности у законного владельца выражается в отсутствии эквивалентного возмещения, т.е. бесплатно или за незначительную плату. Например, замена вещи на значительно более дешевое в стоимостном выражении против согласия собственника — хищение. Данный признак имеет связь с моментом, окончания преступления, коим считается момент причинения имущественного ущерба собственнику или иному лицу. Как правило, ущерб связывают с убытками в виде ценностной стоимости похищенного имущества. Сверчков В. В. отмечает: «упущенная выгода и моральный вред причиненный собственнику может быть возмещен в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством» [12, с. 569].

Минимальный порог для уголовно-наказуемого хищения установлен в ч. 2 ст. 7.27 Кодекса административных правонарушений Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и равняется 2,5 тысячам рублям.

Вопрос момента окончания преступления в научной литературе решается неоднозначно. Однако ППВС от 27 декабря 2002 г. № 29 указал, что кража и грабеж являются оконченными, если вещь была изъята у законного собственника, и виновный получил реальную возможность им воспользоваться и распорядиться (например, продать). Окончание же разбой перенесено на «момент нападения» ввиду повышенной общественной опасности его совершения.

Субъективная сторона каждого хищения всегда характеризуется прямым умыслом. Данный аспект объясняется указанием закона на корыстную цель любого хищения (Примечание 1 ст. 158 УК РФ). Представляется, что закон соединяет в определении этого понятия и мотив, и цель как некоторое стремление виновного к незаконному получению выгоды.

Некоторые авторы отмечают, что законодатель неверно отмечает этот признак как корыстную цель, правильно говорить

именно о «побуждениях». В иных составах (ст. 105, 126, 206 УК РФ) имеются в виду именно побуждения виновного лица либо его какую-либо заинтересованность.

Субъект данного вида преступлений отвечает всем общим признакам, установленным в общей части. Для признания лица субъектом кражи, грабежа и разбоя (ст. 158, 161, 162 УК РФ) необходимо достижение виновным возраста 14 лет, тогда как для мошенничества (ст. 159 УК РФ) и для хищения культурных цен-

ностей (ст. 164 УК РФ) этот возраст устанавливается в 16 лет. Для присвоения и растраты виновное лицо также должно достигнуть 16 лет на момент совершения преступления, однако кроме этого у него должен иметься признак специального субъекта, то есть похищенная вещь должна быть вверена виновному.

Таким образом, хищение достаточно четко понимается и регулируется уголовным законом России благодаря выявлению конкретных признаков.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N25, ст. 2954; «Российская газета», N92, 25.04.2019; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 18.12.2023.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета. — № 238–239. — 08.12.1994; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 18.12.2023.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N1 (ч. 1), ст. 1; Российская газета, N84, 17.04.2019; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 18.12.2023.
4. Федеральный закон от 24.04.1995 N52-ФЗ (ред. от 18.02.2020) «О животном мире» // Российская газета, N86, 04.05.1995; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 18.12.2023.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.1995 N5 (ред. от 27.12.2002) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» // Бюллетень Верховного Суда, № 7, 1995. Загл. с экрана. — Дата обращения. — 18.12.2023.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N14 (ред. от 06.02.2007) «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» // Официальный сайт Верховного Суда РФ www.sup-court.ru Загл. с экрана. Дата обращения — 18.12.2023.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда, № 9, 2003. Загл. с экрана. — Дата обращения. — 18.12.2023.
8. Иногамова-Хегай, Л. В. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под ред. Л. В. / Л. В. Иногамова-Хегай // — Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М. 2008. — 786 с.
9. Капинус, О. С. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / О. С. Капинус // — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 556 с.
10. Миронова, Г. Н. Признаки имущества как предмета хищения / Г. Н. Миронова // В сборнике: Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Омск, 2016. С. 20–27.
11. Сундуков, Ф. Р. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ф. Р. Сундуков // — Москва: Статут, 2012. — 943 с.
12. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и особенная части: учебник / В. В. Сверчков // — Москва: Юрайт, 2019. — 603 с.

Современные проблемы ипотечного кредитования в России

Лотырев Матвей Дмитриевич, студент;

Миронов Денис Андреевич, студент

Научный руководитель: Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье говорится об основных положениях ипотечного кредитования, а также о современных проблемах, существующих в ипотечном кредитовании в России.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, ипотека, кредит.

Популярность ипотечного кредитования продолжает расти, поскольку для многих людей ипотека играет важную роль в приобретении недвижимости или получении дополнительного дохода в качестве инвестиций. Это также объясняется тем,

что, согласно данным о рынке жилья, цены на недвижимость стремительно растут, что является основной причиной получения ипотечного кредита. Такая ситуация указывает на то, что проблема ипотечного кредитования затрагивает значительную

часть населения страны, которое стремится улучшить свои жилищные условия, что оказывает негативное влияние на экономику и социальные аспекты.

На основе данных, полученных от национального социологического агентства, можно сделать вывод, что среди населения имеется множество желающих улучшить свои жилищные условия, и это число постоянно растет. Например, за последние 5 лет количество людей, желающих приобрести недвижимость в ипотеку, выросло на 10%, и в 2023 году составило 38%. Однако только каждый десятый из желающих решает получить ипотечный кредит.

Получает популярность такой тип кредита, как «кредит под залог недвижимости», который востребован на рынке. Его актуальность заключается в том, что при покупке недвижимости для человека со средней заработной платой ключевую роль играет ежемесячный платеж, поэтому выбор цены квартиры является важной составляющей, так как от нее зависят ежемесячный платеж и срок кредита. Это приведет к увеличению объема кредитных операций и выплате ежемесячных платежей, но для этого необходимо оформить все документы по приобретению недвижимости. Большинство населения только мечтают приобрести недвижимость через ипотечный кредит, но этого недостаточно, нужно заключить сделку в банке.

Также необходимо проходить все этапы, которые предъявляет банк заемщику, что является важной целью для достижения баланса. Основным условием является предоставление недвижимости в залог кредитору.

Кредиты под залог недвижимости могут стать выгодной альтернативой ипотеке, особенно если заемщик уже является владельцем недвижимости. В этом случае можно получить кредит на более выгодных условиях, так как кредитор получает дополнительную гарантию в виде залога. Однако необходимо помнить, что в случае невозврата кредита недвижимость может быть изъята.

При оформлении кредита под залог недвижимости необходимо внимательно ознакомиться с условиями кредитора, чтобы избежать неприятных сюрпризов в будущем.

Стоит отметить, что при подаче заявления на кредит под залог недвижимости необходимо предоставить доказательства своей платежеспособности и кредитной истории, так как такой кредит может иметь более строгие требования, чем обычные потребительские кредиты. В целом, кредит под залог недвижимости может быть отличным вариантом для тех, кто уже является владельцем недвижимости и ищет дополнительное финансирование на более выгодных условиях. Например, при покупке недвижимости в Санкт-Петербурге или Москве требуется залог в размере 7 миллионов рублей, в других регионах сумма залога около 3 миллионов рублей. При покупке недвижимости первоначальный взнос составляет 20–25% от общей стоимости объекта. Для покупки недвижимости необходимо заключить договор на страхование жизни, без этого договора сделка не состоится, это главное условие при заполнении документов. Такие требования предъявляет банк с целью минимизации рисков, договор может не продлеваться и имеет срок действия в 1 год.

Условия выдачи кредита под залог имущества различаются в зависимости от типа объекта и его местоположения. Это связано с тем, что каждый банк предлагает свои условия кредито-

вания, включая различные виды кредитования, такие как государственная ипотека с более низкой ставкой. Процентный кредит предоставляется только гражданам, получившим гражданство по закону, и деньги выдаются исключительно для погашения задолженности перед кредитором. Государство разрабатывает различные программы по получению кредита по сниженной ставке.

Ипотечное кредитование является доступным способом приобрести недвижимость, не имея полной суммы стоимости. Благодаря этому, государство обеспечивает население имущественными активами, что способствует развитию ипотечного кредитования. Каждый банк устанавливает свои требования к первоначальному взносу, которые зависят от суммы кредита и срока его предоставления. Обычно размер первоначального взноса составляет от 20% до 25% от суммы сделки. Оставшаяся сумма разбивается на ежемесячные платежи, которые указываются в договоре. Срок кредита также зависит от финансовой способности заемщика и обычно является долгосрочным. Однако стоит отметить, что есть один недостаток ипотечного кредитования — когда первоначальная сумма оказывается значительно ниже полной стоимости недвижимости.

Важно отметить, что в условиях экономической нестабильности в стране возникают кризисы, которые заставляют кредиторов повышать процентные ставки по ипотечным кредитам. Это увеличивает стоимость заемных средств и снижает интерес заемщиков к приобретению недвижимости. Банки также переживали трудные времена, после которых они до сих пор восстанавливаются. Снижение кредитного потенциала российских банков, политический дисбаланс в экономике, падение национальной валюты и санкции — все это оказало отрицательное влияние на кредитную эффективность банков России и их обеспеченность. С 2021 по 2023 год депозиты предоставлялись банку для пополнения капитала, но он не увеличивался. Рынок отечественных банков поддерживается исключительно за счет депозитов, которые люди размещают с целью получения прибыли.

С целью снижения рисков, банки приняли решение повысить первоначальный взнос, что привело к уменьшению числа желающих получить ипотечный кредит.

В контексте ПАО «Сбербанк России» можно выделить основные проблемы ипотечного кредитования:

1. Отмечается, что процентная ставка по долгосрочным ипотечным кредитам ниже, чем по краткосрочным. Это может вызвать дисбаланс в экономике при выдаче ипотечных кредитов в период нестабильной ситуации в стране. Как следствие, сегодняшняя процентная ставка не привлекательна для банков выдавать ипотечные кредиты на долгосрочной основе.

2. В условиях кризиса появляются проблемы с плательщиками ипотечных кредитов, что приводит к задолженностям или просрочке платежей и, в конечном счете, негативно влияет на финансовое положение банка.

3. Развитие банковского сектора происходит быстрыми темпами, что приводит к перенасыщению рынка продуктами и услугами. Это в свою очередь может оказывать влияние и на ипотечные кредиты.

На конец 2023 года средняя процентная ставка по ипотечным кредитам составляет 15%, что является неприемлемым показателем для экономики России. Согласно экономическим прогнозам,

чтобы возобновился спрос на ипотечные кредиты в 2024 году, необходимо снизить ставку до 7%. Однако, на данный момент экономическая ситуация не позволяет банкам уменьшить ставку.

Высокие процентные ставки снижают количество доступных кредитов для потенциальных заемщиков. Согласно опросу клиентов банка, ставка в пределах 7–10% воспринимается как приемлемая для ипотечного кредита, что превышает текущую процентную ставку. В рамках социальной программы по жилью предлагается 20% новых жилищ на территории России, доступных по приемлемой цене.

Целевыми клиентами социальной ипотеки являются семейные пары, семьи с детьми и другие семьи, не имеющие возможности приобрести жилье с первоначальным взносом. Ставка по ипотечным кредитам зависит от ключевой ставки Центрального банка России. К концу 2023 года Центральный банк принял решение повысить ставку до 15% с целью увеличить стоимость заемных средств. Однако, если этот показатель будет снижаться, экономическая ситуация также изменится, что может привести к необратимым последствиям.

Банковские продукты показывают положительную динамику развития, которая напрямую зависит от темпов роста региона. При этом основные показатели для оценки развития включают уровень инфляции, долю наличных и безналичных форм оплаты, а также объемы ВВП. Цены на стройматериалы также играют важную роль при формировании цены на недвижимость. Поскольку цены на стройматериалы постоянно растут, это влияет на стоимость недвижимости. Застройщики также несут значительные затраты на строительство домов.

Ожидается, что в 2024 году произойдет изменение ставки по ипотеке в связи с улучшением экономической ситуации. Такие изменения приведут к увеличению спроса на покупку недвижимости при помощи ипотеки, что приведет к увеличению кредитного оборота банка. Однако экономисты не согласны с такими изменениями, поскольку экономическая ситуация до сих пор остается нестабильной, а ставка по ипотеке уже поднялась до 15%.

В результате роста цен на стройматериалы и сокращения предложения на рынке стоимость недвижимости будет увеличиваться, что негативно отразится на покупателях. Стоит отметить, что ставка по ипотечным кредитам значительно выросла с 2022 года по конец 2023 года. Прирост составил 7,5%, что связано с проведением совещания, оказавшего влияние на экономику России и приведшего к повышению ключевой ставки. Банковская система, регулирующая ипотечное кредитование, также не обошла увеличение ставки. Повышение ставки ЦБ России помогло стабилизировать национальную валюту и снизить риски роста инфляции, что в конечном счете положительно сказалось на экономике России.

Учитывая рост ставки по ипотечным кредитам, спрос на ипотеку снижается, одновременно с этим растет спрос на вклады, что приводит к дополнительным денежным средствам в банках. Именно поэтому увеличивается ставка по ипотечным кредитам, в то время как спрос на них снижается.

В 2023 году возможность воспользоваться льготной ипотекой будет предоставлена всем семьям, состоящим в браке. Однако, для получения льготной ипотеки необходимо соответствовать определенным критериям:

- Если в семье отсутствует один из родителей или семья является молодой, только что заключившей брак;
- Ограничение по возрасту, не превышающее 35 лет;
- Семья с несовершеннолетними детьми;
- Военнослужащие;
- Граждане, работающие в бюджетных учреждениях и получающие зарплату ниже прожиточного минимума;
- Лица, занятые научной, медицинской, образовательной и другими бюджетными сферами;
- Участники Второй мировой войны или люди с ограниченными возможностями, желающие улучшить своё жилье.

Также стоит рассмотреть возможность валютной ипотеки на примере двух банков: Энерготрансбанка и Москоммерцбанка. В данный момент, эти два банка являются единственными на российском рынке, предоставляющими валютную ипотеку. Однако, валютная ипотека не пользуется особым спросом среди российских банков, поскольку выдача таких ипотечных кредитов связана с рисками, вызванными нестабильностью курса национальной валюты и политическими разногласиями между странами.

Основными условиями Энерготрансбанка для получения валютной ипотеки являются страхование недвижимости и залог имущества у банка, до полного погашения задолженности. Москоммерцбанк предлагает валютную ипотеку на основе выбора недвижимости из предложений самого банка, с требованием страхования и залога недвижимости. При этом, сумма страховки должна быть равна сумме выдаваемой ипотеки. Сумма и срок кредитования оказывают влияние на процентную ставку: если первоначальный платеж составит 25% на срок до 7 лет, то процентная ставка составит 6%. При увеличении первоначального платежа до 50% и срока кредитования до 10 лет, процентная ставка составит 5,5%.

Основываясь на предоставленной статистике, можно сделать вывод, что ипотека в валюте составляет лишь небольшую долю от общего числа ипотечных кредитов. Конец 2023 года принес большое количество краткосрочных кредитов. Экономисты прогнозируют, что в 2024 году ипотека не будет пользоваться таким же спросом. Это связано с тем, что после последних событий в стране, население не стремится иметь дело с валютными кредитами из-за высоких рисков. Жители предпочитают проводить все расчеты в российской валюте, несмотря на более выгодные условия валютных кредитов.

Следует отметить, что ипотечное кредитование способствует улучшению жизни населения и повышению их социального положения, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на экономику страны. Для развития среднего класса общества необходимо, чтобы государство предоставляло ипотечные кредиты населению, так как это является основным фактором. Таким образом, ипотечное кредитование способствует развитию банковского сектора, увеличивая денежные поступления в банки и способствуя росту экономики. Увеличение спроса на новое жилье приводит к росту производства в промышленной сфере и возрастанию вероятности модернизации.

В связи с этим ипотечное кредитование должно учитывать экономические риски и оказывать давление на социальную мобильность, что позволит снизить потери кредиторов и обеспе-

чить предоставление жилья населению. Прогнозы на 2024 год не предполагают снижение процентных ставок по ипотечным

кредитам, как сообщают банки. Это не будет способствовать увеличению количества ипотечных кредитов.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // консультант плюс — Режим доступа: <https://www.consultant.ru>, свободный.
2. Барбарская М. Н. Анализ и тенденции развития рынка ипотечного кредитования / М. Н. Барбарская. — Аспирант, 2018. — 65–68 с.
3. Зельдер А. Г. Жилищное строительство и ипотека в России / А. Г. Зельдер, В. К. Южельский. — ЭКО, 2019. — 140–149 с.
4. Караваева Ю. С. Финансовый анализ перспектив развития кредитного банковского сектора в регионе / Ю. С. Караваева, О. Е. Никонец. — Вестник НГИЭИ, 2021. — 72–82 с.
5. Козорезов Д. Н. Современные проблемы рынка ипотечного кредитования в России и возможные пути их решения / Д. Н. Козорезов. — Новая наука: проблемы и перспективы, 2020. — 237–241 с.
6. Колобов С. С. Жилищное ипотечное кредитование: состояние и перспективы развития / С. С. Колобов, В. С. Колобова. — Торговая корпорация Дашков, 2020. — 120 с.
7. Корнев В. С. Об адаптации мирового опыта жилищного ипотечного кредитования в России / В. С. Корнев. — Вестник финансовой академии, 2019. — 36–40 с.
8. Коростелева Т. С. Развитие системы ипотечного кредитования как инструмент решения жилищной проблемы граждан / Т. С. Коростелева. — Финансы и кредит, 2019. — 53–62 с.
9. Логинов А. П. Ипотечное жилищное кредитование в России / А. П. Логинов. — ЭКО, 2021. — 23–33 с.

Правовая аксиома «один свидетель — не свидетель» в правоприменительной практике России

Макаров Иван Сергеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Портнова Арина Владимировна, студент
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

Научный руководитель: Рысина Евгения Павловна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются вопросы сущности, места и роли правовой аксиомы «один свидетель — не свидетель» в правоприменении России.

Ключевые слова: правовые аксиомы, правосудие, развитие.

Государство играет ключевую роль в формировании правовой системы общества, поскольку оно определяет не только какие законы будут действовать, но и как они будут применяться. Вместе с тем, государство обеспечивает исполнение законов и судебных решений, создавая инфраструктуру для отправления правосудия. Безусловно, государство является не единственным институтом, влияющим на право, поскольку история, культура, религия, общественные движения и многие другие факторы также играют существенную роль в его формировании и функционировании. Однако, именно государство является ключевым звеном в данном механизме, и его влияние на право не может быть недооценено. С другой стороны, государство не может быть независимым от политической конъюнктуры, определяющей стратегические ориентиры правового регулирования общественных отношений. Исходя из данного обстоятельства, представляется актуальным рассмотрение вопроса влияния политической конъюнктуры Российского госу-

дарства XX и XXI столетий на интерпретацию такого фундаментального и стабильного явления как правовые аксиомы (далее по тексту — аксиомы). Обусловленность выбранных периодов заключается в том, что политические режимы XX и XXI веков разительно отличаются и, как следствие, представляется возможным предположить, что правореализационная государственная политика должна быть различна.

В первую очередь, представляется необходимым определить, что аксиомы — это идеальные явления, относящиеся к различным плоскостям правовой действительности: к праву, правосознанию и правовой науке, представляющие собой положения, концентрированно выражающие социально-правовой опыт, принимаемые как истины (абсолютные или относительные) в целях упрощения процесса правового регулирования и решения научных задач, обеспечивающие преемственность в праве и объективируемые в различных формах в зависимости от принадлежности их к определенным

группам [1, с. 15]. Сами аксиомы представляют постулаты юридической науки и практики, выражающие общечеловеческую мораль и справедливость, которые не нуждаются в доказывании в виду их юридической очевидности. Таким образом, аксиомы выступают в роли фундаментальных положений теории государства и права в общем и юридической техники в частности, а также имеют колоссальное значение для практической деятельности правоохранительных органов.

Представляется важным обозначить, что в основе любого судебного процесса ключевое место занимает процесс доказывания, а свидетельские показания — основа всех доказательств, следовательно, возможно рассмотреть влияние политической власти на правореализацию такой аксиомы как «testis unus — testis nullus» (один свидетель — не свидетель [2, с. 68]). В соответствии с которой, для установления полной достоверности факта необходимо, по крайней мере, два свидетельских показания. Исключениями из данного аксиоматического правила могут служить ситуации, при которых свидетелем, дающим показания против подсудимого, является его мать или отец, а также если на одного свидетеля одновременно ссылается истец или ответчик [3, с. 116].

Говоря об историческом становлении указанного положения, то стоит отметить, что данная аксиома получила свое начало из канонического права: «Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешил: при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоит всякое дело» (Второзаконие, глава 19, стих 15). В последствии данное положение перешло в правоприменение Римского государства, а затем и многих европейских стран, в том числе и Российской империи.

В дальнейшем, Россия вступила в XX век, который ознаменовался революционными событиями, ставшими переломным моментом на страницах отечественной истории права. В.И. Ленин в 1917 году определил, что советское общество не признает дореволюционных положений и требуется применять не *Corus iuris romani* (Свод римского права), а революционное правосознание [4, с. 169]. Так, в соответствии с Декретом СНК РСФСР № 1 «О суде» от 24.10.1917, судам разрешалось руководствоваться в своей деятельности «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». В действительности же дореволюционное уголовное законодательство было полностью отброшено. Представляется возможным обратиться к многочисленным примерам судебной практики СССР, в котором единственным доказательством по делу являлись показания одного свидетеля. Так, например, после сообщения Б.М. Таля И.В. Сталину и секретарям ЦК о контрреволюционной деятельности Л.С. Сосновского в «Известиях» [5], Л.С. Сосновский был арестован и в последствии расстрелян. Таким образом, указанный пример демонстрирует, что реали-

зация аксиомы «один свидетель — не свидетель» в годы раннего СССР де факто отсутствовала в правоприменительной практике судов. Так, идеология СССР была направлена на выражение интересов государства, а личность и частные интересы были вытеснены на второй план [6, с. 1–11], что препятствовало реализации данной аксиомы.

В настоящее время, несмотря на то, что в действующем уголовном законодательстве нет прямого указания на то, что показания одного свидетеля не могут быть единственным доказательством по делу, в соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. В том числе, на основании п. 2 ст. 307 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора закон также указывает в его описательно-мотивировочной части приводить не доказательство, а доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого. Таким образом, показаний единственного свидетеля недостаточно для постановления приговора. В качестве примера из судебной практики возможно привести Определение Судебной коллегии ВС РФ от 10.02.2011 по делу № 69-Д10–29, в котором суд апелляционной инстанции признал, что показания одного свидетеля являются единственным доказательством по уголовному делу в отношении подсудимого, в следствии чего, обвинительный приговор был отменен. Так, правоприменительная политика России в настоящее время направлена на реализацию интересов личности, а не государства, что является полярной СССР позиции.

Однако, рассматриваемая аксиома не нашла прямого закрепления в действующем законодательстве России и косвенно реализуется через множество норм. Практическое использование аксиомы затруднено отсутствием конкретного указания на данное положение в НПА. Безусловно, в соответствии процессуальным законодательством России, доказательства оцениваются в совокупности, что в а priori сводит риск вынесения приговора, основанного на одном свидетельском показании, к минимуму. Однако, систематизация рассматриваемой и других аксиом будет направлена на более успешную реализацию целей права.

Таким образом, поскольку свидетельские показания выступают в роли одних из основных доказательств в судебном процессе, то аксиома «один свидетель — не свидетель» занимает одно из ключевых мест в любом правовом разбирательстве. Однако, реализация данной аксиомы находится в прямой зависимости от политической конъюнктуры государства. Так, если в государстве на первое место ставятся публичные, а не частные интересы, то реализация аксиом, проверенных многовековым опытом, отходят на второй план. В свою очередь, с целью предубеждения и противодействия умалению важности аксиоматических правил, необходим не только демократический политический режим, но и систематизация самих аксиом.

Литература:

1. Воротников А. А., Баринов П. С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 11–17.

2. Купреянова В. Н., Умнова Н. М. Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений / Сост. В. Н. Купреянова, Н. М. Умнова АН СССР. Сиб. отд-ние. Кафедра ин. яз. — 3-е изд., стёр. — Новосибирск: Наука, 1975. — 114 с.
3. Спасович В. Д. Избранные труды — Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. — 320 с.
4. Ленин В. И. Кризис меньшевизма // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 14. — С. 564
5. Таль — Сталину и секретарям ЦК о работе в «Известиях» журналиста Сосновского // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1015685> (дата обращения: 13.11.2023).
6. Тарасова Е. П. Реформа государственной власти в СССР и РСФСР в начале 90-х годов XX века: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 5. С. 1–11.

Наказание в современном уголовном праве Российской Федерации: признаки, социальная сущность, цели

Москова Алина Радиковна, студент
Уфимский университет науки и технологий

В статье рассматриваются вопросы понятия, сущности и социальной природы уголовного наказания, исследуется проблематика целей наказания и его признаков. На основе анализа норм действующего уголовного законодательства и научной литературы автор обосновывает вывод о том, что наказание является особой мерой государственного принуждения, которое направлено на ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление, с целью его исправления и компенсации вреда, который был причинен потерпевшему и обществу в целом.

Ключевые слова: наказание в уголовном праве, цели наказания, признаки наказания, государственное принуждение, гуманизация наказания.

Уголовное наказание является одним из ключевых и фундаментальных институтов уголовного права. Особая значимость уголовного наказания определяет научный интерес к понятию наказания, его сущности и целям. Несмотря на разницу в исторических периодах, фактически, государством путем применения различного вида наказаний решалась единственная задача — обеспечение безопасности и защиты общества от преступных посягательств. Несмотря на значимость указанной темы в науке не выработано единого определения понятия «наказание», отсутствуют подходы к сущности и целям уголовного наказания, которые бы признавались практиками и теоретиками [5, с. 25].

Развитие России как государства обусловило необходимость реформирования законодательства, социальные, экономические и политические факторы не могли не оказать влияние на институт уголовного наказания, поэтому возникли проблемы, связанные с формулированием целей и сущности наказания, которые бы объясняли перспективы применения того или иного вида уголовного наказания.

Важно ответить, что современная международная уголовная политика направлена на гуманизацию наказания, сокращению уголовной репрессии и более широкому применению наказаний, выступающих альтернативой лишению свободы [8, с. 36].

С момента возникновения примитивного социума преступные посягательства стали неизбежностью. Появилась объективная необходимость защиты личности и иных объектов уголовно-правовой охраны от преступных посягательств.

Стоит отметить, что большинство из прототипов уголовно-правовых норм, существовавших в первобытном обществе, носили именно запретительно-охранительный характер. Более того, необходимо понимать, что тяжесть наказаний, а также общая степень криминализации деяний, которые относятся к уголовно-правовым, непосредственно зависят от развития общества, особенностей менталитета, иных социальных, экономических и политических факторов.

В уголовно-правовой литературе до принятия действующего уголовного кодекса Российской Федерации наказание определялось следующим образом:

- 1) как форма и способ реализации уголовной ответственности;
- 2) как правовое последствие совершенного преступления либо как факт осуждения за совершение преступления;
- 3) как мера уголовно-правового воздействия на виновного в совершении преступления;
- 4) как кара (воздаяние, возмездие) за содеянное [7, с. 29].

Несмотря на такое многообразие подходов, нельзя однозначно утверждать, что представленные точки зрения противоречат друг другу, скорее, они отражают особенности подхода законодателя.

Нельзя не отметить, что для понимания наказания и его предназначения в уголовном праве невозможно обойтись без целей, которые с одной стороны, обеспечивают процесс реализации уголовного правосудия, а с другой — придают ему определенное нормативное выражение. Определение наказания конкретному лицу представляет собой субъективный процесс,

который зависит от эффективности применения того или иного вида наказания за совершение конкретного преступления.

Следующим важным аспектом, который необходимо рассмотреть в работе, это отношение понятий «уголовная ответственность» и «уголовное наказание», необходимо отметить. Указанные понятия не могут рассматриваться как тождественные, так как привлечение к уголовной ответственности может быть осуществлено без назначения наказания. Но наказание является неотделимым от ответственности, поэтому понятие уголовной ответственности шире, чем понятие «наказание».

Отметим, что законодательство зарубежных стран придерживается иного подхода к уголовному наказанию. Уголовные законы многих зарубежных государств (Испании, Франции, Швейцарии), относящихся также к континентальной системе права, не закрепляют понятие наказание, не формулируют его цели, исследование этого института осуществляется учеными исключительно на доктринальном уровне. Например, в уголовном кодексе Франции лишь перечислен и раскрыт перечень уголовных наказаний [12, с. 280].

Уголовное наказание выступает наиболее распространенной публично-правовой формой реализации уголовной ответственности, которая сводится к применению судом мер государственного принуждения с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Рассмотрим признаки наказания как особой меры государственного принуждения.

Во-первых, наказание является мерой государственного принуждения. Содержания обозначенного признака может быть сведено к следующим положениям:

- наказание предусмотрено исключительно уголовным законодательством, исчерпывающий перечень наказаний, которые могут применяться на территории Российской Федерации, содержится в ст. 44 УК РФ [2];

- суд не вправе по собственному усмотрению назначить наказание, которое не включено в перечень;

- виды уголовных наказаний представлены в закрытом перечне, который может быть изменен или дополнен исключительно законодателем;

- основанием для назначения наказания является совершение преступления. Невозможно привлечь к уголовной ответственности за совершение административного правонарушения, гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных правонарушений;

- наказание имеет принудительный характер, то есть, назначается против воли лица, совершившего преступления и привлеченного к уголовной ответственности.

Во-вторых, приговор выносится именем Российской Федерации. Основанием назначения наказания является обвинительный приговор суда, в котором отражается признак публичности наказания. Указанный признак раскрывается через следующие аспекты:

- только суд наделен исключительным правом на определение вида наказания и его размера (ч. 1 ст. 49, ч. 1 ст. 118 Конституции РФ [1]). Иные государственные органы не вправе осуществлять подобные функции;

- приговор — единственная, предусмотренная процессуальным законом форма применения наказания. Отметим, что наказание имеет признак публичности, следовательно, выносится в защиту всех членов общества. Обязательными требованиями резолютивной части обвинительного приговора является: вид и размер (срок) наказания, вид и режим исправительного учреждения, если наказание избрано судом в виде лишения свободы (ст. 308 УПК РФ).

В-третьих, наказанию подлежит только лицо, которое признано в установленном законом порядке в совершении преступления. Основанием уголовной ответственности (и наказания, в частности) является наличие в деянии всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ). Если будет установлено, что в деянии отсутствует один из признаков состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), то совершенное деяние по смыслу уголовного закона не может быть признано преступлением.

В-четвертых, наказание является строго индивидуализированным, потому что носит личный характер. Назначение наказания не должно нарушать права и обязанности прав и законных интересов других лиц.

В-пятых, содержание наказания определяют ограничения прав и свобод осужденного. Через рассматриваемый принцип можно определить юридическое содержание уголовного наказания. Любое ограничение прав гражданина должно иметь правовое основание, таким основанием применительно к уголовному праву является вступление в законную силу обвинительного приговора суда [6, с. 116].

В-шестых, наказание влечет судимость. Однако среди признаков наказания, установленных в законе, рассматриваемый признак не отражен. Но наличие данного признака является характерным только для уголовного наказания.

Понятие и признаки уголовного наказания неразрывно связаны с его сущностью. Отметим, что УК РФ закрепляет определенную совокупность прав и обязанностей, при этом, совершение преступления может толковаться как нарушение справедливости. Следовательно, целью наказания является восстановление справедливости с помощью использования уголовно-правовых механизмов.

Сущность наказания характеризует любой из отдельно взятых видов наказаний в уголовном праве, служит основанием для их разграничения, позволяет отделить наказание от иных мер уголовно-правового характера, а также иных мер юридической ответственности. Наказание сводится к установлению ограничений, претерпевание которых направлено на достижение целей уголовного наказания, а именно: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления [11, с. 218]. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Цели наказания сформулированы непосредственно законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Каждая из выделенных целей на-

правлена на какую-либо сторону воздействия наказания на лицо, которое совершило преступления, а также на общество.

Критерий социальной справедливости включает следующие аспекты: должно удовлетворять социальной возмущение в общественном правосознании; вред, причиненный преступлением, должен быть максимально компенсирован потерпевшему (компенсация может быть получена за вред либо имущественного характера, либо моральный) [3]; наказание с точки зрения преступника должно восприниматься как справедливое, чтобы он не воспринимал назначение наказания как расправу, однако назначение более мягкого наказания может стать фактом, который приведет к повторному совершению преступления в силу безнаказанности.

Говоря о цели социальной справедливости, подчеркнем, что в доктрине ведется дискуссия относительно определения роли данной цели в практике борьбы с преступностью, а также целесообразности выделения законодателем рассматриваемой цели. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в советском законодательстве существовала цель, направленная «восстановление нарушенного права», то есть, подобная формулировка может быть оценена как наиболее конкретная и узкая нежели восстановление социальной справедливости. Ранее акцент был смещен в сторону потерпевшего, а сейчас данная цель распространяется непосредственно на общество в целом, лиц, совершивших преступление, и потерпевшего, поэтому формулировка рассматриваемой цели может изменяться в зависимости от субъекта, к которому данная цель применима. На практике судами данная цель понимается как необходимость вынесения справедливого наказания [4]. Ряд авторов также не считают, что судебное решение всегда справедливо, потому что выносится судьей, следовательно, зависит от субъективной точки зрения конкретного судьи. Очевидно, что среди целей уголовного наказания, предусмотренных УК РФ, превалирует восстановление социальной справедливости, так как она носит более глобальный и общий характер.

Рассмотрим следующую цель — предупреждение совершения новых преступлений. В рамках цели — как конечного, желаемого результата, которого необходимо достичь выделяются конкретные задачи.

Роль предупреждения преступлений влечет постановку вопроса о наличии предупредительной функции уголовно-правового запрета, о соотношении общей и специальной превенции, символической и репрессивной функций уголовного права, о мере их соотношения. Особая роль связана с развитием института позитивной превенции (предоставление возможности действовать правомерно).

Для достижения цели предупреждения наказаний используется целый комплекс мер. Во-первых, постоянный контроль со стороны компетентных органов за лицом, совершившим преступление. Во-вторых, если говорить о назначении уголовного наказания условно, то в случае совершения во время испытательного срока противоправного деяния, наказание условное судом может быть заменено на реальное. В-третьих, предупреждению совершения преступлений, как ни странно, способствуют предусмотренные уголовным законом поощрительные меры. В-четвертых, средствами предупреждения являются воз-

ложенные обязанности и дополнительное наказание (если оно было назначено лицу).

Наконец, третьей целью уголовного наказания, которая выделена законодателем, является исправление осужденного, иначе можно толковать как профилактическое значение уголовного наказания.

Предупредительная роль уголовного наказания имеет социально-экономическое содержание и правовое содержание. Эффективность достижения данной цели может зависеть от большого числа причин и условий. В первую очередь — это состояние и динамика преступности, а также установления спектра причин и условий, которые привели к совершению преступлений [9, с. 110].

Подводя итог рассмотрению профилактической цели уголовного наказания, подчеркнем, что на основании ст. 6 УК РФ назначенное наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, а также необходимо учесть особенности личности лица, которое совершило преступление. Преступление относится к той или иной степени тяжести, которая подлежит определению на основании ст. 15 УК РФ, степень общественной опасности неразрывно связана с конкретными обстоятельствами преступления (например, квалифицирующий способ совершения, совершение преступления соучастниками).

Институт уголовного наказания является сложным и комплексным, так как тесно взаимосвязан с иными институтами уголовного права. Можно утверждать, что уголовное наказание включает в себя два противоположных начала: обеспечение безопасности общества и защита от преступных посягательств, а также судом устанавливается наказание за совершенное преступление виновному лицу. Содержание наказания образует диалектическое единство принуждения и убеждения. В этом диалектическом противоречии заложена внутренняя основа дальнейшего развития уголовного наказания, так как, несмотря на процесс гуманизации и переход от лишения свободы к применению альтернативных наказаний, ни одно современное государство не может отказаться от института наказания.

Уголовное наказание является особой мерой государственного принуждения, которое направлено на ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление, с целью его исправления и компенсации вреда, который был причинен потерпевшему и обществу в целом.

Сущность наказания характеризует любой из отдельно взятых видов наказаний в уголовном праве, служит основанием для их разграничения, позволяет отделить наказание от иных мер уголовно-правового характера, а также иных мер юридической ответственности.

Цели уголовного наказания можно определить как основные направления деятельности пенитенциарной и правоохранительной системы государства, установленные законодателем для снижения количества преступлений, противодействия формированию рецидивной и профессиональной преступности, создания стабильной социально-экономической ситуации в стране. Цели выступают основой эффективности применения института наказания в современном уголовном праве. Реализация целей наказания осуществляется с помощью при-

менения комплекса мер, включающих в себя не только этапы назначения и исполнения уголовного наказания, но и иные меры, направленные на достижение социально-положительного эффекта.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.
5. Безверхов А. Г. Понятие наказания в уголовном законодательстве России // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — № 2. — С. 24–28.
6. Бытко Ю. И. Цели уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной академии. — 2018. — № 4. — С. 108–120.
7. Зубкова В. И. Роль уголовного наказания в предупреждении преступления // Уголовно-исполнительное право. — 2017. — № 1. — С. 27–31.
8. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 526.
9. Поетохов И. В. Современные подходы к целям наказания в уголовном кодексе Российской Федерации // Молодой ученый. — 2019. — № 42. — С. 108–112.
10. Приданников Г. Б. Наказание в уголовном праве и современном уголовном законодательстве: понятие и признаки // Молодой ученый. — 2022. — № 47. — С. 279–281.
11. Савин А. А. Уголовное наказание — понятие, признаки, сущность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 10. — С. 216–220.

Особенности разграничения ничтожных и оспоримых сделок

Мурзич Юлия Игоревна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются понятия ничтожных и оспоримых сделок. Анализируются особенности и критерии их разграничения. Выявлена проблема отсутствия легального понятия недействительности сделки и публичных интересов.

Ключевые слова: оспоримая сделка, ничтожная сделка, недействительность сделки, юридическая сила, юридический факт.

Features of differentiation of void and disputed transactions

Murzich Yulia Igorevna, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The article discusses the concepts of void and disputed transactions. The features and criteria of their differentiation are analyzed. The problem of the absence of a legal concept of the invalidity of the transaction and public interests is revealed.

Keywords: disputed transaction, void transaction, invalidity of the transaction, legal force, legal fact.

Гражданское право, являясь по существу регулятивной отраслью права, тем не менее содержит большой массив норм охранительного характера, основанием применения которых является факт нарушения субъективного гражданского права [5]. Сделки, являясь основной категорией возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений, имеют большое распространение и играют особую роль

в установлении прав и обязанностей непосредственно взаимодействующих между собой субъектов [2].

Исходя из этого, обуславливается рост нарушений, которые являются причиной признания заключенных сделок несоответствующими нормам законодательства, то есть недействительными. Увеличение подобных споров имеет некую тенденцию.

Исходя из содержания норм, регулирующих данные гражданско-правовые отношения, можно сделать вывод, что недействительная сделка — это действие, которое полностью или в какой-либо части не соответствует нормам гражданского права, при этом не несет за собой результат юридического характера [3].

В свою очередь недействительные гражданско-правовые сделки подразделяются на оспоримые и ничтожные.

Различия между этими категориями проявляются в следующем: оспоримая сделка считается действительной до тех пор, пока суд не признает ее недействительной на основании соответствующего иска лица, в то время как ничтожная сделка недействительна независимо от ее оспаривания, то есть *ipso jure*.

Ничтожная сделка не имеет какого-либо юридического значения, а значит, такая сделка вообще существовать не может.

Сделка признается недействительной в том случае, если заключается с нарушением условий ее действительности. При этом действия могут быть как оспоримы, так и ничтожны.

Выделяют несколько оснований, позволяющие говорить о недействительности той или иной сделки:

- 1) во-первых, это существенное противоречие ее содержания нормам действующего законодательства;
- 2) во-вторых, отсутствие возможности участия субъектов в сделке;
- 3) в-третьих, несоответствие воли и волеизъявления;
- 4) в-четвертых, нарушение закрепленной законом формы сделки. Говоря о видах анализируемых сделок, стоит обозначить их сущность и основное отличие [1].

Так, оспоримая сделка считается несоответствующей действительности в том случае, если признается таковой судом, конкретнее судебным решением, где обозначаются предпосылки ее недействительности. Она способна нести какие-либо правовые последствия, которые имела своей целью, однако эти последствия могут быть отменены [4].

Ничтожная же сделка считается недействительной вне зависимости от вынесенного решения.

Кроме того, как отмечается в юридической литературе, понимание недействительности сделки как сделки, которая не порождает правовых последствий, таит в себе известное противоречие, так как недействительная сделка последствия все же создает.

Таким последствием является возникновение у сторон недействительной сделки обязанности возвратить все полученное по сделке.

При этом они изначально не несут правовых последствий и не порождают приоритетных прав и обязанностей сторон. Делая вывод из представленной выше информации, можно говорить о том, что недействительные сделки имеют определенную тенденцию в настоящее время, и в силу распространенности данного юридического факта, прослеживается характерное увеличение нарушений, затрагивающие данную сферу [5].

Этот вопрос носит далеко не праздный характер. Вспомним, что в системе правового регулирования возникновение любых правоотношений (в том числе в виде гражданско-правовых обязательств) обуславливается существованием определенных юридических фактов [6].

Говоря о недействительных сделках, законодатель не расценивает факт их совершения и факт вынесения решения о недействительности сделки как альтернативны, соответственно, и последствия, возникновение которых связывается законом с этими фактами, являются разными.

В связи с тем, что с годами подходы законодателя к квалификации тех или иных сделок изменились, в действующем законодательстве имеется неопределенность относительно того, относятся некоторые сделки к оспоримым или ничтожным.

Имеются в виду случаи, когда в законе употребляется термин «недействительность». В самых простых случаях маркером, обозначающим в гражданском законодательстве оспоримую сделку, выступает указание на то, что сделка признается недействительной по иску (требованию) того или иного лица [7].

Несовершенство существующего правового института недействительных сделок видится в том, что вопреки логике законодательного регулирования Гражданский кодекс Российской Федерации не устанавливает общего правила о том, считается ли оспоримой или ничтожной сделка, подпадающая под признаки недействительной.

Представляется, что правило пункта 2 статьи 168 Гражданского Кодекса Российской Федерации, согласно которому сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если иное не предусмотрено законом, — в данном случае не действует [7].

Действительно, положения о недействительности соглашения об изменении сроков исковой давности, предусмотренные статьей 198, могут трактоваться не иначе как обуславливающие ничтожность соответствующей сделки, поскольку согласно устойчивой позиции Конституционного Суда Российской Федерации рассмотрение вопроса об изменении или отмене сроков для обращения в суд относится к компетенции законодателя и тем самым их изменение соглашением сторон может рассматриваться как посягательство на публичные интересы.

Однако последствия нарушения правового предписания о заключении договора аренды здания или сооружения в письменной форме (ст. 651 Гражданского Кодекса Российской Федерации) не столь очевидны.

В этом случае посягательство на публичные интересы отсутствует, права и законные интересы третьих лиц не нарушаются, в связи с чем применимыми являются положения п. 1 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающие оспоримость такой сделки [7].

Допустимость такого подхода подтверждается, например, конструкцией ст. 820 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой законодатель не просто устанавливает в качестве последствия несоблюдения письменной формы кредитного договора его недействительность, но и прямо указывает, что такой договор считается ничтожным [8].

Обуславливать ничтожность соглашений о неустойке и поручительстве указанием на их недействительность неверно еще и потому, что, по общему правилу, несоблюдение простой пись-

менной формы сделки влечет последствия, не связанные с недействительностью сделки, а не ее оспоримость.

Можно выделить также и иные признаки, позволяющие разграничить оспоримые и ничтожные сделки:

1. Оспоримая сделка, как правило, нарушает частный интерес ее
2. участника, а ничтожная противоречит интересам третьих лиц, не
3. являющихся участниками сделки, нарушает публичный интерес;
4. Различный срок, установленный для обжалования сделки и
5. применения последствий ее недействительности (год для оспоримой
6. сделки, три года для ничтожной);
7. Круг субъектов, имеющих право на обжалование сделки: прямо
8. указанные в законе лица для оспоримых сделок и любые лица, чьи интересы
9. оказались затронутыми совершением сделки, для ничтожных сделок;
10. Предмет доказывания: для оспоримых сделок круг вопросов,
11. подлежащих доказыванию, значительно шире, чем для ничтожных сделок [9].

Таким образом, институт недействительности сделок имеет свои сложности и особенности регулирования, недействительные сделки могут быть оспоримыми и ничтожными, а ле-

гальные понятия недействительности и публичных интересов отсутствуют, в результате чего представляется целесообразным их законодательное закрепление.

Нормы Гражданского кодекса органично дополняются положениями Постановлениями Пленума Верховного суда Российской Федерации, особую важность среди которых имеют содержащие дополнительные разъяснения в вопросе квалификации сделки как ничтожной [10].

Изложенное свидетельствует о необходимости дополнения Гражданского кодекса РФ положением о том, что сделки, признаваемые указанным Кодексом недействительными, считаются оспоримыми, если законом не установлено, что такие сделки ничтожны.

В целом основное понятие, которое могло бы раскрывать сущность анализируемого аспекта, законодательного отражения не находит. В литературе многие авторы имеют свои точки зрения, однако легального определения в настоящее время нет.

Опираясь на порядок признания сделок несоответствующими нормам права, выделяют оспоримые и ничтожные.

Их разграничение обусловлено, прежде всего, тем, что оспоримая сделка признается таковой судебным решением, которое вступило в законную силу, а ничтожная сделка считается недействительной с момента ее заключения.

Приоритетное положение занимает задача устранения возможных пробелов в вопросе признания сделок недействительными, совершенствование законодательной базы и в целом недопущения увеличения подобного рода нарушений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 25.02.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации.— 05.12.1994.— № 32.— Ст. 3301.
2. Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) / К. И. Скловский.— 3-е изд. // СПС «Консультант Плюс».
3. Сафронов Д. А. Понятие недействительности сделки и разграничение ничтожных и оспоримых сделок // Научные исследования: векторы развития.— 2017.— С. 253–257.
4. Цыцылева Т. Л. Особенности признания оспоримых сделок недействительными // Вестник ВИЭПП.— 2018.— № 1.— С. 183–185.
5. Богданов Е. В. Проблема конфискационных последствий недействительности сделок, предусмотренных статьями 169 и 179 ГК РФ, с позиции добросовестности их участников // Адвокат.— 2018.— № 6.— С. 45–48.
6. Грицаенко В. А. Сделка как юридический факт // Актуальные вопросы науки и техники.— 2014.— С. 410–412.
7. Курмакаев А. С. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации.— М.: Юристъ, 2019.— 352с.
8. Тололаева Н. В. Соотношение некоторых оснований недействительности сделки // Судья.— 2019.— № 10.— С. 32–40.
9. Голобородкина Е. В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Е. В. Голобородкина; [Место защиты: Кубанский государственный аграрный университет].— Уфа, 2014.— 169 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета.— 30.06.2015.— № 140.

Утечка и незаконное распространение биометрических персональных данных в банковской сфере: общая характеристика и пути преодоления проблем

Нейман Элеонора Андреевна, студент;
Савидова Милена Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

XXI — век технологий, информационных новшеств и открытий. Техническое и человеческое развитие не стоит на месте, а, наоборот, с каждым годом только прогрессирует. Биометрические персональные данные — одно из таких новшеств. Биометрические персональные данные представляют собой биологические характеристики гражданина, по которым можно с точностью определить его личность. Одной из актуальных проблем в сфере обращения биометрических персональных данных является утечка и их незаконное распространение.

Как показывает практика, хранение любых персональных данных в базах вызывает сложности. Причинами могут быть как человеческий фактор, так и нестабильная компьютерная система. Утечка данных может привести к серьезному нарушению частной жизни, поскольку эти данные могут быть использованы для отслеживания и идентификации людей без их согласия. Это создает угрозу для личной безопасности и приватности.

Для регулирования биометрических данных существует Федеральный закон от 27.07.2006 N152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных», согласно которому биометрические персональные данные, используемые для идентификации личности человека, могут обрабатываться только при наличии письменного согласия субъекта персональных данных, за исключением определенных случаев, предусмотренных законодательством. Например, обработка биометрических данных может осуществляться без согласия субъекта в рамках международных договоров, при осуществлении правосудия и исполнении судебных актов, а также в случаях, установленных законодательством о безопасности, обороне, борьбе с терроризмом и другими аспектами государственной безопасности. Предоставление биометрических персональных данных не может быть обязательным, за исключением определенных случаев, и оператор не вправе отказывать в обслуживании при отказе субъекта предоставить эти данные или дать согласие на их обработку, если это не предусмотрено федеральным законом.

Пример из судебной практики

На основании договора на оказание услуг по организации питания обучающихся Общество с ограниченной ответственностью «Здоровое питание» (Исполнитель) оказывает МАОУ СОШ № 70 г. Тюмени (Заказчик) услуги по организации питания обучающихся. Оказание услуг питания происходит на базе переданного Обществу в безвозмездное пользование имущественного комплекса пищеблоков первого и второго корпусов школы. Пунктом 6.1 договора предусмотрен порядок расчетов, в том числе, за счет средств обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обуча-

ющихся. Так, указанным пунктом договора закреплена возможность внесения денежных средств Исполнителю в порядке безналичного (4 способа) и наличного (2 способа) расчетов. В качестве одного из способов безналичной оплаты Обществом было предложено осуществление законными представителями обучающихся — получателей услуг питания платежей использованием платежной системы по принципу «виртуального кошелька» на базе специализированного программно-аппаратного комплекса «Ладошки». В основе функционирования системы «Ладошки» применяется технология PalmSecure компании Fujitsu. PalmSecure — система аутентификации на основе биометрических технологий, которая идентифицирует пользователя по рисунку вен ладони. Указанная технология предполагает бесконтактный метод аутентификации, который подразумевает обработку фотоизображения рисунка вен ладони, полученного в диапазоне, близком к инфракрасному. Прокуратурой Ленинского административного округа г. Тюмени, совместно с Управлением Роскомнадзора, проведена проверка по факту размещения на телеканале «Регион-Тюмень» сюжета о введении в действие в МАОУ СОШ № 70 г. Тюмени проекта «Ладошки», предусматривающего возможность безналичного расчета за питание учащихся в школе путем считывания индивидуального рисунка ладони ребенка. В представлении прокурором сделан вывод о том, что используемая в системе «Ладошки» информация с отпечатками пальцев, ладоней рук, позволяющая идентифицировать личность учащихся школ, относится к биометрическим персональным данным и используется для организации безналичных расчетов при оплате питания Обществу. По мнению прокурора согласие на обработку биометрических персональных данных должно быть получено непосредственно от лица, обработка данных которого осуществляется, информация указанных данных является избыточной по отношению к заявленным целям их обработки и не соответствует нормам законодательства Российской Федерации.

На данный момент существует Единая биометрическая система (ЕБС), которая регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2022 года N572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Единая биометрическая система является проектом Минцифры Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации, который подразумевает сбор данных лица и голоса человека для возможности коммуникации с финансовыми организациями. Например, выдача кредита или открытие счёта в банке стали бы очень лёгкими процедурами с такими новшествами. ЕБС ка-

жется очень надёжной, но, к сожалению, она узконаправлена и к тому же пока является единственным государственным централизованным проектом.

Подводя итог, можно сделать вывод, что недоверие к сбору биометрических персональных данных оправдано, но не умаляет их удобность и прогрессивность, поэтому решение проблем, перечисленных выше, не только повысило бы доверие

граждан к системе, но и облегчило во многом жизнь физических лиц, финансовых организаций, государственных корпораций и многих других.

Поэтому важно обеспечить надлежащую защиту биометрических данных, включая их шифрование, защиту от несанкционированного доступа и регулярное обновление системы безопасности.

Литература:

1. Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/fintech/digital_biometric_id/ (дата обращения: 14.12.2023).
2. Гугнюк И. Г., Гугнюк К. М., Фабрикаина М. А. О финансово-правовом регулировании деятельности по использованию биометрических технологий в банковской деятельности: современные тенденции // Вестник СГЮА. — 2021. — № 2. — С. 203–210.
3. Островская Н. Б. Особенности финансово-правового регулирования биометрической идентификации в Российской Федерации / Н. Б. Островская, Г. А. Колмаков // Фундаментальная наука и технологии — перспективные разработки: сб. матер. XXV международной научно-практической конференции Фундаментальная наука и технологии — перспективные разработки. — Morrisville, NC, USA, 2021. — С. 162–165.

Проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации

Овчинникова Олеся Николаевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной публикации исследуются проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации. Выявлены пробелы в законодательстве, регламентирующие задержание, личный досмотр, доставление. Подобные законодательные пробелы создают проблемы в правоприменительной практике, так как они не дают достаточно четких и ясных указаний правоохранительным органам о мерах, которые они могут применять в процессе раскрытия и расследования административных правонарушений. Это может приводить к произволу и нарушению прав граждан. В результате анализа автор предлагает практические рекомендации относительно необходимых изменений в нормативно-правовые акты, для того чтобы урегулировать данный вопрос и устранить законодательные пробелы, связанные с применением указанных мер.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, правовое регулирование, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, задержание, личный досмотр, доставление.

Problems of legal regulation of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation

This publication examines the problems of regulatory and legal regulation of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation. Gaps in legislation regulating detention, body search, and delivery have been identified. Such legislative gaps create problems in law enforcement practice, as they do not provide sufficiently clear and precise instructions to law enforcement agencies on the measures that they can apply in the process of disclosure and investigation of administrative offenses. This can lead to arbitrariness and violation of citizens' rights. As a result of the analysis, the author offers practical recommendations on the necessary changes to regulatory legal acts in order to resolve this issue and eliminate legislative gaps related to the application of these measures.

Keywords: proceedings in cases of administrative offenses, legal regulation, measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses, detention, body search, delivery.

Статья 118 Конституции Российской Федерации закрепляет возможность осуществления правосудия только судом [1].

При этом судебная власть представлена на практике в виде конституционного, гражданского, арбитражного, административ-

ного и уголовного судопроизводства. Согласно Конституции, производство по делам об административных правонарушениях находится в ведении РФ и отдельных регионов.

Меры, которые направлены на обеспечение производства в рамках дел об административных правонарушениях, представляют собой специфические процессуальные действия, осуществляются компетентными юридическими субъектами в контексте процедур, таких как возбуждение и рассмотрение дела об административном правонарушении.

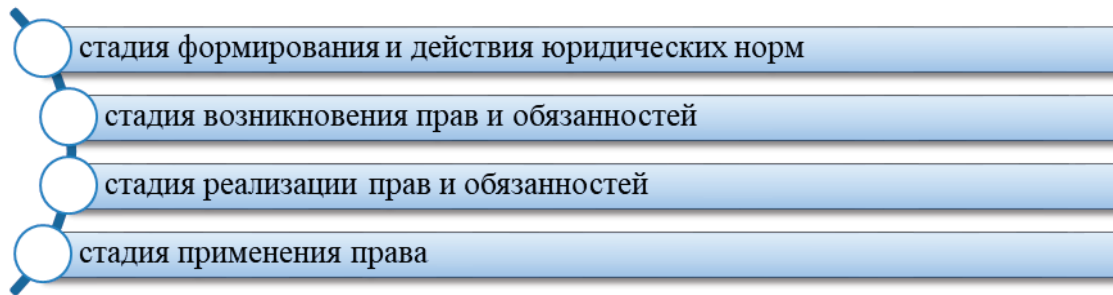

Рис. 1. Стадии механизма правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях

Непосредственно производство по делам об административных правонарушениях — это стадия применения права.

О. А. Носик также выделяет следующие стадии производства по делам об административных правонарушениях: возбуждение дела; рассмотрение всех обстоятельств произошедшего; вынесение постановления; исполнение решения; при необходимости — пересмотр вердикта [8, с. 28].

В КоАП РФ в главе 4 рассматривается назначение административного наказания [3]. Часть мер, при помощи которых осуществляется обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, прописаны законодателем в гл. 27 КоАП РФ, а некоторые закреплены в иных законодательных источниках, например, в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4].

Значение указанных мер невозможно недооценивать, поскольку зачастую именно их применение позволяет раскрыть административное правонарушение и привлечь виновного к установленной законом административной ответственности.

Считаем, создание единого метода оптимизации регламентов, касающихся применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, на данный момент вряд ли осуществимо. Каждую из этих мер, установленных в КоАП РФ, необходимо рассматривать индивидуально и анализировать судебную практику по конкретным делам, в которых эти меры были применены.

Одной из проблем нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации является отсутствие четких и однозначных норм, определяющих порядок и условия применения таких мер.

Во-первых, существует проблема определения критериев, по которым могут быть применены меры обеспечения производства. В законодательстве не установлено, какие именно дей-

ствительность управомоченных субъектов Российской Федерации административного права.

Производство по делам об административных правонарушениях является одной из стадий в механизме правового регулирования.

Так, Л. А. Витковская выделяет несколько стадий [5, с. 5] (рис. 1).

ствия или обстоятельства квалифицируются как основания для применения таких мер. Это вызывает неопределенность и произвол со стороны органов, проводящих административное расследование.

Во-вторых, отсутствуют ясные критерии и нормы, определяющие уровень и меру обеспечения производства. Не указано, какие именно меры могут быть применены, насколько интенсивно и длительно они могут применяться, а также какие требования должны быть соблюдены при их применении. Это ведет к произволу и несправедливому воздействию на лиц, подвергающихся таким мерам.

В-третьих, отсутствует эффективная система контроля за применением мер обеспечения производства. Не предусмотрены механизмы обжалования или обжалования решений о применении таких мер, а также механизмы наказания за их неправомерное применение. Это создает возможность для злоупотреблений и нарушений прав граждан [7, с. 131].

Итак, проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации состоят в отсутствии четких критериев и норм, определения уровня и меры обеспечения, а также в отсутствии системы контроля за их применением. Эти проблемы требуют устранения для обеспечения справедливого и эффективного административного правосудия.

Так, практическое применение отдельных обеспечительных мер производства по делам об административных правонарушениях выявило ряд проблемных вопросов, которые требуют скорейшего разрешения посредством устранения пробелов и противоречий в законодательной регламентации этого института [6, с. 71].

Так, из буквального смысла ст. 27.3 КоАП РФ следует, что допустимость административного задержания возможно лишь,

когда имеет место административное правонарушение. Получается, что в этой связи следует признать незаконной практику административных задержаний лиц, которые не имеют при себе документов, удостоверяющих их личность.

Отсутствие конкретных оснований и установленного порядка освобождения от административного задержания в Кодексе РФ об административных правонарушениях создает риск нарушения прав, задержанных и возможности злоупотребления со стороны органов правопорядка [9, с. 150].

Также следует отметить, что неопределенность оснований для административного задержания проявляется в обобщенной формулировке в КоАП РФ. Отсутствие ясного законодательного определения административного задержания также затрудняет правильное применение соответствующих нормативных предписаний о проведении данной меры по отношению к административным правонарушениям.

На наш взгляд, для конкретизации оснований необходимо внести дополнения в ст. 27.3 КоАП РФ, добавив в нее законодательное определение.

Также в п. 1 ст. 27.3 КоАП РФ нет четкого представления того, что подразумевает законодатель под «исключительными случаями».

Нечеткость и неопределенность законодательных формулировок относительно административного задержания могут способствовать произвольному и свободному их толкованию на практике. Это, в свою очередь, может приводить к различным интерпретациям и непропорциональным действиям со стороны органов правопорядка, что создает риск нарушения прав задержанных.

Необходимо также конкретизировать и исключить «двойственность» в формулировке «исключительные случаи», как на пример это сделано в ст. 91 УПК РФ.

Предлагаем ст. 27.3 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, а именно: совершение лицом, достигшего возраста привлечения к административной ответственности, общественно опасных противоправных действий или бездействия, которые содержат признаки состава административного правонарушения, либо достоверные данные, дающие право заподозрить указанного субъекта в совершении указанного действия или бездействия, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении».

Также большое количество проблем возникает при личном досмотре граждан РФ. Законодательное понятие личного досмотра, как и административного задержания, также отсут-

ствует. Из нормативных формулировок ст. 27.7 КоАП РФ следует, что эта мера применяется для того, чтобы обнаружить орудия или предметы совершения административного проступка [10, с. 200].

При этом производство личного досмотра должно производиться физическим лицом такого же пола, как и досматриваемый, при участии двух понятых того же пола. При отсутствии понятых подобная мера может быть применена в исключительных случаях, перечень которых законом не регламентирован. Однако, среди сотрудников правоохранительных органов весьма редко встречаются женщины именно при этой процедуре. И это в определенной мере создает сложности в соблюдении законодательства при личном досмотре [9, с. 150].

Также нет ясности в действиях при личном досмотре в отношении досматриваемого гражданина.

Стоит отметить, что в п. 16 ст. 13 ФЗ от 7 февраля 2011 г. N3-ФЗ «О полиции» (ред. от 4 августа 2023 г. N440-ФЗ) у сотрудника полиции есть право на личный досмотр гражданина, его проведение. При этом сотрудник полиции может осуществлять личный досмотр как для административного задержания, так и для другого случая (когда у сотрудника есть какие-либо подозрения либо сведения на наличие наркотических, взрывчатых и т.д. средств) [5, с. 5].

Однако, и при проведении этой процедуры сотрудником полиции порядок его действий законодательно не определен.

Отметим, что административное задержание тесно связано с доставлением соответствующего лица.

Так, ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ установлено, что доставление осуществляется в пределах возможно короткого срока.

На наш взгляд, в срок административного задержания должно включаться не только то время, в течение которого задержанный находится в помещении правоохранительных органов. В срок административного задержания должно включаться и то время, в течение которого данное лицо принудительно доставлялось в помещение правоохранительных органов.

Исходя из данного посыла, можно предложить объединить доставку и административное задержание в единую меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Поскольку задержание связано с ограничением свободы перемещения граждан, представляется, что в целях обеспечения прав и свобод граждан, а также исключения возникновения споров в оценке действий сотрудников полиции целесообразно ст. 27.5. КоАП РФ «Сроки административного задержания» дополнить следующим пунктом: «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, находящееся в состоянии опьянения, может быть подвергнуто административному задержанию до вытрезвления».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, N31, ст. 4412
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N174-ФЗ (ред. от 27 ноября 2023 г. N562-ФЗ) // Российская газета от 22 декабря 2001 г. N249

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N195-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г. N589-ФЗ) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. N256
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N3-ФЗ «О полиции» (ред. от 4 августа 2023 г. N440-ФЗ) // Российская газета от 8 февраля 2011 г. N25
5. Витковская Л. А. Совершенствование правового регулирования реализации отдельных мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Студенческий форум. — 2022. — № 37–3 (216). — С. 5–8.
6. Вицке Р. Э., Загитова А. Р. Законодательное регулирование мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и пути его совершенствования // ББК 6/8 С 56. — 2023. — С. 71.
7. Мурзина, Л. И. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Проблемы административного задержания / Л. И. Мурзина, В. Р. Немудрякин // Молодежная инициатива: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05–06 июня 2023 года / Под научной редакцией Г. В. Синцова. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 131–136.
8. Носик О. А. Понятие и содержание мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении // NovaUm.Ru. — 2022. — № 36. — С. 28–30.
9. Урусов З. Х. Меры обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 5 (168). — С. 150–151.
10. Шатеева, Д. О. Актуальные проблемы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на охрану собственности / Д. О. Шатеева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 8 (455). — С. 200–203.

Становление и развитие российского федерализма

Очирова Арюна Андреевна, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматриваются вопросы становления и развития российского федерализма после распада СССР и до настоящего времени. Фактически выделено несколько особенностей развития российского федерализма. За чуть более тридцать лет был пройден период «парада суверенитетов» республик до жесткой централизации федеративных отношений, от фактически договорной федерации до конституционной.

Ключевые слова: федерализм, суверенитет республик, полномочия, механизмы управления, ответственность органов государственной власти.

На сегодняшний день вышло огромное количество публикаций, посвященных федеративным отношениям в Российской Федерации, особенно касающихся последних перемен за прошедшие пять лет, а именно во время правления В. В. Путина, которые трактуются учеными и политиками по-разному. Поэтому целью нашего исследования будет выявление самого хода развития федеративных отношений в течение последних лет на основе изменения федерального законодательства и содержания отношений центра и регионов.

Распад Советского Союза создал «благоприятную» почву для вполне осуществимой угрозы распада новых государств. Нельзя не упомянуть, что для Российской Федерации на начальном этапе становления имела данная угроза. В начале 1990-х годов нужно было сделать выбор: дать регионам максимальную свободу действий, а именно их руководителям, либо добиться от их руководителей единообразного выполнения федеральных законов с провозглашенным строительством правового государства.

Был выбран первый вариант, который привел к «параду суверенитетов». В то время у Президента Российской Федерации не было достаточных правовых средств и механизма для того,

чтобы принудить региональных лидеров даже в краях и областях. На том этапе советское законодательство в области федеративных отношений не соответствовало новой Конституции Российской Федерации [1, с. 278].

К слову, в период после «парада суверенитетов» имело место множество отклонений от конституционных норм, которые проявлялись в противоречиях конституций республик, а также региональных законодательных и правовых актов с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. В области политических отношений многие регионы в лице их лидеров выделяли свое особое положение (республики Татарстан, Башкирия, Якутия, Тува, республики Северного Кавказа).

В виду этого и многих политических причин, после вступления на должность В. В. Путин решил изменить данную тенденцию. С 15 мая 2004 года им был введен институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах [2], который должен был решить некоторые проблемы в целях «необходимости укрепления страны, сильно ослабленной десятилетием социальной революции в России».

После введения данного института центр фактически подчинил этих руководителей себе по вопросам взаимоотношений

органов исполнительной власти федерации и регионов по вопросам исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения, когда данные регионы должны были вынуждены сотрудничать с Правительством России.

29 июля 2000 года в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» были внесены изменения и дополнения, которые ввели институт конституционной ответственности для органов государственной власти субъектов Российской Федерации, искоренив проблему несоответствия регионального законодательства федеральной конституции.

Далее был реформирован порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, если ранее в него входили губернаторы и спикеры региональных парламентов по статусу, то после реформы направлялись от органов публичной власти представители. Как отмечает Н. М. Добрынин, деятельность верхней палаты парламента стала носить декоративный характер, после чего он перестал быть реальным рычагом сдержек и противовесов в федеративных отношениях, тем более — балансом политических сил [2, с. 14].

В дальнейшем Президент Российской Федерации принимает Указ о Государственном совете Российской Федерации, который начал выполнять координационные функции по взаимодействию органов власти центра и регионов, формирования единого правового пространства. Данный совещательный орган, по мнению многих ученых и политиков, стал «моральной компенсацией» губернаторам за потерю мест в верхней палате.

Чуть позже начался процесс «укрупнения регионов» с принятием Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. [5]. Принятие закона стало поводом для большого количества статей и публикаций ученых и политиков по вопросу укрупнения субъектов Российской Федерации, особенно после образования нового региона (Пермского края) путем объединения двух субъектов федерации — Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 11 и 76) разграничение полномочий по предметам совместного ведения осуществляется двумя способами — договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти и федеральными законами. Россия выбрала договорный путь, что позволило сохранить единство России как государства и разграничить предметы ведения и полномочия в зависимости от политической ситуации в конкретных регионах.

Ряд внутрифедеральных договоров предоставил отдельным субъектам, входящим в состав Российской Федерации, преимущества и льготы в разных сферах, создающие более благоприятные условия по сравнению с другими. Кроме того, эти договоры нарушали основной закон — Конституцию Российской Федерации — в части разграничения полномочий. Принимая во внимание столь большое количество разногласий и нарушений, неустойчивость данной формы разделения властей, нарушение

равноправия субъектов, входящих в состав Российской Федерации, и, как следствие, нарушение единства и целостности системы государственного управления, федеральный законодатель был вынужден прибегнуть к законодательному разграничению полномочий по предметам совместного ведения.

21 июня 2001 года был издан Указ Президента Российской Федерации, согласно которого была сформирована Комиссия при Президенте России по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, которую возглавил Дмитрий Козак. А чуть позже принятие Федерального закона от 04.07.2003 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» внесло особую конкретизацию в полномочия федеральных органов исполнительной власти и органов власти субъектов Российской Федерации [5].

При разграничении полномочий между уровнями публичной власти тот факт, что каждый уровень должен иметь свои полномочия, считается положительным, на первый взгляд. Однако на деле произошло следующее — на места передана основная масса базовых и затратных полномочий государства, что увеличило нагрузку на региональные бюджеты. Это привело к финансовой зависимости регионов к федеральному центру.

Обобщая вышеизложенное, отвечая на вопрос, почему центр пошел на конкретизацию отношений по жесткому пути, можно сказать, что во взаимоотношениях регионов с центром проявлялась скрытая унитарность, где правила игры строились не на формальном уровне, т.е. законодательном, а на неформальных институтах, которые основывались на использовании инструментов административного и экономико-бюджетного давления, а также скрытых переговоров.

Поэтому после прихода В.В. Путина к власти на фоне его всеобщей поддержки населением, недовольством региональной властью в проведении социально-экономической политики, формированием в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «партии власти», поддерживающей курс нового Президента Российской Федерации на стабилизацию и централизацию в стране, многие лидеры пошли на ослабление своей политической позиции на федеральном уровне, что обусловлено принятием и поддержкой ряда законодательных инициатив главы государства, которые снизили статус региональной элиты. На сегодня мы можем видеть резкую перемену поведения региональной элиты по отношению к центру по усилению и централизации власти [3, с. 176].

С годами шли различные процессы, в том числе связанные с укрупнением российских регионов. Данные процессы шли по направлению соединения разных регионов: этнических округов, так называемыми, русскоязычными. Таким образом, появились Краснодарский край, упомянутый выше Пермский край и другие.

В 2012 году пост Президента снова занял Путин Владимир Владимирович, который взял вектор на эффективное управление

и качественные связи центра с регионами. Был издан Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 года за № 636 [5]. На его основе было создано Министерство по развитию Дальнего Востока. Этот пример не единственный, поскольку с этого времени по 2020 год исправно работало Министерство по делам Северного Кавказа и другие министерства. Можем здесь подчеркнуть, что был сделан хороший шаг в укреплении отношений с удаленными регионами. Еще одним фактором изменений было то, что с 2012 по 2019 гг. целых три Указа Президента успешно вступили в силу, конкретизируя положения об оценке работы исполнительных органов субъектов в нашей стране.

Таким образом, мы выявляем существенную перестройку содержания федеративного устройства страны, переход на управляемую демократию со стороны центра по отношению к регионам, за которой скрывается унитаризм с присущими ему командно-административными методами управления.

На данный момент времени, исходя из начала спецоперации на территории Украины в 2020 г. и ранее начавшегося противостояния вирусу COVID-19, идет тенденция на конкретизацию полномочий руководства регионов РФ, увеличению их полномочий и, как видится, ответственности. Примером является то, что были расширены компетенции губернаторов для противостояния вирусу, что датируется апрелем 2020 г. Их полномочия

расширились в возможности ограничивать деятельность граждан для борьбы с пандемией.

При мобилизации населения на специальную военную операцию на губернаторов были возложены новые полномочия, регионы начали активно оказывать помощь семьям тех, кто был мобилизован и отправлен на СВО. Плюс ко всему, губернаторы обрабатывали обращения населения и решали возникшие проблемы.

Ещё один фактор нынешнего развития — изменения в Бюджетном кодексе Российской Федерации, а именно в ст. 135. Теперь регионы могут помогать друг другу путем предоставления субсидий на различные нужды. Примеры осуществления этой возможности уже есть. Так, Тверская область теперь может оказать помощь г. Бердянск, находящегося в Запорожской области, путем подписания соглашения [4, с. 19].

Российский федерализм развивался от договорного до конституционного. Если говорить о нынешнем этапе, то развиваются не только отношения между центральными и региональными органами власти, но и расширяются горизонтальные связи регионов. Самое важное, что стоит подчеркнуть — это наличие взаимной ответственности на каждом уровне управления и разграничение деятельности между Российской Федерацией и её субъектами, что закреплено в Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Храмчихин А. В поисках идеального субъекта // Отечественные записки. — 2004. — № 2.
2. Добрынин Н. М. Новый российский федерализм и конституционная реформа как неизбежность перемен // Журнал российского права. — 2004. — № 3. — С. 9–15.
3. Панов П. В. «Централизация» глазами регионалистики // Полис: политические исследования. — 2004. — № 5. — С. 174–177.
4. Литвинова Т. Н. Эволюция российского федерализма в постсоветский период: этапы, тенденции, перспективы // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 4. — С. 14–20.
5. Справочная правовая система «Консультант Плюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2023).

Понятие и правовая сущность федерализма

Очирова Арюна Андреевна, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматриваются вопросы определения понятия федерализма в современной юридической литературе, а также исследуются основные подходы к раскрытию правовой сущности и качеств федерализма.

Ключевые слова: государственное устройство, территориальное устройство, федерализм, федерация, модель федерации, конфедерация.

Появление федерализма в истории человечества было обусловлено естественным стремлением народов к организации единого сообщества для обеспечения коллективной безопасности и создания наиболее благоприятных социально-экономических условий для жизнедеятельности, так и политикой более сильных и могущественных государств по включению в свой состав других народов и государств с сохранением их относительной самостоятельности.

Определение понятия «федерализм» (от франц. *federalisme*) существует давно в научной литературе, где оно рассматривается как система основных принципов определенной формы государственного устройства и его функционирование, отличающихся от унитаризма и конфедерации [1].

Изучая подходы к определению федерализма в западной юридической науке, профессор В. Е. Чиркин предлагает рассматривать федерализм «прежде всего не как совокупность

структур и норм, а как процесс, призванный заглушать конфликты центра и мест, устанавливать их взаимодействие, обеспечивать наиболее целесообразные в данных условиях методы управления» [2].

В целом федерализм многими учеными в зависимости от политической конъюнктуры в деятельности властвующих сил [3], и практически сводится к отдельным элементам управления, а не раскрывается как форма государственного устройства страны, обладающая системой принципов, структур и норм.

В современной юридической литературе выделяют новые модели федерализма — бюджетный, экономический и налоговый (фискальный). Суть первого состоит в сведении понятия «федерализм» к «бюджетной» политике в федеративном государстве, а второй определяется как «способ воспроизводства многонационального российского гражданского общества на его политической и социально-экономической структуре» [4]. «Налоговый» федерализм — система налоговых отношений между федеральным центром и элементами федерации, призванной обеспечить эффективную реализацию своих полномочий каждым уровнем власти при повышении налоговой самообеспеченности территорий федеративного государства [5].

Напомним, что «федерализм» — политико-правовое понятие, выражающее форму государственного устройства, в котором, конечно же, имеются и регулируются экономические, бюджетные, транспортные и иные отношения между федерацией и ее субъектами, но не сводящиеся к ним.

В Конституции Российской Федерации отсутствует формулировка «бюджетный федерализм», но устанавливается правила в сфере бюджетных отношений. Вопросы бюджетно-финансовых отношений, система взимания налогов в федеральном бюджете и общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации устанавливаются и регулируются федеральным законодательством. Регулирование финансово-бюджетных отношений устанавливается в конституциях и законах всех федеративных государств, разумеется, с учетом их особенностей. В то же время отметим также, что финансово-бюджетные отношения существуют между центром и территориальными образованиями независимо от их федеративного или унитарного устройства. Таким образом, нигде понятия «федерализм» или «унитаризм» не сводятся к регулированию финансово-бюджетных и налоговых отношений [6].

Центральная проблема теории федерализма состоит не в определении и описании разных моделей, а в организации федеративного государства в соответствии с его научным понятием и основными принципами. Именно благодаря этому сохраняется единая сущность федерализма. По мнению профессора И. А. Умновой, отказ от исследования федерализма на основе идентификации его особенностей и выделение различных моделей, характеризующих специфику систем разделения государственной власти по вертикали, степень развития демократии и эффективность федеративного устройства, вряд ли оправдан [7]. В этой связи изучение различных моделей федерализма позволяет раскрыть его правовую природу и сущность как правового явления.

Необходимо отметить, что понятие федерации как союзного государства предполагает наличие двух взаимообуслов-

ленных начал — интеграции и дифференциации. Разнообразие конкретных форм федеративных государств, проблемы регулирования и реализации отношений с их субъектами свидетельствуют, что федеративные отношения представляют собой сложное правовое явление. Часто сегодня понятие федерализм рассматривается как структурно-организационный принцип, способ организации власти в сложносоставных государствах, многоуровневая система, основными признаками которой являются целостность, единство и многообразия [8].

Зарубежные исследователи федерализма, в частности, Д. Дж. Элазар, раскрывая сущность понятия «федерализм», отмечают, что оно имеет два значения — узкое и широкое. В узком смысле оно обозначает взаимоотношения между различными уровнями государственной власти. В более широком смысле понятие «федерализм» заключается в сочетании «самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации» [9].

Аналогичную характеристику дает В. Остром: «сущность федерализма состоит в том, чтобы, опираясь на процесс заключения совместного договора — соглашения и объединения людей, установить взаимоотношения самоуправляющегося общества» [10].

В идеале федерализм направлен на общественное развитие, удовлетворение интересов населения государственными (публичными) институтами, объединение общества для совместного достижения общих целей. Федерализм, таким образом, возникает и развивается потому, что политические, социальные институты и отношения наилучшим образом устанавливаются посредством договоров и соглашений во имя свободы людей, создающих федерацию [11].

В исторической ретроспективе мы видим, что подобие федеративных, а точнее конфедеративных отношений существовали уже в античные времена (Афинский союз, Коринфский союз). Но классические буржуазные федералистские представления стали складываться только с появлением самого буржуазного общества и государства.

Одним из первых стал И. Альтузиус, который в конце XVI — начале XVII вв. рассматривал государство как некий союз нескольких политических образований, объединенных в силу наличия у них некоторого комплекса общих интересов. В те времена подтверждением этой теории могло служить лишь существование Швейцарской конфедерации, состоящей из трех кантонов — Ури, Швиц и Унтервальден.

Пуритане Новой Англии, основатели классического федеративного государства — Соединенных Штатов Америки, — были сторонниками конгрегационалистской идеи, отверженными федеральной теологией. Самоуправленческие начала их общин опирались на идеи раннехристианских братств, отраженные в Новом Завете. Исповедуя библейскую истину о равенстве всех людей перед Создателем, именно они несли идею свободы человека, личности, гражданского самоуправляющегося общества [12]. Они ввели в обиход термин «федерализм», о популярности которого может сказать тот факт, что основной труд о принципах республиканской формы правления отцов — основателей США Дж. Медисона, Дж. Джея и А. Гамильтона назывался «Федералист» [13].

В XIX веке появилось множество взглядов о сущности суверенитета государства в приложении к федеративному государству, в частности. Так Л. Дюги утверждал, что «нельзя создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства», если распределить суверенитет между самой федерацией и ее субъектами. Эту же идею развивали и Ж. Боден, Г. Еллинек, В. Уиллоуби, правда у них были и противники (М. Зейдель, Дж. Кельхун и другие), которые отстаивали идею, в соответствии с которой суверенитет принадлежит составным частям федерации и эти части обладают правом свободного выхода из нее [14].

С другой стороны, современная теория права видит в федеративном устройстве путь децентрализации управления и «трансформации территории», т.е. создания территориальных сообществ более высокого порядка, чем традиционно существующие, с более высокой степенью самостоятельности. Впрочем, споры между противниками и сторонниками федеративных отношений продолжались на протяжении всего XIX и XX вв.

Современная наука конституционного права рассматривает федерализм как принцип, режим и форму государственного устройства, позволяющие обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях [15].

В то же время в мировой науке справедливо отмечается, что федерализм как принцип государственного устройства вышел

далеко за рамки применения во внутрисоциальных отношениях. Федерализм используется как механизм улучшения отношений между социальными негосударственными структурами, преобразования мира и слияния государств и их территорий в гармоничное единое сообщество. В современных отечественных и зарубежных работах, анализирующих тенденции развития государственности в целом и федеративной государственности в частности, выделяются динамичность и гибкость государственной власти как важные составляющие достигнутого уровня развития общественной жизни. Таким образом, в обеспечении единства государственной власти с учетом его одновременного распределения по двум уровням государственности проявляется организующая роль федерализма, необходимая для достижения эффективности государственной власти [16].

На основании вышеизложенного федерализм можно определить как совокупность тех качеств, которые обозначают природу государства как федерации: устанавливают принципы, структуру, способы и формы образования и функционирования федеративного государства, обуславливающие типологическую характеристику модели федерализма; выявляют отличительные свойства системы разделения государственной власти по вертикали; характеризуют режим ответственности за ее осуществление.

Литература:

1. Алехин А. Е. Советский федерализм как конституционно-правовой феномен / А. Е. Алехин, И. А. Ромайкин // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2023. — № 3. — С. 8.
2. Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ. // Государство и право. — 1994. — № 8–9. — С. 154.
3. Муравель М. А. Институт губернаторства как основа федерализма / М. А. Муравель, А. С. Окунев, Е. А. Магомедова // Правовая реформа. — 2023. — № 1. — С. 20–25.
4. Любимцев Ю. Экономический федерализм. Российская модель // Этнополис. — 1995. — № 3. — С. 81–82.
5. Воронцов, О. Г. Налоговый (фискальный) федерализм: понятие и роль в построении налоговой системы / О. Г. Воронцов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3–2(53). — С. 46.
6. Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. — М.: Издательство НОРМА, 2001. — С. 24.
7. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. — М.: Дело, 2000. — С. 28.
8. Аринин А. Н. Российский федерализм и гражданское общество. М.: Издание Государственной Думы, 2000.
9. Элазар Д. Дж. Сравнительный федерализм. // Политические исследования. — 1995. — № 5. — С. 106.
10. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М.: Арена, 1993. — С. 75–76.
11. Элазар Д. Дж. Что такое федерализм? // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Вып. 3. Новосибирск: Экор, 1996. — С. 7–8.
12. Бусыгина И. М. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Вестник Пермского университета. Политология. — 2020. — Т. 14, № 3. — С. 6–19.
13. Гамильтон А., Медисон Дж., Джей Дж. Федералист. М., 1993.
14. Стрельников Г. А. Федеративные отношения: становление, развитие, тенденции. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 9.
15. Паненкова Н. Н. Конституционно-правовой статус субъектов РФ / Н. Н. Паненкова, Ю. Ю. Суворкина // Colloquium-Journal. — 2021. — № 2–3(89). — С. 40–42.
16. Горбунов А. К. Некоторые актуальные проблемы российского федерализма / А. К. Горбунов // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 18. — С. 110–116.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество как одно из условий действительности сделок с недвижимостью.

Панин Николай Юрьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Грицаева Наталья Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье автор исследует институт государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом и возможности защиты прав собственников по средствам этого института.

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимость, проведение сделок, Государственная регистрация, государственный реестр, регистрация, собственник, исковая давность, регистрация недвижимости, сделка, собственность

Государственная регистрация права собственности в Российской Федерации — подразумевает под собой внесение записей в Единый государственный реестр недвижимости сведений о правах на определенный объект.

В современном мире регистрация прав на недвижимость осуществляется для следующих целей:

- контроль государства в сфере недвижимого имущества, с целью своевременного получения налоговых отчислений;
- гарантии прав собственников недвижимого имущества.

При детальном рассмотрении целей регистрации недвижимости, может сложиться мнение о том, что регистрация носит в первую очередь фискальный характер и в большей мере служит для облегчения работы налоговой службы. Однако это не совсем верное утверждение, есть примеры, в которых налоговые органы не полагаются на регистрацию прав на недвижимое имущество в государственных реестрах, т.к. там отсутствуют такие регистрирующие органы, но налогообложение в свою очередь производится.

Рассматривая вторую цель регистрации, предполагаем, что регистрация права собственности государством создает некие легитимации лиц, которые являются собственниками каких-либо объектов недвижимости. Данная опция необходима для упрощения идентификации собственника объекта недвижимости, проверку на наличие обременений, залогов, арестов и прочего. При отсутствии государственной регистрации, лицам, которые хотят приобрести объект недвижимости, требуется проверить титул предполагаемого собственника объекта недвижимости, достоверность документов по которым объект становился собственностью последнего собственника, а также всю цепочку по предыдущим собственникам объекта, что в свою очередь усложняет проведение сделки. В подобных ситуациях, кажется рациональным не проводить столь глубокие проверки при положении на сроки исковой давности, но, если взять во внимание довольно непростые правила исчисления сроков исковой давности как субъективных и объективных и возможность их восстановления, решение не проводить такие проверки кажется невозможным.

В целом существование системы государственной регистрации недвижимости облегчает поиск и просмотр архивной информации о собственниках объекта недвижимости и правоустанавливающих документах всей цепочки сделок по конкретному объекту, а также установления личности собственника объекта и удостоверение что фактически он это он. В резуль-

тате это должно облегчать проведение сделок с недвижимым имуществом, минимизировать обращения для помощи юристов в проверках объектах недвижимости, обезопасить и ускорить проведение сделок. Стоит отметить, что на текущий момент в Российской Федерации доступ к получению такой информации третьими лицами из Росреестра закрыт, после принятия Федерального закона от 14.07.2022 № 266-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [1].

Учитывая мировой опыт создания реестров по регистрации недвижимого имущества, можно отметить, что данные реестры всецело создаются для удобства пользования третьими лицами при получении информации об объекте недвижимости и его собственниках. Ценность данных реестров заключается в быстром определении действительности права собственности на объект за конкретным собственником и минимизации рисков при проведении сделок с недвижимым имуществом.

В современном мире с быстро растущим институтом ипотечного кредитования риски по сделкам с недвижимостью несут не только покупатели, но и кредиторы, участвующие в сделке.

Самым распространенным риском является риск того, что контрагент, продающий объект недвижимости, не является его собственником. В случае если такая сделка состоялась, она будет признана ничтожной с применением односторонней реституции в пользу настоящего собственника объекта недвижимости. В данном случае покупатель теряет не только объект недвижимости, но и деньги, потраченные на его приобретение.

Другим примером является получение кредита под залог недвижимости лицом не являющимся его собственником. В последствии заемщик перестает платить по предоставленному займу, и кредитор начинает процесс взыскания заложенного имущества в качестве компенсации и сталкивается с тем что имущество не принадлежало заемщику на законных основаниях.

Также есть риски продажи недвижимого имущества с имеющимися ограничениями, притязаниями третьих лиц, а также в практике встречались случаи одновременной продажи одного объекта недвижимого имущества нескольким лицам одновременно.

Кроме легитимизации, следует отметить еще одну важную цель, преследуемую при регистрации недвижимости — компенсационную.

Смысл заключается в том, что все имущество должно иметь компенсационное покрытие убытков при проведении сделок с недвижимостью. Участники, положившиеся на данные полученные из государственного реестра в случае признания сделки недействительной, должны получить компенсацию по такой сделке. Т. е. регистрирующий орган несет ответственность за действия и ошибки, допущенные при регистрации объектов недвижимости.

В данном случае основанием существования права является публичность.

В действительности же возможность работы реестров по регистрации недвижимости в таком порядке возможна, например, при обязательстве проведения сделок нотариально, страховании титула сделки, а также при введении ответственности регистрирующего органа за виновные действия и отсутствие правовых проверок при регистрации.

В настоящее время государственная регистрация прав на недвижимость в Российской Федерации больше носит фискальный характер нежели защиту гражданских прав собственников.

На текущий момент в России складывается ситуация, в которой правовая система имеет множество оснований для признания сделок недействительными, на основании которых суды аннулируют сделки, что заставляет приобретателей перед совершением сделок максимально проверять всю цепочку собственников объекта недвижимости. Данная ситуация вызывает недоверие записям государственного реестра, т.к. он не может обеспечить публичную достоверность факта собственности объекта недвижимости. При выяснении недействительности основания права собственности, данное основание автоматически аннулируется [2, с. 25].

Функция государственного реестра в виде гарантий возмещения убытков потерпевшей стороне в Российской Федерации не используется, вместо нее используется принцип возложения

вины на регистратора, который в свою очередь практически недоказуем, при таком подходе все риски при проведении сделок лежат лишь на участниках сделки.

Возможным выходом из сложившейся ситуации и путем решения проблем недействительности сделок с недвижимостью может быть вариант развития европейского подхода к ее учету.

Для примера можно рассмотреть германскую модель ведения реестра регистрации недвижимого имущества. Данная модель базируется на создании прусским законодательством Титульной Системы «Grbudbuch system» [3, с. 351]. В 1963 г. законодательством Пруссии было предусмотрено что переход права собственности должен был быть зафиксирован в Поземельной книге, которая в свою очередь была общедоступна, т.е. все действия совершались по принципу «Публичной веры и гласности». Необходимо отметить, что данная модель строится по объективному признаку, для каждого объекта недвижимости создается индивидуальная поземельная книга, которая отражает всю информацию об объекте и его правообладателях за всю историю существования объекта [4, с.17].

В своих трудах И. А. Покровский, рассматривая задачи ведения Поземельных книг, отмечал, что главная задача: «представлять в каждый данный момент точное изображение юридического положения всякой недвижимости» [5, с.186].

В германской модели ведения реестра недвижимого имущества фиксируется принцип позитивного права, т.е. право собственности лица, которое зарегистрировано в реестре является бесспорным.

На текущий момент в законодательстве все еще присутствуют пробелы, которые не позволяют добросовестным приобретателям получать компенсации убытков от государства при проведении недействительных сделок, опираясь на данные Росреестра о собственниках и истории объектов недвижимости. Для решения данных проблем необходимо качественно повышать имеющуюся информацию зарегистрированную и хранящуюся в Росреестре и обеспечивать государственные гарантии при проведении сделок с недвижимым имуществом.

Литература:

1. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».
2. Бевзенко, Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения / Р. С. Бевзенко // Вестник гражданского права, 2011, № 5. С. 25.
3. Опыты цивилистического исследования. Вып. 2. / Под ред. А. М. Ширвиндта, Н. Б. Щербакова. 78 М.: Статут, 2018. С. 351.
4. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2: Введение и общая часть / Л. Эннекцерус, перевод с 13-го немецкого издания проф. И. Б. Новицкого, Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера; Под ред. Д. М. Генкина и проф. И. Б. Новицкого. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. С. 17.
5. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. 7-е изд., стереот. / И. А. 80 Покровский. М.: Статут, 2016. С. 186.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: теория и практика

Сариев Георгий Спартакович, студент

Научный руководитель: Королев Станислав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена рассмотрению процедуры изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. На основе имеющейся судебной практики и позиций высших судов, автором выделяются основные проблемы, возникающие при осуществлении такого изъятия.

Ключевые слова: земельное право, изъятие земельных участков, государственные и муниципальные нужды, Земельный кодекс.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд происходит в соответствии с целым рядом законодательных актов, к которым относятся Гражданский, Земельный и Градостроительный кодексы, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В них регламентирована процедура изъятия, включая оценку стоимости участка, предоставление компенсации его собственнику, а также предусмотрены механизмы обжалования решений об изъятии [1, с. 278].

Так, Земельным кодексом РФ установлено, что изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд допускается только в исключительных случаях по основаниям, которые, в частности, связаны с выполнением международных договоров РФ, строительством, реконструкцией объектов государственного и местного значения (систем электро-, газо- и теплоснабжения, автомобильных дорог и т.д.). [2] Данный перечень оснований является открытым и может быть дополнен. Так, например, были приняты Федеральные законы, регламентирующие процедуру изъятия участков для проведения форума АТЭС, Олимпийских игр в Сочи и Чемпионата мира по футболу.

Важно отметить, что изъятие земельных участков для муниципальных нужд может быть осуществлено при отсутствии других возможных вариантов строительства. Для исключения злоупотребления должностными лицами своими полномочиями предлагается ввести обязанность уполномоченных органов представлять доказательства невозможности размещения строительного объекта на другом земельном участке, а также подтверждение исключительной необходимости объекта строительства на изымаемом участке в интересах местного населения.

До начала процедуры изъятия органы государственной или муниципальной власти должны включить объекты, строительство (реконструкция) которых планируется на изымаемых земельных участках, в документы территориального планирования и проекты планировки территорий. После чего уполномоченными органами федеральной, региональной или местной власти принимается решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. В дальнейшем выявляются правообладатели земельных участков, подлежащих изъятию, в целях их уведомления о принятом решении.

Нормы гражданского законодательства подробно раскрывают порядок как добровольного (путем заключения соглашения об изъятии земельного участка), так и принудительного

(предусматривающего обращение в судебные органы) выкупа земельного участка для государственных или муниципальных нужд у собственника. [3, с. 23]

Несмотря на подробное регулирование данной процедуры, в правоприменительной практике зачастую возникают проблемы.

Одной из основных проблем является недостаточный уровень защищенности собственников земли: процедура изъятия проводится без должного учета интересов собственников, что может привести к нарушению их прав и незаконному изъятию земли. В частности, интересы правообладателя не учитываются при выплате компенсации за изъятую землю, поскольку компенсация не соответствует рыночной стоимости участка, а также стоимости имеющихся на участке объектов.

Например, властями г. Саратова в 2021 году было инициировано изъятие земельных участков для расширения дороги и обустройства сквера на ул. Большой Горной. В результате между администрацией и собственниками возникли разногласия относительно размера компенсации, который не соответствовал рыночной стоимости участков.

Интересы правообладателей не соблюдаются и в случаях нарушения установленной законом процедуры изъятия земельных участков для государственных (муниципальных) нужд. Мнение судов по данному вопросу единообразно: арбитражные суды, действуя в рамках позиции Верховного Суда РФ, признают право собственника участка на возмещение убытков.

Также существует проблема коррупции и злоупотребления в процессе изъятия земли. Нередко случаются случаи, когда земельные участки изымаются в интересах частных компаний или чиновников, что приводит к конфликтам и недовольству со стороны населения.

Первые громкие дела об изъятии земельных участков и их дальнейшем использовании не в рамках общественных нужд, связаны с проведением в 2014 году Олимпиады в Сочи, когда у граждан изымались участки под видом необходимости строительства олимпийских объектов, однако на их месте появились гостиницы и парки развлечений.

В рамках настоящей проблемы интересно рассмотрение дела о признании сделок недействительными. Судом установлено, что в 2021 году незаконно принадлежащие гражданину земельные участки были по соглашению изъятые для муниципальных нужд с выплатой ему компенсации. В другом эпизоде глава комитета приняла решение об изъятии у предприни-

мателя земельных участков общей стоимостью свыше 29 млн рублей, после чего предоставила взамен участки общей стоимостью более 90 млн рублей. Постановлением 12 Арбитражного апелляционного суда данные сделки были признаны недействительными. [4]

Довольно часто проблемы возникают при решении вопроса о значимости объекта, который планируется возводить. Например, в Нижегородский областной суд обратился гражданин с иском об оспаривании решения главы администрации об изъятии принадлежащего ему земельного участка для строительства линий водоснабжения. Удовлетворяя требования истца, суд отметил, что изъятие было произведено с нарушением действующего законодательства, так как осуществлялось в интересах коммерческой организации. [1, с. 279] Данное решение является прецедентным, поскольку чаще всего суды отказываются признавать незаконным изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Например, в Оренбургской области, собственники изъятых для государственных нужд земельных участков обратились в суд, указывая, что в противоречие действующему законодательству изъятие земельных участков осуществлено в интересах коммерческой фирмы и не носит исключительного характера. [5] Однако суды различных инстанций отказали истцам

в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на то, что коммерческой компанией осуществляется недропользование. Верховный суд РФ поддержал позиции нижестоящих судов.

В 2023 году властями г. Саратова активно проводятся мероприятия по изъятию земельных участков для строительства автомобильных дорог и расширения уже имеющихся. Так, в рамках реновации Привокзальной площади в г. Саратове мэрией города принято решение об изъятии 9 земельных участков. Мнение общественности и собственников разделились: одни поддерживают изъятие, другие — категорически против.

Важно отметить, что изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд должно осуществляться в рамках закона и с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Однако, несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование, вопрос изъятия земли остается одной из самых спорных и проблемных тем в России. Возникающие при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд проблемы связаны с недостаточной защитой прав собственников, коррупцией и злоупотреблением должностными лицами своими правами. Для решения этих проблем необходимо улучшение законодательства, более прозрачные процедуры изъятия и обязательное соблюдение интересов всех заинтересованных сторон.

Литература:

1. Корякова Е. А. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: проблемы правоприменительной практики // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 277–283.
2. Земельный кодекс Российской Федерации (с изм. на 4 августа 2023 года) (ред. от 1 октября 2023 года) № 136-ФЗ от 25 октября 2001 года // СЗ РФ. № 44. Ст. 4147, 4148.
3. Гаджиев К. Т. Защита конституционных прав человека и гражданина при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 22–24.
4. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 08 июня 2023 года по делу № А57–5583/2022 URL: <http://12aas.arbitr.ru> (дата обращения: 04.12.2023).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23.08.2018 № 47-КГ18–9 // Информационно-правовой портал Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71954572/> (дата обращения: 03.12.2023).

Цифровой рубль как новая форма национальной валюты Российской Федерации

Сариев Георгий Спартакович, студент

Научный руководитель: Жестков Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена рассмотрению новой формы национальной валюты Российской Федерации — цифровому рублю. Внедрение в национальную экономику цифровой валюты является одним из приоритетных направлений в развитии информационно-платежных технологий России.

Ключевые слова: цифровой рубль, деньги, электронные денежные средства, национальная платежная система, Российская Федерация.

Последние десятилетия человечество активно развивает цифровые технологии, внедряя их во все сферы своей жизнедеятельности. Данный факт поспособствовал появлению

цифровых финансовых институтов, что впоследствии потребовало их легализации и интеграции в национальную экономику. На внедрение и дальнейшее использование цифровой нацио-

нальной валюты оказывают влияние увеличение роли цифровых активов на мировом рынке, а также желание стран использовать новые финансовые инструменты в целях повышения эффективности функционирования национальной экономики [1, с. 29].

Цифровой рубль представляет собой цифровую форму национальной валюты России, которую Центральный Банк планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег. Банк России будет выступать эмитентом данной формы национальной валюты, а также будет обеспечивать стабильное обращение и функционирование.

Для денежной системы России появление цифрового рубля является новым этапом. Планируется, что цифровой рубль будет выступать альтернативной формой платежей, включающей в себя признаки наличных безналичных денежных средств. Общее с наличными деньгами будет заключаться в наличии уникального цифрового кода, как на банкнотах. Но ко всему этому у цифрового рубля будет отсутствовать физически осязаемая форма, как у безналичных денег. Инновационная форма национальной валюты, благодаря цифровым технологиям, будет находиться в обращении наравне с наличной и безналичной формами.

В докладе Центрального Банка РФ от 13.10.2020 прозвучало, что цифровую версию национальной валюты следует рассматривать как дополнительное средство для осуществления безопасных платежей [2]. Внедрение цифровой валюты не преследует цели сократить или заменить действующие сегодня денежные транзакции. Новый механизм осуществления денежных операций представляет собой следующее: на платформе Центробанка создается цифровой кошелек, куда затем с банковского счета перечисляются денежные средства, а оплата цифровым рублем будет происходить путем перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой.

По мнению отечественного правоведа Т. В. Дерюгиной, наличие цифрового кода позволяет идентифицировать цифровой рубль в качестве средства платежа и объекта гражданских прав, что в дальнейшем открывает возможности по заключению различных сделок [3, с. 8]. В отношении цифрового рубля будет применяться гражданско-правовой режим денег. В связи с тем, что данная форма национальной валюты существует не в виде вещи, а представляет собой обязательство Центрального Банка РФ, то к цифровому рублю будет также применяться обязательно-правовой режим.

Следует отметить, что рассмотрение цифрового рубля как разновидности безналичных денег не является верным. Это связано с тем, необходимым элементом осуществления безналичных транзакций является коммерческий банк, а в денежных расчетах с цифровым рублем коммерческий банк не выступает ключевым звеном.

Литература:

1. Григорьев, В. В. Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России / В. В. Григорьев // Экономика. Налоги. Право. — 2019. № 1. — С. 30–36
2. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 12.11.2023). — Загл. с экрана
3. Дерюгина, Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации / Т. В. Дерюгина // Цивилист. — 2022. — № 1. — С. 8–11

В научной среде бытует мнение, что по своей природе цифровой рубль является разновидностью криптовалюты [4, с. 36]. Сразу скажу, что такая позиция не является правильной. Приравнять цифровой рубль к криптовалюте неверно хотя бы потому, что обращение цифрового рубля будет легальным и подлежать полному контролю со стороны государства.

Внедрение цифрового рубля требует проведения серьезной технологической работы, а также работы по совершенствованию нормативно-правовой базы относительно регулирования национального рынка электронных денежных средств [3, с. 10]. Это необходимо для обеспечения прав и законных интересов участников гражданского оборота. Появление нового платежного инструмента порождает нужду в уравнивании цифрового рубля с уже существующими формами денег.

В августе 2023 года стартовал пилотный проект по осуществлению операций с реальными цифровыми рублями. К участию в проекте привлекли узкий круг клиентов 13 банков (АО «АЛЬФА-БАНК», АО «Банк ДОМ.РФ», Банк ВТБ (ПАО), ПАО «Совкомбанк» и др.)

На сегодняшний день Российская Федерация находится на стадии внедрения цифровой валюты в платежную систему страны. Для более точного понимания специфики цифровой национальной валюты следует обратиться к опыту зарубежных стран. Одним из мировых лидеров в этом вопросе является Китай. Так, во время зимних Олимпийских игр 2022 гости соревнований смогли на себе ощутить положительные стороны использования цифрового юаня. В Китае применяется двухуровневая система выпуска и распределения такой формы национальной валюты. Народный банк Китая отвечает за выпуск цифрового юаня, а остальные банки и учреждения финансового сектора распространяют его среди населения, выступая тем самым посредниками в данных операциях [5, с. 64].

Резюмируя все вышеизложенное, отмечу, что внедрение цифрового рубля в качестве новой формы национальной валюты Российской Федерации положит начало новому витку экономического развития нашей страны. Цифровой рубль уникален тем, что сочетает в себе признаки и свойства, как наличных денежных средств, так и безналичных и ко всему прочему обладает своими специфическими особенностями. Считаю неверным относить цифровую валюту к безналичным денежным средствам, а также к разного рода криптовалютам. Цифровой рубль является самостоятельным явлением. На мой взгляд, массовое внедрение цифрового рубля должно поспособствовать улучшению экономической ситуации в стране. Но, для достижения этого необходимо помимо технической стороны уделить большое внимание нормативно-правовой базе.

4. Карлявин, И. Ю. Конституционный статус Центрального банка Российской Федерации и его роль в эмиссии цифровой национальной валюты / И. Ю. Карлявин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. — 2021. — № 1. — С. 32–38.
5. Турбанов, А. В. Понятие денег в эпоху цифровизации / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 6. — С. 58–76.

Субъективные признаки состава убийства

Свешников Андрей Сергеевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Автор исследует проблем квалификации субъективных признаков простого состава убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ. По результатам работы рассмотрены особенности отграничения простого состава убийства от других видов, предложены решения современных проблем квалификации убийства.

Ключевые слова: убийство, состав преступления, квалификация преступления, субъективные признаки преступления, мотив.

Форма вины является основным показателем субъективной стороны состава преступления, которое классифицируется как убийство по части 1 статьи 105 УК РФ [1]. Согласно определению убийства, простое убийство не должно содержать никаких дополнительных признаков — оно может быть совершено только с прямым умыслом, без влияния других психических и морально-волевых факторов. Однако каждый конкретный случай можно отнести к определенной группе, основываясь на мотиве преступления. Особенности мотива также могут быть основанием для квалификации особых форм убийства, следовательно, ключевой признак субъективной стороны «простого» убийства нельзя охарактеризовать таким же простым образом, так как есть случаи, когда субъективная сторона имеет определенные квалифицирующие признаки. Однако, как ранее было замечено, каждый реальный эпизод возможно отнести к определённой однородной группе именно исходя из мотива совершения преступления, особенности мотива также являются основанием для квалификации некоторых особых составов убийства, а следовательно, ключевой признак субъективной стороны «простого» убийства невозможно охарактеризовать такой же простотой, поскольку случаев, когда субъективная сторона не имеет абсолютно никаких квалифицирующих признаков, на практике довольно мало ввиду особенностей человеческого фактора в преступлении.

В рамках анализа механизма преступного поведения, можно получить знания о психолого-криминологических аспектах, связанных с факультативными признаками субъективной стороны убийства. Этот аспект криминологической характеристики отражает психическую деятельность лица, которая прямо связана с совершением преступления. Научная литература указывает, что механизм преступного поведения представляет собой систему взаимосвязанных психических процессов, состояний и свойств личности, а также внешних условий, которые определяют это поведение [2].

Рассмотрев характеристики убийства, стоит отметить точку зрения Ю. М. Антоняна, в соответствии с которой психологический портрет убийцы характеризует его личность, как пра-

вило, ослабленным контролем импульсов. Категорию таких лиц составляют, как правило, люди с выраженной тревожностью и эмоциональной чувствительностью, у которых приоритетны собственные эмоции и интересы, и которые еще не осознали важность чужой жизни [3]. Щелкушкина Е. А. в своих работах также формирует вывод о том, что исследование психодинамической структуры убийцы выявило преобладание определённых психологических характеристик нарциссического характера, таких как «эгоцентризм», «чрезмерное самоуважение» и «агрессия» [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что у убийц отсутствуют общепринятые ценности и чувствительность к окружающим. Они имеют нестабильные социальные связи и склонны к конфликтам с другими людьми.

Отличительными чертами убийц являются эмоциональная нестабильность и высокая реактивность поведения, которое часто является реакцией на внешние раздражители. Это подтверждается приговорами [5] о преступлениях, предусмотренных статьёй 105 УК РФ, в которых содержатся выводы психиатрических экспертиз [6].

Квалифицированные убийства отличаются в своих эмоциональных, мотивационных и целевых аспектах, что также подтверждается подходом законодателя к их регулированию. Особый интерес вызывают убийства, которые содержат квалифицирующие признаки, связанные с мотивом и целью преступления. Уголовное законодательство предусматривает уголовную ответственность за убийство по мотиву кровной мести. В отношении этого типа преступлений именно негативные эмоции и желание играют решающую роль в формировании механизма преступного поведения. Этот вывод также подтверждают и другие авторы, например, М. И. Гешелин и И. А. Пиласов указывается, что внутренней мотивацией убийства в результате кровной мести является стремление соблазна традицию, проистекающую из желания «отомстить» за обиду [7]. При выборе жертвы корыстные преступники руководствуются двумя обстоятельствами — имущественная состоятельность; виктимный образ жизни жертвы [8]. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что для возникновения и осуще-

ствления эгоистических мотивов у убийцы необходимо появление внутренних целей, направленных на достижение некой материальной выгоды.

Таким образом, признаки субъективной стороны преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ, не смотря на свою роль в отграничении данного состава от смежных, являются фактором, формирующим, в какой-то степени, малопригодный в практике, уголовно-правовой буферный массив. Ключевым фактором, отграничивающий простое убийство и другие составы преступления, характеризующиеся объективным признаком причинения смерти другому лицу (в том числе и составы по ч. 2 ст. 105 УК РФ), является именно характеристика субъективной стороны деяния. В большинстве случаев, именно вопрос субъективной стороны преступления является определяющим. На наш взгляд, учитывая разнообразие особых составов убийства и их доминирующее положение над деяниями, подпадающими под понятие простого убийства, наиболее целесообразным считаем замену состава ч. 1 ст. 105 УК РФ на отдельный вид особого состава. То есть убийства, ввиду многообразия форм и мотивов совершения, в настоящее время всё меньше нуждаются в отдельной группе «неопределяемых» деяний, содержащихся в ч. 1 ст. 105 УК РФ. В таком случае, кажется логичным отказ от обобщённого толкования ч. 1 ст. 105 УК РФ и изменение данного состава на особый, по которому будут квалифицироваться деяния, выраженные причинением смерти другому лицу, совершенные с мотивом:

- убийство из ревности. Потерпевшим может быть один из супругов, действительный или мнимый соперник;
- убийство из мести, не формирующее состав п.п. «б» и «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- убийство в ссоре или драке, при отсутствии хулиганских побуждений.

При рассмотрении субъективных признаков квалификации простого состава убийства, также подтверждается целесообразность предполагаемого изменения действующего законодательства, связанного с упразднением ч. 1 ст. 105 УК РФ. На практике заметно, что субъективные признаки простого состава убийства, в целом, по образу практики объективных признаков, отражают общие правила квалификации преступлений, совершаемых в форме убийства. Следует также отметить, что такой субъективный признак, как мотив, является, по своей сути, единственным признаком, отграничивающим простой состав

убийства от большинства других составов, осложнённых дополнительными обстоятельствами. Как следует из открытых статистических данных, простое убийство является редким составом, относительно других видов умышленного причинения смерти, поскольку случаи, когда убийство не осложнено заранее подготовленным планом, предварительным сговором, участием группы лиц и так далее, являются довольно редким проявлением практики. Более того, учитывая тот факт, что пограничный статус простого состава убийства, который не позволяет окончательно упразднить его в рамках законодательства, поддерживается именно редкими признаками объективной стороны, сильнее доказывает некую рудиментарность простого состава убийства в действующем уголовном законодательстве.

Следует также отметить, что субъективные признаки простого состава убийства, при попытке отграничения их от иных преступлений, совершаемых в форме убийства, указывают на собственную теоретическую направленность. То есть квалификация преступления, совершаемого в форме убийства, по субъективным признакам представляет собой определённую теоретическую задачу, выполнение которой позволяет однозначно лишь определить расследуемое деяние в группу преступлений, совершаемых в форме умышленного причинения смерти другому лицу. Также нельзя не обратить внимание на тот факт, что именно в такой форме и представлены признаки, характеризующие объективные обстоятельства состава ч. 1 ст. 105 УК РФ, то есть общее определение признаков такого состава, как доктринальных, повторно указывает на возможность упразднения данного состава без вреда для действующей уголовно-правовой практики.

На основании этого, подтверждается целесообразность упразднения ч. 1 ст. 105 УК РФ как обобщающего состава ввиду утраты его практической значимости. Следуя структуре актуальной редакции действующего уголовного законодательства, будет целесообразным перенести понятие убийства либо в общую часть УК РФ с целью соблюдения структуры уголовного закона, либо вынести определение убийства в статью, которая описывает состав убийства, осложнённый определёнными условиями.

Не смотря на необходимость переработки всей структуры статьи 105 УК РФ для обеспечения предлагаемых изменений, такое действие всё же позволит лучше оптимизировать практику квалификации преступлений, совершаемых в форме убийства по объективным признакам.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. ст. 2954, Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.09.2022
2. Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ / А.Н. Пастушеня // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 28.
3. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов.— Москва: 2010.— С. 128.
4. Щелкушкина Е. А. Психодинамика личности осужденных за убийство: диссертация... кандидата псих. наук / Щелкушкина Е. А.— Рязань, 2011. С. 77.
5. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 23 декабря 2019 г. по делу № 1–988/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SEnCyjnObQVn>; — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9PktuVdQy1YN>

6. Приговор Новосибирского областного суда от 20 января 2020 г. по делу № 2–37/2019.— Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт].— URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m7uWhXqdG35x/>
7. Гешелин М. И. Мотив кровной мести в отечественном уголовном праве: некоторые вопросы юридического содержания и практической квалификации / М. И. Гешелин, И. А. Пилясов // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 75–83.
8. Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ: монография / И. Г. Тютюнник.— Москва: 2017.— С. 101.

Виды убийства в уголовном праве и их отграничение от простого состава убийства

Свешников Андрей Сергеевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Автором рассматривается общая концепция современной классификации преступлений, совершаемых в форме убийства. По результатам исследования рассматриваются общие современные проблемы квалификации убийства, как состава преступления. Предлагаются решения выявленных проблем квалификации.

Ключевые слова: убийство, простой состав убийства, состав преступления, виды убийства, квалифицированный состав.

Действующее отечественное уголовное законодательство содержит множество составов, напрямую, либо косвенно связанных с простым убийством, квалифицирующимся по ч. 1 ст. 105 УК РФ [1].

Совершение смерти по согласию потерпевшего не освобождает от уголовной ответственности. В случае данных ситуаций, действующее законодательство содержит точку зрения, при которой такое деяние квалифицируется убийством без каких-либо обстоятельств, которые могут усугубить или смягчить его характер.

К другим формам простого убийства можно отнести убийство, совершаемое из-за страха перед несуществующей опасностью, нарушение правил службы охраны, проведение эксперимента, безвозвратные убийства без явных мотивов, убийства, связанные с некрофилией, ритуальные убийства и криминальный каннибализм.

Согласно теории и практике, к преступлениям, за которые предусмотрена ответственность по части 1 статьи 105, относятся:

- убийство, вызванное ревностью, может быть совершено в отношении одного из супругов или в результате соперничества, реального или мнимого (не подтверждённого);
- убийство, совершенное в качестве мести (за исключением тех форм мести, которые влекут более строгое наказание согласно пунктам «б» и «л» части 2 статьи 105 УК РФ). Этот вид убийства характеризуется желанием отомстить за предшествующее поведение жертвы или ее близких;
- убийство, возникшее в результате конфликта или стычки (если нет явных признаков хулиганства).

В условиях прошлых вариаций отечественного уголовного закона, решение и признании человеческой эвтаназии некриминальным деянием, как и сейчас, не было принято. Сейчас в России эвтаназия запрещена и считается преступлением. данное деяние не было принято законодателем и, следовательно, в соответствии с действующим УК РФ оно рассматривается как простое убийство.

Кроме того, к другим категориям, подпадающим под пункт 1 статьи 105, относится также преднамеренное причинение смерти из-за страха, зависти, а также по мотивам, которые можно назвать темными.

В действующем уголовном законодательстве имеется тринадцать пунктов, которые регламентируют различные виды квалифицированного убийства в статье 105 УК РФ. За совершение этих преступлений предусмотрена одна и та же санкция [2].

В Пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 « О судебной практике по делам об убийстве» (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации) [3] позиция, выраженная в тексте, заключается в том, что согласно законодательству Российской Федерации, убийство двух или более лиц, совершенное вместе или в разное время, не рассматривается как несколько отдельных преступлений, а должно квалифицироваться по пункту «а» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса РФ. При этом, если у виновного есть основания, убийство может быть также квалифицировано по другим пунктам данной статьи, но только в случае, если он ранее не был осужден за ни одно из этих убийств.

В соответствии с первой частью статьи 105 Уголовного кодекса РФ, под понятием убийства понимается намеренное причинение смерти другому человеку. Согласно данному закону, действия лица квалифицируются как убийство в случае, если отсутствуют условия, указанные в статьях 106–108 Уголовного кодекса РФ, которые утяжеляют обстоятельства. Такое преступление обычно называется «простым» убийством.

Следует отметить, что разнообразие видов состава убийства указывает, в первую очередь, на вопрос о необходимости состава простого состава убийства. Количество тех составов убийства, которые утверждены прямо действующим законодательством в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Более того, перечень смежных составов преступления, ещё сильнее расширяет перечень деяний,

составной основой которых является умышленное причинение смерти другому лицу. Таким образом, считаем устаревшим концепцию понимания убийства, как простого и осложнённого, с учётом множества факторов, которые в большинстве случаев, обнаруживаются в ходе расследования. Так или иначе, подавляющее большинство видов убийства можно отнести к определённой группе составов, осложнённых дополнительными обстоятельствами произошедшего.

Современный формат категоризации преступлений, совершаемых в форме причинения смерти другому лицу, в целом, отражает возможность реализации подхода, при котором классическое разделение на особые составы и обобщающий простой может быть упразднено. Данный подход, как нам кажется, позволит адаптировать практику квалификации убийства с учётом актуального состояния законодательства, содержащего множество квалифицируемых видов и подвидов составов убийства. С точки зрения особенностей квалификации убийства, современное разделение на простой и сложный составы кажется перегруженным, осложнённым лишними деталями и аспектами. При квалификации, так или иначе, возникают сложности с определением принадлежности совершаемого убийства, создаётся ситуация некоего задания, определённого вызова, при котором лицо, осуществляющее следствие по уголовному делу, прилагает силы не для едино-

временно правильной квалификации преступления, а для выявления факта наличия, либо отсутствия обстоятельств, позволяющих вывести выявленный состав из категории простого убийства.

В действующем законодательстве простое убийство от квалифицированного отделяет именно факт отсутствия установленных законодателем квалифицирующих признаков. «Простота» убийства обозначает, что оно было совершено неким «спонтанным» образом, без особых признаков. Но, как следует из практики квалификации таких преступлений, в большинстве случаев, так или иначе, можно увидеть некую совокупность признаков субъективной стороны, которая потенциально могла бы составлять основу для квалифицированного состава преступления. Так или иначе, на практике всегда будут определяться особенности, отсылающие преступление к определённой группе, даже не квалифицируемой по действующему уголовному законодательству. Исходя из этого, считаем логичным поставить под сомнение целесообразность классификации убийства на «простое» и «квалифицированное», поскольку при детальном обзоре практики, возможностей установления именно простого убийства практически не остаётся и кажется целесообразным формирование более обобщённой квалификации убийств, без выделения «простого и всех остальных».

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. ст. 2954, Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.09.2022
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 №3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно — процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. №6. ст. 867,
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 №1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. №24.

К вопросу о возрасте уголовной ответственности

Свиридов Антон Евгеньевич, студент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье автор рассматривает вопрос изменения возраста уголовной ответственности с позиции мнений деятелей юридической науки, иностранного опыта и исторического регулирования в Российском государстве

Ключевые слова: снижение возраста, повышение возраста, подзаконный акт, исторический возраст.

На протяжении длительного времени в юридическом сообществе происходит активная дискуссия по поводу понижения возраста уголовной ответственности. Напомним, что согласно ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), возраст уголовной ответственности составляет 16 лет. Вторая часть перечисляет закрытый перечень

составов, в которых субъектом допускается лица, достигшее 14 лет [9].

Обратимся к статистическим данным. Насколько высоким является уровень подростковой преступности?

На официальном сайте МВД России опубликована краткая статистика «Состояния преступности в России за январь-де-

кабрь 2022 года». По данным выявленных лиц, совершивших преступления было поймано 26 тысяч несовершеннолетних, что составляет 10% от общего числа. Следовательно, каждый десятый преступник — несовершеннолетний [5].

Ссылаясь на приведенные статистические данные, становится очевидным, что вопрос изменения возраста уголовной ответственности не только имеет право на существования, но и актуален на современном этапе.

Необходимо рассмотреть проблему с разных точек зрения. Проработать механизм постепенных преобразований и выяснить, на что делать акцент в первую очередь.

Для решения обозначенного в водной части вопроса обратимся к представителям уголовно-правовой доктрине. Ученые-юристы поделились на три лагеря. Первые приводят доводы за понижение возраста уголовной ответственности. Вторые соответственно за его повышения. Третьи считают правильным оставить так, как есть на сегодняшний день. Рассмотрим позиции каждой из сторон.

Начнем со сторонников понижения возраста уголовной ответственности. Одним из аргументов является высокий уровень преступности среди несовершеннолетних. Краткие статистические данные по таким преступлениям были представлены в водной части. В научном сообществе считается, что уменьшение возраста уголовной ответственности поспособствует тому, что государство будет пресекать развития преступников на более ранних этапах. Такие действия, по мнению ученых-юристов, позитивно повлияют на реализации целей наказания, приведенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ [9].

Другим основанием выделяется быстрое развитие современных подростков. Практически любой школьник в состоянии быстро и доступно отыскать необходимую информацию, проанализировать и усвоить ее. Подобное посещение различных сайтов влияет на восприятие юным индивидом на то, что можно и нельзя совершать. Так, ученые выдвигают мнение, что за счет более быстрого развития подросток в состоянии осознавать правовые последствия своих действий в более раннем возрасте (12–13 лет) [3].

Позиция сторонников повышения возраста уголовной ответственности основывается также на психологическом развитии подростков. Юные правонарушители словно «губки» впитывают противоправное поведения из источников информации и окружения. В связи с отсутствием жизненного опыта и необходимого запаса знания они не в состоянии проанализировать ситуацию и прийти к здравому решению [3].

Казалось бы, что позиция схожа с приведенной выше. Только сторонники повышения возраста убеждены в том, что как окружающая среда способна направить подростка на преступный путь, так она же способна и его вернуть. Если вовремя предоставить умственно незрелому человеку общество, которое чтит закон и порядок, то оно способно вернуть подростка на путь чести и достоинства [6].

В случае, если описанная теория принесет прогрессивные последствия, то станет необходимым пересмотр списка составов преступлений, расположенных в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Дальнейшим развитием станет повышение минимального возраста уголовной ответственности с 14 до 16 лет.

Следует упомянуть и то, что понижение возраста уголовной ответственности приведет к увеличению количество несовершеннолетних преступников в государстве. Такой факт свидетельствует о приоритете уголовного наказания над мерами воспитательного воздействия. Результатом станет ухудшение правопорядочности всего населения.

Доводы представителей позиции того, что необходимо оставить так, как есть, основываются на том, что Российская Федерация на данный момент не готова к снижению, либо повышению возраста уголовной ответственности. Рассмотрим подробнее в каком смысле проявляется названная неготовность.

В Российской Федерации отсутствуют службы, специализирующиеся на работе с юными правонарушителями. Напомним, что речь идет о воспитательных мерах. Получается, что цель наказания в виде исправления осужденного, прописанная в УК РФ и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (Далее по тексту — УИК РФ), в реальности не исполняется [8].

Следующим стоит отметить возвращение осужденных подростков в социум. Подростку после отбывания наказания необходимо каким-либо образом зарабатывать на жизнь. Самым минимальным будут являть базовые потребности (еда, вода, жилье). Получается перед бывшим преступником стоит задача по поиску работы. Много ли работодателей примут с судимостью? Малая часть. При этом работа будет низкооплачиваемая и, как правило, физически трудная. Следствием, станут проблемы со здоровьем. Что же выберет подросток: тяжелую правопорядочную работу с низкой заработной платой или же быстрые физически не сложные заработки, но с нарушением закона? Тут же стоит вспомнить, что опыт у данного индивида уже имеется [1].

Выше затронута только потребность в трудоустройстве, но также может возникнуть желание в получении образовании и не только. К сожалению, действующая исправительная система не способна вернуть бывшего преступника в общество.

Как было упомянуто выше, при снижении возраста уголовной ответственности количество преступников возрастет. Следовательно, становится необходимым увеличение специализированных исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников. При этом более идеальным станет введение отдельных учреждений для лиц 12–14 летнего возраста. Основной целью таких учреждений должно быть воспитание в несовершеннолетних добросовестных и честных людей.

Однако создание и функционирование подобных учреждений необходимо финансировать. Поэтому встает вопрос о дополнительном финансовом обеспечении исправительной системы Российской Федерации.

Резюмируя позиции всех сторон видно, что каждая содержит доводы, имеющие право на существование. Однако у всех есть и недочеты. Очевидно, что движение возраста в любом направлении возможно путем решения подготовительных задач.

Выше были рассмотрены позиции представителей правовой доктрины по вопросу возраста уголовной ответственности. Следует также рассмотреть регулирование данного вопроса в других странах. Плодотворные решения смогут послужить основой для создания изменений в нашем законодательстве.

Хотелось бы сказать, что опыт других стран однозначен и аргументирован. Однако на практике разные страны показывают собственное регулирование возраста уголовной ответственности. В некоторых случаях возраст варьируется даже на территории одной страны (собственная норма в разных штатах США и Мексики) [4].

Ряд стран (Италия, Бельгия, Германия) долгое время устанавливал возраст уголовной ответственности по достижению восемнадцати лет. Общественное мнение привело к тому, что некоторые государства из списка снизили возраст привлечения к уголовной ответственности. В Германии после озвученных обстоятельств уголовная ответственность наступает по достижении четырнадцати лет [4].

Часть стран ввели термин «абсолютная уголовная ответственность». Под ним следует понимать установлением законодательством того, что лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, не могут быть к ней привлечены [4].

По такому принципу установлен возраст в Швейцарии. В наши дни ответственность наступает с 7 лет, но разрабатывается законопроект о поднятии до 10 лет. В Нидерландах наоборот, до 1994 года возраст уголовной ответственности равнялся 14 годам, а после снизился до 12 лет. В Испании рассматривают снижение возраста с 16 до 13 лет [4].

Выше было рассмотрено регулирование возраста уголовной ответственности в других странах. Стоит упомянуть Конвенцию о правах ребенка, одобренную Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году.

Согласно п. «а», ч. 3 ст. 40, государства-участники стремятся к «установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить законодательство». Следовательно, государства вправе самостоятельно устанавливать возраст уголовной ответственности. Опорой служит биологическое и психологическое развитие подростков [2].

Вопрос о возрасте уже был рассмотрен с позиции доктринального сообщества и ряда других стран. Для полноты проведем исторический анализ возраста уголовной ответственности в России. Временные рамки ограничим с Последнего периода до XIX века.

Именно после правления Петра I был установлен возраст малолетства. К лицам, не достигшим его, смертная казнь не применялась. Наказаниями выступали отсылка в монастырь, битье плетью или розгами. Назначались в зависимости от тяжести совершенного деяния. До 1744 г. возраст малолетства составлял 17 лет. После Указом Сената был снижен до 12 лет [7].

Указ Екатерины II от 1765 г. установил возраст совершеннолетия — 17 лет и возраст уголовной ответственности — 10 лет. Деяния, совершенные лицами младше установленного воз-

раста, не признавались преступлениями. Сами лица наказывались родителями или помещиком [7].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года «делило несовершеннолетних на четыре группы. Первая — полностью невменяемые (до 7 лет). Вторая — освобожденные от ответственности (7–10 лет). Лица передавались на исправления родителям или родственникам. Третья — условно вменяемые (10–14 лет). При совершении преступления к ним применяются наказания со смягчением. Не применяются телесные наказания. Исправление происходит в специальных учреждениях при тюрьмах, в домашних условиях или в монастырях. Четвертая — несовершеннолетние, подлежащие смягченному наказанию и исправлению (15 лет — 21 год)». В отличие от предыдущей группы, наказания назначаются и при неосторожности [7].

Дальнейший период продолжил развитие исправительно-воспитательных мер в отношении несовершеннолетних нарушителей закона. Произошла отмена смертной казни, ссылки, каторги и других видов наказаний для подростков.

По Уголовному Уложению 1903 года за неосторожные деяния лиц 14–17 летнего возраста назначался родительский надзор. Преступные деяния пени заменялись внушением суда [7].

Так в истории России прослеживается тенденция на повышение возраста уголовной ответственности. Исправительно-воспитательные виды наказаний приходили на смену карательным. При этом исполняли наказания родители или, в случае их отсутствия, опекуны.

Резюмируя все вышеизложенное, подведем общие выводы. В юридической доктрине мнение об изменении возраста уголовной ответственности делится на три стороны. Первая — понижаем. Вторая — повышаем. Третья — оставляем как есть. Каждая приводит доводы своей позиции. Однако все согласны с тем, что резкого изменения быть не может. Исправительная система Российской Федерации на сегодняшний день не в состоянии осуществить подобную реформу. Поэтому первоочередной задачей стоит преобразования именно в исправительной системе.

С точки зрения опыта других стран, Российская Федерация придерживается золотой середины. Правильно это или же наоборот? Наш ответ, что больше правильно. Таким образом, Россия не проявляет карательные меры по отношению к совсем юным преступникам. В тоже время не снимает ответственности с лиц, почти достигших совершеннолетия.

С исторической стороны наблюдалось плавное смягчение исправительных мер по отношению к несовершеннолетним. Считаем, что данная политика продолжается и до настоящего времени. Перед государством стоит задача не наказать подростка, а перевоспитать его в законопослушного гражданина.

Литература:

1. Затираева, Д. В. Возможность снижения возраста уголовной ответственности в Российской Федерации / Д. В. Затираева // Работы членов студенческого научного общества СЮИ ФСИН России. Сб. статей. Федеральная служба исполнения наказаний; Самарский юридический институт. — Самара: Изд-во Самарского юридического института ФСИН России. — 2021. — С. 72–76.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. — 1993. — выпуск XLVI.

3. Маркова, Н. С. К вопросу о снижении возраста уголовной ответственности / Н. С. Маркова // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. — 2021. — № 3. — С. 54–58.
4. Серегина, Е. В. О возрасте наступления и дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних в зарубежных странах / Е. В. Серегина, С. И. Улезько, Е. А. Кочергина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 7 (134). — С. 94–99.
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г.: стат. сб. // официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.рф>. (дата обращения: 11.12.2023).
6. Срабионян, С. Б. Актуальные вопросы повышения возраста уголовной ответственности / С. Б. Срабионян // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. статей XXI Международной научно-практической конференции. — Пенза: Наука и Просвещение (И. П. Туляев Г. Ю.), 2019. — С. 78–80.
7. Тетерина, С. В. Установление возраста уголовной ответственности и наказаний несовершеннолетних в дореволюционном уголовном праве России / С. В. Тетерина // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 75–3. — С. 107–110.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ: [Принят Государственной Думой 18 декабря 1996 года; Одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 года] (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Элементы правового статуса эксперта в российском уголовном судопроизводстве

Сокольникова Алёна Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лукошкина Светлана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье изучены вопросы правового положения эксперта как участника уголовного судопроизводства. Исследованы различные точки зрения на содержание правового статуса. Автором сделан вывод, что правовой статус эксперта состоит из таких элементов как права, обязанности, ответственность и гарантии деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специальные знания, эксперт, правовой статус эксперта.

Elements of the legal status of an expert in Russian criminal proceedings

Sokolnikova Alyona Vladimirovna, student master's degree

Scientific advisor: Lukoshkina Svetlana Valeryevna, candidate of law sciences, associate professor
Baikal State University (Irkutsk)

The article examines the issues of the legal status of an expert as a participant in criminal proceedings. Various points of view on the content of the legal status are investigated. The author concludes that the legal status of an expert consists of such elements as rights, duties, responsibilities and guarantees of activity.

Keywords: criminal proceedings, special knowledge, expert, legal status of an expert.

Современное уголовное судопроизводство сложно представить без использования достижений естественных, технических, экономических и других наук, которые принято называть специальными знаниями. В настоящее время практически нельзя встретить уголовного дела, при расследовании которого в той или иной форме не использовались бы специальные знания. Невозможно требовать, чтобы такими знаниями обладали лица, в компетенцию которых входит производство предварительного расследования, в связи с чем, законодатель предусматривает возможность участия в уголовном судопроизводстве эксперта и специалиста как участников дела, обладающих специальными знаниями [1, с. 53].

Эксперт является основным носителем специальных знаний, применяемых в области уголовного судопроизводства, в связи с чем, его роль как участника уголовного дела, содействующего правосудию, сложно переоценить.

Проблема процессуального статуса эксперта в уголовно-процессуальной доктрине занимает особую роль. В данной проблеме изучается два вопроса непосредственно вопрос о процессуальном положении эксперта среди других участников уголовного процесса, обоснование его самостоятельности как субъекта уголовного процесса; а также вопрос о правах и обязанностях эксперта при проведении исследования.

Эксперт в соответствии с прямым указанием ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — УПК РФ), является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, процессуальный статус которого определяется нормами уголовно-процессуального законодательства, а также нормами специального Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] (далее — ФЗ «О государственной экспертной деятельности»). УПК РФ прямо указывает, что эксперт должен обладать специальными знаниями в определённой области науки, искусства, ремесел. При этом, область знаний может быть любой, исключение делается только в отношении вопросов права, так как в данной области лицами, обладающими специальными знаниями является прокурор, следователь, дознаватель и суд.

В отличие от сторон уголовного судопроизводства, эксперт является незаинтересованным лицом, не имеющим процессуального интереса в исходе уголовного дела. Его мнение, точка зрения, имеют научное обоснование, подтвержденное выбранной методологией исследования, имеет объективный характер и не должна учитывать интересы сторон. В ином случае, под сомнение ставится не только факт его независимости, но и результаты исследования.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующем участие эксперта в уголовном судопроизводстве является УПК РФ, который содержит правовые основания привлечения в процесс данного участника уголовного судопроизводства с определённой целью — дачи заключения, участия в следственных действиях в виде специалиста, а также дачи показаний по ранее данному заключению в предусмотренных законом случаях.

Экспертом может быть исключительно физическое лицо, так как эксперт персонально несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения. Персональная ответственность эксперта выражена так же в том, что он обязан дать объективное, полное, достоверное, основанное на достижениях науки заключение. Основной обязанностью эксперта, связанной с выполнением своего процессуального назначения, является явка по вызову органов предварительного расследования и в суд, дача заключения по поставленным перед ним вопросам в пределах специальных знаний и полномочий эксперта. При этом, не имеет значение, является ли эксперт сотрудником экспертного учреждения [4, с. 157].

Несмотря на значимость данной категории, в науке до настоящего времени отсутствует единая точка зрения относительно структуры и содержания правового статуса эксперта.

В. К. Толоконников полагает, что основными элементами правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве являются его права и обязанности, а также ответственность и независимость эксперта [5, с. 67]. Частично соглашаясь с данной точкой зрения, считаем необходимым отметить что независимость является принципом уголовного судопроизводства, при этом, он рас-

пространяется не только на эксперта, но и на иных участников уголовного дела, выполняющих различные уголовно-процессуальные функции, так как они также являются самостоятельными участниками уголовного дела. Самостоятельность их правового статуса обусловлена возложенными на них полномочиями и необходимостью исключения влияния на них других лиц.

И. В. Глазунова, определяя содержание правового статуса эксперта, говорит о том, что элементами его структуры является обеспечение прав и выполнение обязанностей, ответственность, а также такой компонент как обеспечение его защиты со стороны государства [6, с. 214]. Определённые сомнения данная точка зрения вызывает в том, что в качестве структурного элемента автор называет не сами права и обязанности, а их обеспечение и выполнение. Кроме того, мы придерживаемся точки зрения о том, что защита и охрана какого-либо субъекта уголовного судопроизводства в большей степени относится к такому более крупному элементу правового статуса, как гарантии деятельности, в связи с чем, полагаем, что нет смысла его выделять в качестве самостоятельного элемента.

Существует и иная точка зрения. Например, Е. А. Семенов полагает, что в содержание правового статуса эксперта входит только его права и обязанности [7, с. 142].

Изучение различных точек зрения на содержание правового статуса эксперта привело к выводу о том, что его правовой статус состоит из следующих элементов: права, обязанности, ответственность и гарантии деятельности.

Права и обязанности являются сущностными признаками статуса эксперта как участника уголовного судопроизводства, содействующего правосудию, так как определяют основания и пределы его деятельности в уголовном процессе, допустимое и недопустимое поведение. Здесь еще следует указать на то, что права и обязанности являются частью правового статуса любого дееспособного или правоспособного лица, участвующего в правоотношениях.

Ответственность как элемент правового статуса эксперта предполагает негативную реакцию на неисполнение, ненадлежащее исполнение, либо иные нарушения экспертом возложенных на него обязанностей.

Гарантии деятельности эксперта включены нами в структуру его правового статуса ввиду того, что эксперт участвует в уголовном судопроизводстве с определённой целью — содействием правосудия путем применения специальных знаний. Учитывая публичный характер уголовно-процессуальной деятельности, основанной на определенных конституционных и отраслевых принципах, а также значимость деятельности эксперта, гарантии деятельности эксперта следует определить, как создание условий для дачи экспертом законного и обоснованного заключения.

Формулировка элементов правового статуса эксперта имеет важное значение для построения теоретической конструкции, понимания роли эксперта в уголовном судопроизводстве и границ его деятельности.

Литература:

1. Лукошкина с. В. К вопросу о понятии эксперта как участника уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 1 (19). — С. 52–60.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 29.06.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
4. Таова Л. Ю., Толгурова З. Х. Правовое регулирование статуса эксперта в уголовном процессе в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 156–159.
5. Толоконников В. К. Проблемные вопросы процессуального статуса судебного эксперта и руководителя экспертного учреждения // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2011. — № 2 (10). — С. 66–68.
6. Глазунова И. В. Использование института экспертной инициативы в административном процессе // Актуальные проблемы использования высокотехнологичных методов экспертных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А. В. Табакова. — СПб, 2019. — С. 213–222.
7. Семенов Е. А. К вопросу о правовой дефиниции специальных знаний в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. редактор Н. С. Диденко. — Ростов-на-Дону, 2021. — С. 140–143.

Противодействие антиобщественному поведению в современном российском обществе: административно-правовой аспект

Ступельман Леонтий Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сигарев Андрей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор исследует современное состояние системы противодействия антиобщественному поведению в Российской Федерации с позиции административно-правового регулирования, анализируются проблемы действующей системы административно-правового регулирования противодействия антиобщественному поведению, перспективы совершенствования методики противодействия антиобщественному поведению.

Ключевые слова: антиобщественное поведение, противоправная деятельность, противодействие антиобщественному поведению, административное право, административная ответственность.

Российское общество на протяжении, по меньшей мере, последнего года пребывает в крайне неоднозначном положении, которое было вызвано возникшим и продолжающимся по настоящий момент конфликтом с Украиной. Не подлежит сомнению тот факт, что любого рода конфликт, сопровождающийся масштабными военными действиями, не только наносит вред политическим и экономическим интересам государств, но и приводит к упадку моральных и этических ценностей отдельных граждан или групп лиц. Это, в свою очередь, ведет к упадку и правовых ценностей граждан, в том числе по отношению к государству с противоположными политическими интересами и, как следствие, его гражданам. Продолжающийся конфликт с Украиной стал крайне показательным примером того, как общество может разделиться во мнении относительно самой целесообразности такого конфликта, а также сопутствующих действий со стороны органов государственной власти, получивших и получающих неоднозначную реакцию со стороны российского общества.

Выше сказанное актуализирует вопросы ответственности за противоправное поведение, направленное против общественных ценностей, норм морали и общественного порядка, в общем виде именуемое «антиобщественным поведением». Анализируя различные источники, можно сделать вывод о том,

что в современных условиях стало проявляться ощутимо чаще. Особую важность в таком ключе обретает вопрос привлечения к ответственности за антиобщественно поведение, которая в соответствии с российским законодательством предусматривает как административную, так и уголовную ответственность, в зависимости от масштабов общественной опасности совершенного деяния. Само понятие «антиобщественное поведение» не закреплено законодательно, но система действующего законодательства Российской Федерации предусматривает ряд нормативных актов, в которых присутствуют схожие по содержанию понятия, при чем некоторые из них употребляются как синонимы. Некоторые понятия представлены не «классическими» определениями, а перечнем действий, которые признаются в качестве носящих антиобщественный характер, что критикуется различными современными исследователями. Так, Г. Х. Хадисов и Г. Н. Василенко, которые являются одними из критикующих подход законодателя исследователей, предлагают иной подход, согласно которому одну из форм антиобщественного поведения можно рассматривать «как идеологию (мировоззрение) определенного индивида или общности людей, составляющих обособленную социальную группу, базирующуюся на национальном, расовом, религиозном, социальном, политическом превосходстве, являющееся мотивом для совершения

противоправных действий и представляющее угрозу конституционным правам, свободам, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности государства» [3, с. 232].

Свою позицию авторы аргументируют тем, что подход законодателя в ряде случаев не позволяет эффективно разграничивать деяния различного противоправного характера и масштабов, из-за чего на практике возможно смешение объектов противоправного деяния и преступного посягательства.

С авторами стоит согласиться, аргументируя это следующим примером. Обозначенный ранее конфликт между Российской Федерацией и Украиной привел к увеличению количества случаев открытой демонстрации ненависти граждан разных государств по отношению друг к другу. И это не говоря о том, что граждане Российской Федерации активно выражают свою, в том числе, противоправную позицию по отношению к своему государству и деятельности отдельных органов государственной власти. Такая демонстрация нередко сопряжена с использованием атрибутики или символики, связанной с аналогичным отношением к власти и обществу на различных этапах развития российского государства. Само такое использование было связано с проявлением нетерпимости, отрицания или ненависти к отдельным общественным ценностям, в том числе ценностям других наций, народов и т.п., не говоря уже о политике органов государственной власти, игнорирующих важные общественные проблемы. Как в специальных федеральных законах, так и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, законодатель не дал подробного объяснения того, что из себя представляют в таком контексте символика и атрибутика, а также как определяется их антиобщественное содержание, сходство с уже определенными в качестве таковых символика и атрибутами и другие не менее важные правовые аспекты. Это, в свою очередь, ведет к неопределенностям в праве, в том числе практического характера.

Неопределенности в праве всегда ведут к тому, что одна и та же ситуация разрешается по-разному, а значит в одном случае гражданин может быть привлечен к ответственности за совершенное деяние, в другом, но при тех же условиях, к ответственности он не привлекается. Для самих граждан размер ответственности в контексте административно-правовых санкций за совершение деяний антиобщественной направленности незначителен: по ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях максимальный размер штрафа достигает лишь 2 500 рублей за пропаганду либо публичное демонстрацию нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики организаций антиобщественной направленности, либо иных атрибутики или символики, пропаганду либо публичное демонстрацию которых запрещены федеральными законами; в то время как за производство и распространение антиобщественных материалов по ст. 20.29

административный штраф достигает только 3 000 рублей [1]. Исключением по указанным статьям можно считать разве что конфискацию предмета совершения административного правонарушения, если говорить о значительных по своему размеру санкциях, которые закон позволяет применить в рамках административной ответственности.

Выделяется на фоне приведенных статей ст. 20.3.1, предусматривающая административный штраф до 20 000 рублей за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, которую по сегодняшний день нельзя назвать актуальной и востребованной. Однако, как пишет С.В. Соловьева, практика применения этой статьи (по состоянию на 2020 г.) была минимальной, а суды оперировали нормами уголовного, а не административного законодательства [2, с. 74].

Проблема заключается в том, что незначительный размер санкций (за исключением ст. 20.3.1) не позволяет устранить само явление антиобщественного поведения в рамках существующего геополитического конфликта, потому как последний является длящимся, а санкции — единовременными, за исключением административного ареста, и незначительными. Нельзя оспаривать тот факт, что конфликт рано или поздно прекратится, но при этом возможно и появление и новых поводов, на основе которых антиобщественное поведение может себя проявить. В связи с этим можно прийти к выводу о том, что органам государственной власти необходимо осуществить детальную и комплексную работу в нескольких направлениях. В первую очередь, следует массово провести комплекс превентивных и профилактических мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания и правовой культуры граждан с целью снижения риска влияния глобальных событий, имеющих национальный характер, на возникновение противоправного умысла. И не менее важным следует считать пересмотр механизмов ответственности и терминологического инструментария в отношении регулирования антиобщественного с позиции административных правонарушений и ответственности за такие нарушения. Например, конкретизировать понятийный аппарат, связанный с определением атрибутики и символики, критерии определения их противоправного содержания, увеличить размер штрафных санкций.

Все описанное позволяет говорить о том, что для противодействия антиобщественному поведению необходимо провести глобальную и детальную работу, требующую существенных затрат, в том числе временных. Однако без проведения такой работы нельзя будет говорить в перспективе о том, что административно-правовое регулирование функционирует эффективно, потому как в случае отсутствия каких-либо изменений можно будет говорить о стагнации, но не об адаптации или совершенствовании законодательства к реалиям общественной жизни.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ; принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.; одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г.: [ред. от 19 окт. 2023 г.] // Российская газета. — 2001. — № 256 (31 дек.).

2. Соловьева С. В. Механизм реализации административной ответственности за возбуждение ненависти или вражды // Право и практика. — 2020. — № 3. — С. 72–77.
3. Хадисов Г. Х., Василенко Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 6. — С. 231–234.

Актуальные проблемы антикоррупционной политики в органах местного самоуправления

Сыманович Елена Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Эвертовская Лариса Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Сегодняшний день требует от нашего государства, создание системы противодействия коррупции путем принятия комплексных мер в области профилактики, предупреждения и карательных мер к коррупционным проявлениям в органах муниципальной власти. По данному направлению в Российской Федерации проводятся масштабные мероприятия по внесению серьёзных изменений в систему муниципальной службы, в том числе, по разработке и внедрению программ антикоррупционной направленности. Но проблемные аспекты остаются, снижая управленческий потенциал органом местного самоуправления.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальная власть, коррупция, антикоррупционная политика, муниципальные служащие.

В современном научном мире коррупцию рассматривают в правовом, социальном и других аспектах. Но проблема коррупционных проявлений лежит не в современном развитии демократического государства, а в основе возникновения самого государства, что позволяет отметить важность исторического опыта противодействия этим проявлениям.

Коррупция дискредитирует власть, в лице муниципальных служащих, принимающих решения от имени государства. Функциональные обязанности воспринимаются, как товар, приносящий прибыль, что и составляет сущность коррупции.

Коррупция стала нормой для правящей политической и экономической элиты, что реально угрожает нормальному управлению и законному функционированию муниципального сектора управления. Такое положение дел снижает престиж муниципальной службы, подрывает доверие населения к органам муниципальной власти.

К сожалению, в Российском обществе не создана атмосфера непринятия коррупционных проявлений. Большинство граждан нашей страны коррупцию воспринимают как что-то повседневное и естественное. Такие отношения в обществе являются катализатором развития коррупционных проявлений среди сотрудников. Коррупционные проявления в органах местного самоуправления на современном этапе угрожают безопасности государства, общества и личности в отдельности.

Сегодняшний день требует от нашего государства создание системы противодействия коррупции путем принятия комплексных мер в области профилактики, предупреждения и карательных мер к коррупционным проявлениям.

Борьба с коррупционными проявлениями становится эффективнее тогда, когда достигается понимание общества пагубности этого явления, повышаются правовые знания и правовая культура. Эти меры необходимо рассчитывать на долгосрочную

перспективу эффективного результата противодействия коррупционным проявлениям.

Важно влияние общественного контроля, создание условий прозрачности власти, а также улучшение эффективности административно-правовых мер и ужесточение ответственности за правонарушения в этом направлении. Все эти меры возможны только в условиях проведения государством эффективной политики антикоррупционного направления.

В сложившихся условиях актуальность изучения проблемы коррупции в системе государственного управления обусловлена целым рядом обстоятельств:

- во-первых, важностью эффективной работы государства в области противодействия коррупции на территории страны, как основополагающего элемента благополучия граждан;
- во-вторых, необходимостью систематизации и углубления знаний о специфике реализации антикоррупционной политики в органах муниципальной власти;
- в-третьих, необходимостью поиска новых эффективных механизмов борьбы с коррупцией в системе муниципального управления, в условиях борьбы с нестабильности и риска.

По мнению Н. В. Сараева «Коррупция — это разлом морального сознания должностных лиц, которое выражено в незаконном взяточничестве и обогащении, по отношению к государственной казне» [1, с. 295].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что коррупция — это девиантное поведение того или иного субъекта, при котором он пользуется своим положением или занимаемой должностью, для реализации какой-либо корыстной задачи или же цели другого субъекта, при этом правонарушитель извлекает выгоду от совершенных действий.

Проблема заключается не в размерах должностных злоупотреблений, а в размерах этого бедствия. Борьба с укоренив-

шимся во многих структурах мздоимство и должностными преступлениями, которым всегда уделялось серьезное внимание со стороны правоохранительных органов, выходит сегодня на первый план.

Вопросами управления коррупционными правонарушениями в системе муниципальной службы могут заниматься различные субъекты — непосредственно сами служащие, их руководители, специальные участники, играющие роль конфликтологов, и даже законодатель, посредством принятия различных правовых актов, улучшающих условия деятельности служащих.

По мнению Охотского Е. В. немаловажную роль в борьбе с проявлениями признаков коррупции играет и кадровый резерв. «В формировании кадрового резерва в обязательном порядке должны участвовать институты гражданского общества — политические партии, общественные палаты, неправительственные организации, профессиональные и творческие союзы, объединения промышленников и предпринимателей, СМИ» [2, с. 34].

На сегодняшний момент в Российской Федерации проводятся масштабные мероприятия по внесению серьезных изменений в систему муниципальной службы, в том числе, по разработке и внедрению программ антикоррупционной направленности.

При этом антикоррупционная политика в органах муниципальной власти, предполагает наличие трех основных направлений, выделяемых по характеру деятельности:

1) профилактики коррупции, которая представляет из себя предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции;

2) борьбы с коррупцией, выраженной в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений;

3) минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Указанные направления определены в статье 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и выражаются в самых разнообразных формах и методах воздействия, многие из которых отражены в данном

законе (ст.ст. 6,7,7.1 и т.д.). Некоторые меры закреплены в других нормативных и правовых актах.

Например, в Методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции содержится таблица с примерным перечнем антикоррупционных мероприятий, сгруппированных в рамках шести направлений:

- нормативного обеспечения;
- реализации специальных процедур (например, защиты сотрудников, сообщивших о коррупционном нарушении);
- антикоррупционного образования;
- обеспечения внутреннего контроля и аудита;
- привлечения экспертов;
- оценки эффективности антикоррупционных мероприятий [3].

Реализация данных мер осуществляется в рамках программных документов, разрабатываемых в соответствии с деятельностью по планированию противодействия коррупции в органах муниципальной власти. При этом данные документы: планы и программы противодействия коррупции фактически содержат описание сущности антикоррупционной политики, включая в свою структуру указание на субъекты противодействия и содержание противодействия.

Таким образом, для реализации механизма противодействия коррупции в органах местного самоуправления власти необходимо работать во всех направлениях — на законодательном уровне, в информационном, культурном, социально-правовом, организационно-управленческом направлении. Муниципальный уровень противодействия коррупции требует планомерного и целенаправленного повышения культурного и этического уровня служащих, полноценного правового просвещения граждан, регулярного проведения мероприятий, направленных на улучшение взаимоотношений между населением и органами власти. Искоренять коррупцию следует сразу на всех уровнях взаимодействия, поскольку, в противном случае, никакие законодательные изменения на уровне федерального законодательства не помогут улучшить ситуацию.

Литература:

1. Сараев Н. В. О некоторых вопросах применения законодательства России о противодействии коррупции / Н. В. Сараев // Административное и муниципальное право. — 2017. — № 1 (095). — С. 295.
2. Охотский Е. В. Борьба с коррупцией — важнейшая составляющая кадровой политики демократического правового государства / Е. В. Охотский // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 2. — С. 34.
3. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции: Подготовлены Минтрудом России 12.11.2013 г. // СПС «КонсультантПлюс». — Документ опубликован не был.

Некоторые вопросы принудительного взыскания задолженности при прекращении производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в отношении должника-физического лица в связи с невозможностью утверждения кандидатуры финансового управляющего

Теплоухова Влада Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с осуществлением кредиторами мер принудительного взыскания после прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве), возбужденному в отношении должника-гражданина, в связи с невозможностью утверждения судом кандидатуры финансового управляющего. Автор приходит к выводу о необходимости включения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» положений, регулирующих порядок выдачи судом исполнительного документа на сумму непогашенных требований, включенных в реестр кредиторов должника, в целях принятия кредитором мер принудительного взыскания после прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) физического лица.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), потребительское банкротство, прекращение производства по делу, финансовый управляющий, принудительное взыскание, исполнительный лист.

Согласно данным, размещенным в Едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, за период существования процедуры потребительского банкротства, т.е. за период с октября 2015 г. по декабрь 2022 г., несостоятельными стали 753 250 граждан Российской Федерации [18].

При этом в 2021 г. несостоятельными (банкротами) были признаны 192 833 человек. По сравнению с показателями 2021 г. число граждан, признанных в установленном законом порядке несостоятельными в 2022 г., увеличилось до 278 137 человек [18].

Таким образом, количество граждан, признанных в установленном законом порядке несостоятельными по итогам 2022 г. в сравнении с показателями 2021 г. увеличилось на 85 304 человек, что свидетельствует о растущем спросе населения на потребительское банкротство по причине существенного уровня закредитованности граждан, невозможности надлежащего исполнения гражданами растущего числа денежных обязательств [9].

Несмотря на значительную востребованность процедур потребительского банкротства среди населения нередко осуществление процедуры несостоятельности сопряжено с рядом трудностей, наличие которых препятствует достижению социального эффекта, заложенного законодателем в указанный правовой институт.

Так, зачастую на практике участники дела о банкротстве сталкиваются с прекращением производства по делу о несостоятельности (банкротстве), возбужденного в отношении должника-гражданина, ввиду отсутствия кандидатуры арбитражного управляющего, изъявившего желание быть утвержденным в качестве финансового управляющего должника.

В соответствии с п. 1 ст. 213.9 Федерального закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2023) (далее по тексту — Закон о банкротстве) [3] участие финансо-

вого управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным.

Согласно п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов.

На основании п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве арбитражным судом в качестве финансовых управляющих не могут быть утверждены в деле о банкротстве арбитражные управляющие, которые являются заинтересованными лицами по отношению к должнику, кредиторам.

Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2021 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого пункта 6 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П. Л. Чепкасова» федеральный законодатель, учитывая различные, зачастую диаметрально противоположные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства [4].

Достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий, решения которого являются обязательными и влекут правовые последствия для широкого круга лиц и который наделен полномочиями, носящими в значительной степени публично-правовой характер: он обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние должника и т.д., действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества [12].

Приведенная правовая позиция, безусловно, в равной мере относится и к институту финансового управляющего, т.е. арбитражного управляющего, утвержденного арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина (ст. 2 Закона о банкротстве).

Из разъяснений, данных в пункте 56 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от

22.06.2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», следует, что при осуществлении предусмотренных Законом о банкротстве функций по утверждению и отстранению арбитражных управляющих суд должен исходить из таких общих задач судопроизводства в арбитражных судах, как защита нарушенных прав и законных интересов участников судебного разбирательства и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (статья 5 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) [2]) [5].

В целях недопущения злоупотребления правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]) при рассмотрении дела о банкротстве суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения (Аналогичная правовая позиция нашла подтверждение в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.08.2020 г. № 308-ЭС20-2721).

К независимости арбитражного управляющего, утверждаемого судом для проведения процедур банкротства в отношении должника, должны применяться высокие требования, исключающие любые сомнения в беспристрастности кандидатуры управляющего, поскольку он является гарантом соблюдения баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве [15].

Так, арбитражный управляющий обязан исключать любого рода конфликты интересов в своей деятельности, не должен ставить под сомнение законность и обоснованность своих действий [17]. При решении вопроса об утверждении кандидатуры арбитражного управляющего (о возможности дальнейшего осуществления им полномочий) следует исключить ситуацию, позволяющую удовлетворять интересы лишь конкретных субъектов [16].

Применение к кандидатуре финансового управляющего столь значительных требований обусловлено, прежде всего, тем, что к числу возложенных на арбитражного управляющего задач относятся грамотное управление денежными средствами должника, реализация имущества должника, контроль за исполнением им всех обязательств и ряд других действий, определенных Законом о банкротстве, направленных на погашение обязательств, сформировавшихся перед кредиторами должника [10].

В то же время, широкому объему полномочий и обязанностей финансового управляющего, установленных положениями статьи 213.9 Закона о банкротстве, опосредует значительный уровень ответственности, предусмотренный положениями ч. 3 и ч. 3.1. ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, при относительно невысоком уровне вознаграждения финансового управляющего, представленного суммой фиксированного вознаграждения в размере 25 000 рублей и суммой процент-

ного вознаграждения арбитражного управляющего (пункт 3 и пункт 3.1. статьи 20.6 Закона о банкротстве).

Таким образом, как указывает Куянова Н.В., соотношение доходов, расходов и рисков является неравнозначным, что, в свою очередь, ведет к тому, что зачастую кандидатура финансового управляющего по делу о несостоятельности (банкротстве) физического лица не может быть утверждена судом в силу непредставления саморегулируемой организацией арбитражных управляющих кандидатуры арбитражного управляющего, изъявившего желание быть утвержденным в качестве финансового управляющего [10].

Несмотря на то, что срок, предусмотренный пунктом 9 статьи 45 Закона о банкротстве для поиска кандидатуры арбитражного управляющего, носит организационный характер [6], тем не менее, непредставление в материалы дела на протяжении периода свыше трех месяцев кандидатуры арбитражного управляющего может повлечь прекращение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника-гражданина.

Так, в пункте 9 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) приведены разъяснения, согласно которым, если дело о банкротстве гражданина возбуждено по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа, но кандидатура финансового управляющего не представлена, а должник не настаивает на продолжении дела о его банкротстве, то арбитражный суд прекращает производство по делу (абзац 9 пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве) [8].

В силу положений статей 56, 57 Закона о банкротстве прекращение производства по делу влечет прекращение действия всех ограничений, предусмотренных законом, но не влечет освобождение от исполнения обязательств перед кредиторами.

Таким образом, в случае прекращения производства по делу о банкротстве по иным основаниям, не связанным с заключением должником мирового соглашения, восстановлением платежеспособности либо погашением всех требований кредиторов, должник продолжает оставаться субъектом гражданских правоотношений и несет обязанность по исполнению своих обязательств перед кредиторами, в том числе в части возмещения судебных расходов [12].

Так, в определении Арбитражного суда Республики Башкортостан от 16.03.2022 г. по делу № А07-37249/2017 нашла отражение следующая правовая позиция: «... по окончании процедуры банкротства в результате прекращения производства по делу о банкротстве, взыскание с должника задолженности, не погашенной в ходе процедуры банкротства, может быть возобновлено, кредиторы вправе реализовать свое право на исполнение судебного акта по исполнительному листу, обратившись в службу судебных приставов» [13].

Как следует из пункта 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019 (далее по тексту — Обзор судебной практики), поскольку процедура реализации имущества гражданина, признанного банкротом, не погашает все оставшиеся удовлетво-

ренными требования кредиторов, в частности, требования при возникновении и исполнении которых должник действовал недобросовестно, кредиторы по оставшимся непогашенными требованиям, не подпадающим под положения пунктов 5 и 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве, вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче по ним исполнительных листов [7].

Однако приведенные в Обзоре судебной практики разъяснения имеют отношение к завершению процедуры реализации имущества гражданина без применения к последнему правил об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами.

Таким образом, положениями Закона о банкротстве не урегулирован порядок осуществления кредиторами процедуры принудительного взыскания задолженности с должника при прекращении судом в отношении него производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в случае невозможности утверждения кандидатуры финансового управляющего в контексте возможности получения кредитором исполнительного документа для его последующего предъявления в службу судебных приставов.

К аналогичному выводу приходит Любимова Е. В., указывая на то, что получение исполнительного листа на определение о включении в реестр требований кредиторов не предусмотрено Законом о банкротстве [11].

Как указано в пункте 21 Обзора судебной практики, по своей правовой природе судебные акты о включении требований в реестр обладают сходством с принимаемыми в рамках общеискового производства судебными актами о взыскании долга. При разрешении в рамках дела о банкротстве вопроса об обоснованности денежного требования кредитора суд исследует обстоятельства (факты), на которых кредитор основывает свое материально-правовое требование к должнику по связывающему их обязательству, определяя денежную сумму, подлежащую выплате кредитору.

Следовательно, в случае последующего прекращения производства по делу о несостоятельности должника и предъявления кредитором иска о взыскании с последнего той же задолженности, которая ранее уже была установлена арбитражным судом, спорящие стороны, предмет и основание второго иска совпадут с теми элементами, что были отражены кредитором

в первом заявлении об установлении его требования, что повлечет тождество иска и заявления в силу п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Вместе с тем, реализация кредитором мер принудительного взыскания задолженности путем выдачи исполнительного листа в порядке части 1 статьи 319 АПК РФ на основании судебного определения о включении требования кредитора в реестр позволит обеспечить возможность исполнения судебного акта, при этом не допустив повторения процесса (п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ).

Таким образом, в отсутствие прямого законодательного регулирования порядка выдачи исполнительного листа на основании определения о включении задолженности в реестр, в целях соблюдения законных прав и интересов кредиторов должника, полагаем, что содержание статьи 213.28 Закона о банкротстве подлежит дополнению положениями, согласно которым в случае прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в отношении должника-гражданина в связи с невозможностью утверждения судом кандидатуры финансового управляющего для цели последующего осуществления мер принудительного взыскания кредитор вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа в отношении требований, включенных в реестр требований кредиторов, от исполнения обязательств по которым должник не освобожден.

Результатом рассмотрения заявления кредиторов будет являться определение суда, в резолютивной части которого будет содержаться указание на возложение на должника обязанности передать кредитору (взыскателю) денежные средства в сумме, ранее включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи исполнительного листа в ходе процедур банкротства, а также исполнительный лист, который может быть предъявлен кредитором в целях реализации механизма принудительного взыскания задолженности.

Включение указанной нормы в действующее законодательство позволит устранить неопределенность порядка осуществления кредитором мер принудительного взыскания в случае прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника-гражданина в случае невозможности утверждения судом кандидатуры финансового управляющего.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Российская газета. — 1994. — № 238–239.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Российская газета. — 2002. — № 137.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого пункта 6 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П. Л. Чепкасова» // Российская газета. 2021. № 166.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
8. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023).— Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/ (дата обращения: 24.12.2023).
9. Богатырева, С. Н. Банкротство физического лица как способ погашения просроченной задолженности по потребительскому кредиту / С. Н. Богатырева.— Текст: непосредственный // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования.— 2014.— №№ 4.— С. 78–89.
10. Куянова, Н. В. Проблема невозможности назначить арбитражного управляющего в деле о банкротстве граждан / Н. В. Куянова.— Текст: непосредственный // Журнал «Евразийский научный журнал».— 2016.— № .— С. 134–137.
11. Любимова Е. В. Темпоральные принципы действия судебных прецедентов, правовых позиций судов, иных актов официального толкования // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 216–231.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2018 г. № 1117-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капляяна Виктора Степановича на нарушение его конституционных прав абзацем третьим пункта 4.2 статьи 132 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс».
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2022 г. № 310-ЭС22–883 по делу № А14–14278/2019 // СПС «Консультант Плюс».
14. Определении Арбитражного суда Республики Башкортостан от 16.03.2022 г. по делу № А07–37249/2017 // СПС «Консультант Плюс».
15. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.09.2023 г. № Ф01–4864/2023 по делу № А43–44135/2017 // СПС «Консультант Плюс».
16. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.11.2023 г. № Ф06–10489/2021 по делу № А12–541/2021 // СПС «Консультант Плюс».
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.12.2023 г. № Ф09–5712/21 по делу № А60–27015/2020 // СПС «Консультант Плюс».
18. Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // URL: <https://fedresurs.ru/news/d569ceb1-1f1a-44dd-bec2-e11c8eb5ddac> (дата обращения: 25.12.2023).

Конституционализация административного законодательства как путь к построению гражданского государства

Фомин Александр Геннадьевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрена роль Конституции Российской Федерации в реформировании административного законодательства, через призму влияния общественных организаций на построение правового государства.

Ключевые слова: конституционализация, гражданское государство, общество, общественная организация, административное законодательство, правовое регулирование.

В условиях настоящего времени такое слово как гражданство становится нарицательным. В обществе все большее распространение получают такие термины как «гражданские права, гражданское общество, гражданский брак».

Термин «гражданские права» будоражил умы ученых и общественное мнение на рубеже 18, 19. В свих трудах немецкий философ И. Кант устанавливает первичность понятия свободы по отношению к праву, первичность права по отношению к идее государственности как юридически оформленного общества, а также первичность самой идеи государства по отношению к реально существующим государствам [10].

Определение понятию «гражданское общество» пытались дать на протяжении 20 века [11]. В настоящее время в обиход

вошел термин «гражданский брак», под которым в обществе сложилось мнение, что это не что иное как союз мужчины и женщины с целью создания семьи без официальной регистрации брака в органах Записи актов гражданского состояния (далее — ЗАГС). И несмотря на протесты ученых-правоведов и всего сообщества юристов, понимающих под гражданским браком именно зарегистрированный уполномоченным государственным органом союз мужчины и женщины, определяющее значение придается именно сформировавшемуся в обществе понятию.

Стоит сказать, что законным такой брак не признается.

Осознавая сложившуюся тенденцию Минюст России разработал поправки в Семейный кодекс Российской Федерации

и закон «Об актах гражданского состояния», позволяющие россиянам регистрировать браки в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг.

Органы государственной власти, предлагая позволить гражданам регистрировать браки в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг, идут на компромисс, по сути, приравняв административно-распорядительный акт к услугам, предоставляемым государством [12].

Тоже можно сказать и о выдаче водительских удостоверений, государственных регистрационных номеров, регистрации недвижимости и т.д.

В государстве сложилась тенденция, связанная с перестроением административно-командной системы управления государством и развитием демократическим принципов.

Эта тенденция хорошо прослеживается и на примере уголовного законодательства, в частности все большее распространение получает декриминализация некоторых преступлений, применение домашнего ареста в качестве меры пресечения.

И если мы говорим о демократизации законодательства в целом, распространении демократических принципов в нашем законодательстве, то стоит сказать, что эти основополагающие начала выражены в нашем Основном законе, в нашей Конституции Российской Федерации.

Таким образом можно говорить о конституционализации законодательства, приведении законодательства в соответствие с принципами и нормами, изложенными в Конституции Российской Федерации.

Конституционные принципы — это основополагающие начала конституционно-правового регулирования общественных отношений, сформировавшиеся объективно, в силу развития социальных связей, в целях обеспечения согласованности и эффективности воздействия правовых средств на общественные отношения, а в случае необходимости в целях недопущения пробельности и противоречивости правового регулирования.

Можно выделить такие конституционные принципы, как: справедливости, законности, свободы, равенства, принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, народовластия, правового государства, разделения властей и т.д.

Применительно к административной отрасли, на мой взгляд, в 21 веке умы юридического сообщества займет такой термин, как «гражданское государство». Развитие «гражданского общества», случившееся в 20 веке, получит свое продолжение в двадцать первом.

На примере школы, как образовательного учреждения, появились родительские комитеты, отстаивающие права детей и права родителей этих детей, получающих образование в учебных учреждениях.

В годы чеченской войны широкое распространение получили различные союзы матерей, борющиеся с нарушением прав военнослужащих, а в настоящее время активно принимающие участие в содействии развитию нашей доблестной армии, в том числе и в правовой сфере, как одной из сторон жизни нашего общества.

В целях борьбы за права обычных граждан-водителей в нашем государстве стали организовываться различные общественные объединения, такие как «Общество синих ведерок», «Стопхам» и другие.

Подобные общественные объединения — это не показатель эффективности правовой системы государства, напротив это признак несовершенства сложившейся системы государственных органов.

Гражданское общество, получив широкое распространение все активнее влияет на политику государства. При рассмотрении ряда важных вопросов большое внимание уделяется общественному мнению.

Несомненно, запрос на социализацию различных отраслей государственного устройства получит распространение и найдет свое место. Это можно сказать о различных сферах экономики, народного хозяйства, и о правовой сфере.

Профессор Ю.Е. Аврутин в статье «Конституционная самоидентификация и перспективы развития российского административного права» пишет, что переходный характер современной российской государственности, которую трудно признать в полной мере правовой и демократической, переходный характер отечественной экономической системы, которая содержит лишь элементы рыночных отношений, свидетельствует о том, что конституционные провозглашения, закрепленные в первой главе Конституции Российской Федерации, являются именно конституционной самоидентификацией [13].

Созданная конституционная модель правового порядка функционирования государства и общества во многих своих компонентах была и остается моделью прожективной, моделью будущего состояния политико-правовой и экономической системы.

Реализация конституционной модели состояния политико-правовой и экономической системы требует не просто модернизации институтов власти, процессов правотворчества и правоприменения, а особых механизмов, обеспечивающих гарантированность поступательного движения к намеченной цели.

Конституционализация публичной власти, элементов и процедур публичного управления является процессом переосмысления соответствующими должностными лицами духа и буквы конституционных норм и принципов и реализации их в практической деятельности.

Доктор юридических наук Д.Н. Бахрах отмечает, что «главная составляющая предмета административного права... система отношений публичной администрации с гражданами и их организациями. Основная задача административного права — правовое обеспечение конституционных положений граждан» [14].

Реформирование административного права должно быть направлено в первую очередь на защиту прав граждан, как на наименее незащищенных субъектов общественных отношений.

Делая вывод из всего сказанного, можно с уверенностью сказать, что решение многих из проблем непосредственно связанных с административным правом, сутью которого в целом и всех его институтов в частности является регулирование отношений между органами публичной власти и теми субъектами права, на которых распространяется их властное регулирующее воздействие зависит от процесса конституционализации правовой отрасли административного права.

Содействие развитию и реализации прав, свобод и законных интересов невластных субъектов административно-правовых отношений долгое время не являлось основополагающим в деятельности органов государственной администрации.

Реализация гражданским обществом своих прав, в том числе путем направления общественных инициатив в соот-

ветствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» является эффективной стратегией развития правового государства.

Литература:

1. Интерфакс. Новости. URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/news/byvshie-vetvrachi-v-belgorodskoy-oblasti-osuzhdeny-po-delu-o-korrupcii>
2. Ежемесячный сборник за январь 2021.pdf // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics>
3. Стариков Ю. Н. Из публикаций последних лет: воспоминания, идеи, мнения, сомнения: [сборник избранных научных трудов]. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2010. — 640 с
4. Бахрах Д. Н., Семенов А. В. Понятие «административная жалоба» // Административное право на рубеже веков: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, УрГЮА, 2003. С. 118–131. Там же.
5. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник. 2-е изд. М., 2008. С. 145.
6. Тихомиров Ю. А. О концепции развития административного права и процесса // Государство и право. 1998. № 1. С. 42.
7. Козлов Ю. М. Прием и рассмотрение жалоб трудящихся в органах советского государственного управления // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 42–44. Там же. С. 44–45.
8. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 07.05.2013) «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
9. Маслов Б. В. Институт обращений граждан в административном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 22. Там же. Там же.
10. Горулько И. А. Свобода личности как основание учения о праве Иммануила Канта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-lichnosti-kak-osnovanie-ucheniya-o-prave-immanuila-kanta>
11. Кожевников С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России. URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1\(5\)/B_4.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1(5)/B_4.pdf)
12. Киселева А. Россияне смогут заключить брак в МФЦ // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/27/1002804-rossiyane-smogut-zaklyuchit-brak-v-mfts>
13. Ю. Е. Аврутин. Конституционная самоидентификация и перспективы развития российского административного права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-samoidentifikatsiya-i-perspektivy-razvitiya-rossiyskogo-administrativnogo-prava>
14. Бахрах Д. Н. Административное право России: Учебник. М., 2007. С. 528.

Проблемы института обращений граждан в административном праве

Фомин Александр Геннадьевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены роль обращений граждан, как правового института административного права, освещается обзор проблем в сфере правового регулирования института обращений граждан.

Ключевые слова: обращения граждан, административное право, проблемы правоприменения, правовое регулирование, институт обращений граждан.

Сегодня если мы говорим о проблемах административного права, то несомненно нужно исходить из основополагающих проблем, ведь устраняя точечно недостатки законодательной отрасли административного права невозможно устранить все имеющиеся проблемы, как и выявить их. Узкий подход не решит проблемы административно-правовой науки, как и законодательства.

В книге «Автономия демократического государства» [1] Эрик Нордлингер описал три сценария (или модели) государственно-общественных отношений, возможных в демократическом режиме. В рамках первого сценария самостоятельное государство находится в конфронтации с общественными потребностями. Согласно второму, государственные решения соотносятся с происходящими в обществе изменениями. На-

конец, согласно третьему сценарию, государственные и общественные потребности сходны и государство лишь оформляет общественный запрос в виде законодательных актов. При этом, задаче соединения управляющего класса и общества при любом сценарии служит прослойка, состоящая из партийных организаций, а также общественных советов, организаций и комитетов, заинтересованных в согласовании интересов.

Если мы говорим о российском государстве в терминах классификации Эрика Нордлингера, модель взаимоотношений государства и общества нужно обозначать как конфликтную. При этом недостаток партийного или гражданско-общественного «клея», который должен соединять управляющую прослойку и общество, мизерные возможности общественных советов, комитетов, профильных некоммерческих организаций влиять на административные отношения, задают широкие возможности для создания перекоса в сторону реализации именно интересов государства при их рассогласовании с общественными [2].

Известно, что административно-правовые правоотношения характеризуются несколько иным положением участников по сравнению, например, с гражданско-правовыми отношениями. Последние отношения построены на основе правового равенства субъектов, тогда как административные правоотношения такого качества не предусматривают. В этих условиях права не властного субъекта — гражданина — по сравнению с правами властного субъекта уравниваются правом обжаловать его действия или бездействие [3].

Большинство ученых-административистов реализацию права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления чаще всего усматривают в подаче жалобы.

Доктор юридических наук, профессор Д. Н. Бахрах обращает внимание на то, что «жалоба, подаваемая гражданином на решения, действия (бездействие) официальных органов, есть важный уравнивающий момент. Если один субъект административно-правового взаимодействия — орган государственной власти или орган местного самоуправления — имеет и осуществляет право издавать правовые акты управления, то другой субъект — гражданин — в свою очередь имеет право обжаловать изданный акт, требовать его пересмотра или отмены» [4].

Жалобы можно подразделить на административные, т.е. рассматриваемые во внесудебном, в административном порядке; и судебные, рассматриваемые судами в процессе осуществления правосудия в порядке уголовного, гражданского административного или конституционного судопроизводства

Профессор Ю. М. Козлов называет административную жалобу «средством защиты прав и интересов граждан» [5]. И с этим нельзя не согласиться. Ведь не всегда, но в большой части случаев восстановлению прав в порядке гражданского производства предшествует административный порядок рассмотрения жалоб. И от эффективности работы этого института зависит будет ли достигнут положительный эффект или отрицательный. Можно сказать, что законодатель, предоставив судебные полномочия административным органам власти, позволил последним вершить судьбы людей. Но как вменными

функциями и полномочиями распорядился административный орган?

Обратимся к статистике, как к справедливому и независимому наблюдателю.

Согласно сведениям, размещенным на официальном сайте Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [6] с 2016 по 2021 годы отмечается рост количества входящих жалоб:

- за 2016 год 42549 жалоб;
- за 2017 год 41841 жалоб;
- за 2018 год 38698 жалоб;
- за 2019 год 38328 жалоб;
- за 2020 год 37015 жалоб;
- за 2021 год 48553 жалоб.

Из их числа уверенный рост выделяется по тематике в сфере законодательства об административных правонарушениях: 2018–358, в 2019–356, в 2020–480 обращений. В сфере законодательства ЖКХ сохраняется высокий уровень обращений, как и в сфере социального обеспечения,

Происходит рост коллективных обращений.

Более подробную картину мы увидим на примере работы Уполномоченного по правам человека в городе Москве. В 2019 году к Уполномоченному поступило 5420 обращений о нарушениях прав и свобод человека и гражданина, включая 315 обращений граждан, принятых Уполномоченным на личном приеме по самым трудно решаемым вопросам, а также 136 коллективных обращений [7].

Количество обращений по сравнению с 2018 годом увеличилось на 17,5%.

Прирост обращений отмечается по вопросам не оказания медицинской помощи лицам, содержащимся в СИЗО, а также в сфере детской проблематики.

Помимо этого, возросшее количество обращений в адрес московского омбудсмена связано с расширением сферы деятельности Уполномоченного по содействию защите прав и свобод москвичей, охватывающей наиболее остро стоящие для жителей столицы проблемы.

Общее число вопросов, поставленных в обращениях граждан, составило 4731. На первом месте для москвичей остаются жилищные вопросы — 14,7% (694). Увеличилось на 16,4% по сравнению с 2018 годом и остается высоким количество вопросов уголовного производства — 14,7% (693). Вопросы защиты прав граждан на образование занимают третье место и составляют 10,8% (511), прирост по сравнению с 2018 годом составил 18%.

Статистика прошлых лет показывает, что в 2018 году было рассмотрено 54 коллективных обращения, в 2019 году произошло существенное увеличение их числа до 136 и в 2020 году их число составило 124. В 2021 году наблюдается снижение коллективных обращений — 118 (2,62%), однако подписаны они более 1100 гражданами [8].

Принимая во внимание, что коллективные обращения граждан характеризуются наличием существенной проблемы в отдельных областях жизнедеятельности общества и отражают солидарную позицию групп населения по вопросу решения имеющейся проблемы, аппаратом омбудсмена в приоритетном порядке давались письменные разъяснения правового характера

по всем коллективным обращениям, содержащие информацию о способах защиты и восстановления нарушенных прав, компетенции и территориальной подведомственности органов власти.

Право на обращение в органы государственной власти является ключом к эффективному взаимодействию государства, гражданского общества и личности. От того, насколько ответственно, качественно и своевременно власть реагирует на обращения граждан, зависят судьбы людей, авторитет властей, незыблемость веры в закон, стабильность и правопорядок в обществе, его развитие.

И в этом нельзя не согласиться с омбудсменом.

Количество обращений, направленных в органы публичной власти и должностным лицам, свидетельствует о высокой востребованности данного права в качестве механизма защиты других прав и свобод граждан и в то же время о распространенности данной формы участия граждан в управлении делами государства и контроля деятельности органов власти [9].

Можно сделать вывод о том, что именно такой вид обращения, как жалоба, является одним из средств защиты нарушенных прав, свобод или законных интересов гражданина. В свою очередь должностные лица органов государственной власти и органов местного самоуправления, к которым обращается гражданин, обязаны принять решение, которое будет направлено на их восстановление и защиту.

Если до недавнего времени институт обращений граждан на федеральном уровне регламентировался Указом Президиума ВС СССР от 12.04.1968 г № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», то теперь с принятием, такого долгожданного для большинства граждан России профильного Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N59-ФЗ в области обращений не привело к развитию массового эффективного использования инструментов этого важнейшего демократического института [14].

Причины возникновения такой парадоксальной, на первый взгляд, ситуации кроются в отсутствии единой научно обос-

нованной концепции правового наполнения и дальнейшей реализации положений института обращений граждан. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N59-ФЗ поражает обилием содержащихся в нем погрешностей и, что особенно важно, грубых юридических ошибок. Влияние этого норматива на систему источников института обращений достаточно велико. Принимаемые на подзаконном уровне нормативные правовые акты перенимают большинство этих ошибок, а в ряде случаев и приумножают их.

Все это, безусловно, негативно влияет на формирование и развитие института обращений в системе российского административного права, способствует усилению бюрократической волокиты и не позволяет гражданам Российской Федерации реализовывать свое конституционное право на обращения в полной мере [14].

Особенность повышения качества регулирования института обращений граждан на административно-правовом уровне заключается в том, что здесь необходимо говорить о совершенствовании правовой регламентации конкретных видов обращений, а также об общих положениях, принципах функционирования института [14].

Анализируя сложившуюся ситуацию, в отрасли административного законодательства имеется ряд проблем, вызванных несовершенством механизма правового регулирования общественных отношений, неразвитостью институтов отрасли, мягкостью юридической ответственности за правонарушения, регулируемые указанной отраслью права, не соответствующие принципам, изложенным в Основном законе страны.

Без систематизированного подхода к приведению административного права в соответствие с принципами Конституции российской Федерации, искоренения правового нигилизма, имеющего распространения среди представителей правопорядка, наделенных властными полномочиями, невозможно говорить о совершенствовании отрасли административного права.

Литература:

1. Nordlinger E. On the Autonomy of the Democratic State. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
2. Быков В. А. Государство и общество. Принципы взаимодействия в современной России (пример анализа академической дискуссии). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-obschestvo-printsipy-vzaimodeystviya-v-sovremennoy-rossii-primer-analiza-akademicheskoy-diskussii>
3. С. В. Калинина. Административная жалоба как средство защиты нарушенных прав, свобод или законных интересов гражданина URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-zhaloba-kak-sredstvo-zaschity-narushennyh-prav-svobod-ili-zakonnyh-interesov-grazhdanina-1/viewe>
4. Бахрах Д. Н., Семенов А. В. Понятие «административная жалоба» // Административное право на рубеже веков: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, УрГЮА, 2003. С. 118.
5. Козлов Ю. М. Прием и рассмотрение жалоб трудящихся в органах советского государственного управления // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 42–44.
6. Обзор обращений к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (статистика за 2016–2021 годы) URL: https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/obrashheniya/overview_of_cases?printVersion=true.
7. Статистика по обращениям граждан к Уполномоченному по правам человека в городе Москве в 2019 году. URL: <https://ombudsman.mos.ru/Deyatelnost/Statistika>
8. Статистика по обращениям граждан к Уполномоченному по правам человека в городе Москве в 2021 году. URL: <https://ombudsman.mos.ru/Deyatelnost/Statistika>

9. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/0c23b943-2f3d-473b-8ea8-a4757bb6ffb5/e372e28d-1150-4f7d-b67f-22f01505e628.pdf>
10. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // URL: http://ombudsmanrf.org/news/done/view/v_otnoshenii_nedobrosovestnogo_direktora_upravljajushhej_kompanii_vozbuzhdeno_ugolonoie_delo (дата обращения: 25.04.2017).
11. Доклад министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на совещании Президента Российской Федерации с членами Правительства Российской Федерации о мерах по повышению качества жилищно-коммунальных услуг // URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/doklad-ministra-mikhaila-menya-na-soveshchanii-prezidenta-rf-vladimira-putina-s-chlenami-pravitelstv/> (дата обращения: 10.04.2017).
12. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2016 года // URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1162324/>
13. Доклад уполномоченного по правам человека в российской федерации соблюдение и защита прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства за 2017 год. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/tematicheskie_specialnye_doklady/docs/doc7.pdf
14. Маслов, Борис Васильевич. Институт обращений граждан в административном праве: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.14 / Маслов Борис Васильевич; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. — Москва, 2008. — 152 с.: ил. РГБ ОД, 61 08-12/260

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 52 (499) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 10.01.2024. Дата выхода в свет: 17.01.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.